

ГРАНИ

GRANI

162

1991

Verlagsort: Frankfurt/M., Oktober-Dezember

"ГРАНИ"

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Из широко известных авторов в "Граних" были опубликованы произведения:

А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова,
И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича,
З. Гиппиус, В. Гроссмана, Ю. Домбровского,
Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина,
Н. Коржавина, В. Корнилова, А. Куприна,
С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова,
О. Мандельштама, В. Набокова, В. Некрасова,
Б. Окуджавы, Б. Пастернака, К. Паустовского,
А. Платонова, Г. Подъяпольского, Р. Редлиха,
А. Ремизова, Ф. Светова,
А. Солженицына, В. Солоухина, М. Цветаевой,
И. Шмелева, В. Шульгина...

МОСКВА
«ТЕППА» - «TERRA»
1991

Журнал основан в 1946 году
Основатель журнала Е. Р. Романов

Редактировали:

1946 Е. Р. Романов, С. С. Максимов, Б. В. Серафимов

1947-1952 Е. Р. Романов

1952-1955 Л. Д. Ржевский

1955-1961 Е. Р. Романов

1962-1982 Н. Б. Тарасова

1982-1983 Р. Н. Редлих, Н. Рутыч

1984-1986 Г. Н. Владимов

Главный редактор
Е. А. Самсонова-Брейтбарт

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год XLVI

№ 162

1991

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Михаил ШАНГИН	
<i>Загнета. Главы из повести</i>	5
Алексей ДИДУРОВ	
<i>Фрагмент любви. Стихи</i>	72
Владимир БОБРИКОВ	
<i>Я бежал за огнем... Стихи</i>	79
Георгий САДЧИКОВ	
<i>Узор на розовом окне. Стихи</i>	86

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Юрий КОЛКЕР	
<i>Несколько наблюдений (О стихах Иосифа Бродского)</i>	93

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Владимир КАШНИКОВ	
<i>В России 1941-44 гг.</i>	153
Марк Матсов	
<i>Первые мемуары (М. В. Юдина)</i>	177

К 50-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВОЙНЫ

Михаил НАЗАРОВ	
<i>Эмиграция и война. Ч. II. Главы из книги</i>	203

ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ. КУЛЬТУРА

Сергей ФЕДОРОВ
Печоры

241

ПУБЛИКАЦИИ

ДОРОГА К ХРАМУ

Журнал молодых российских солидаристов

281

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

М. Н.

О книгах Петра Паламарчука

("Краденый Бог", "Александр Солженицын:
путеводитель", "Новый московский летописец"
"Ивановская горка", "Козацкие мотивы",
"Векопись")

307

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

312

СОДЕРЖАНИЕ С № 159 ПО № 162 ЗА 1991 ГОД

315

Обложка работы художника Н. Мишаткина

Михаил ШАНГИН*

Загнета

Татя лежит на нижнем голбчике, он часто и подолгу мучается сухим кашлем, под ним втрое сложенный тулуп и половина ватного одеяла, другою он одевается, когда мерзнет. Соседка Марина сказала - "ахотка у отца, скоротечная", но никто из докторов у нас не был и не посоветовал, как беречься семье. И мы не боимся, вернее не знаем - чего и как остерегаться, играем возле бати.

Сегодня перед отцом сидит закадычный его дружок Вася Полин, богатырского сложения дядька, лет сорока, наверное, сидит, взяв худую, иссохшую руку умирающего друга в свою, здоровенную лапищу. Дядя Вася бывает у нас часто, только не приносит нам ничего, он такой же, как мы, голытьба. Он разговаривает с батей, а татя только головой иногда мотнет в знак согласия или моргнет глазами, ободренный словами Васи:

- Помнишь, Лева, Польшу, Перемышль? А Сиваш не забыл? Эх! И была ж ты в нас силушка та окаянная, и лазили черт-те куда - и немца били, и Врангеля, и Петлюру... живехоньки с гражданской пришли, хоть и шкура на обоих изодрана, целого места на подметку не выберешь... такое пекло прошли, а вот, поди ж ты, где споткнулись...

Татя слегка кивнул головой, что-то сказать

* Главы из повести.

хотел, зубы его обнажились, но слов не получилось. Мамы дома нет и Петьки, старшего брата, тоже, мы с Саном одни в избе. Дядя Вася чуть помолчал после воспоминаний, посмотрел в пустую куть, где из-за печи торчат черенки ухватов и сковородника, одним пальцем утер слезу, покусал, вроде, что-то челюстями и негромко запел любимую обоими песню:

Под частым разрывом гремучих гранат
Отряд коммунаров сражался
Под натиском белых, наемных солдат
В расправу жестоку попался.

Навстречу им вышел старик генерал
Он суд объявил беспощадный
И всех коммунаров он сам привлекал
К смертельной мучительной казни.
С бесстыдной улыбкой сказал генерал:
"Спасибо за вашу работу.

Вы землю просили - я землю вам дал,
А волю на небе найдете".

Не смейся над нами кровавый старик,
Нам выпала тяжкая доля.
На выстрелы ваши ответит наш крик
"Земля и народная воля".

Мы сами копали могилу свою.

Готова глубокая яма.

Пред нею стоим мы на самом краю.

Стреляйте вернее и прямо.

А вы, что стоите, сомкнувши штыки,
К убийству готовые братья.
И пусть мы погибнем от вашей руки,
Но мы не пошлем вам проклятья.

Долго еще сидел дядя Вася молча, опершись на свои баганы, встал, простился молча, ушел. Эту песню спел он и перед своей смертью. Я слышал ее

только от него и нигде больше. Наверно, запрещена была, нашли в ней крамолу: "умерли коммунары от рук белых и не проклинали их". А по партийной идее так не могло быть.

Ушел Вася, стало тихо. Мы сбочку смотрим на отца – может, пить попросит. А он вдруг улыбнулся беззвучно. Чего бы это он? Что-то вспомнил? Что? Может, это? Я про себя думаю...

Поехали с ним в Брылинку на двух телегах по кирпич. Передним, серым конем, заложенным в груженный воз, правлю я. Серко – он соседский, его дали на подмогу нашему Карьке, чтоб привезти больше. Мне восемь и у меня еще мало сил удержать мерина за вожжи – он куда захочет, туда и свернет. Хитрый толстобок. Вот он пить захотел, ну и шагнул с дамбы к воде. Тятка прыгнул как лев и, упершись могучим плечом, зажал лошадину на дамбу. Еще бы чуть, и быть бы и мне, и телеге с конем в глубоком омуте. Побелел отец, пот с него льется. Такая беда миновала.

Но это не смешно. Не то, не то он припомнил, а вот что: тятка зимами пимокатничал с артелью и уезжали куда-то далеко-далеко, так далеко, что надо ехать к нему на Карьке аж два дня. Письмо как-то пришло – приедет тятка скоро. Мы ждем на печке у чувала и бьем от радости калканами о грядку – кто дольше и пуще. А тятя тут как тут с мешком, весь заиндевелый, сосульки на бровях – стужено!

Нас сдуло с печки на верхний голбец – сердчишки вырываются от радости. Сано уж большой дубина, ему девять, мне семь, меня он вовсю обгоривает при игре в бабки и врет, а я верю, что есть у него живой человечек-удаличка, живущий в банке, запрятанной на пригоне. Сано опять впереди:

– Тятя, чо привез?

— Э, чо привез... орешки вон в кармане тулупа, в Белозерке по пути купил.

Сано хоп рукой в карман — а там ничего!

— Нету орешков-то, тятя, дырка в кармане-то сделалась, в нее орешки-то и утекли — тю-тю их.

И тятяка первым захохотал, да так заразительно, что и мы тоже зинули. Долго смеялись. Смех и заменил сладость подарка...

Вася Полин, Василий Поликарпович Шангин, двоюродный брат отца, после ранения и получения третьего "Георгия" пришел домой на краткосрочный отпуск летом 1916 года. С неделю и погостил-то. Не взяла его мировая — с урядником какую-то обиду не стерпел солдат, схватил топор и зарубил представителя власти. Произошло это второго августа, в Ильин день. Ушел в кандалах в Нерчинскую каторгу на двенадцать лет. Февральская революция его освободила. Явился в село родное, но вскоре обратно на фронт уехал сражаться "до победного конца" да так, с разгону и воевал у красных всю гражданскую. Как морская галька во время отлива, оголилась душевная боль друзей, с детства шедших по жизни рядом, юность в одной деревне и две войны вместе и награды у обоих одинаковые. Сорок лет спустя сын об отце скажет:

Был батя вечным пимокатом,
Он не пахал, не сеял и не жал.
Рук не жалел в мозолистых заплатах,
Как пимокат хмельное обожал.
И не было загашника у бати,
Лачуга бедного пуста.
Сынам оставил в память на полатях
Три георгиевских креста.

В церкви батюшка походил вокруг гроба, пел молитву, дымом окатил всех, и гроб вынесли. По-

хоронили отца у трех тополей. Они и поныне стоят, только уже не на кладбище – на стадионе.

Тогда, в двадцать девятом, мы, трое братьев, первый и последний раз были в церкви. В тот год ее начали ломать. Вася, по прозвищу "сапер", закинул на купол веревку, влез на него и спилил крест. Бабы на церковной площади дружно ахнули, когда крест летел на землю. За два лета обе колокольни сломали до уровня крыши, стропила устроили, закрыли досками. В церкви народом открыли. Так и стоит храм обезображенный, с лоскутной крышей, комолый, как безрогая корова. А ведь красота-то была какая, какой обзор с той высоты! Завораживающий звон лился с главной колокольни! Звонарь Офоня умел на тех колоколах, больших и малых, такие душебередящие ноты выигрывать, что диву давались чашинцы: "это не звонарь, музыкант!" Мы, пацаны, залезали к нему на "рабочее место" и видели: от всех колоколов, меньших, чем главный, прилажены поводки из ремней, на концах – петельки, одеваемые на разные пальцы рук, от языков больших колоколов поводки он надевал на ноги. У Офони была своя система игры и никто, кроме него, за колокола не садился. Правда, случалось – посылали любого, когда надо было бить набат на пожар.

Чуть проснувшись, трешь кулачком заспанные глаза, а оттуда, сверху, плывет в тебя сладкий перезвон колоколов. Память далекого детства... "Ребятки, просыпайтесь, – тихо скажет мама, – уже кукушка прилетела, яйки красные под подушки вам сунула – поглядите!" Это Пасха 1928 года. Звон и не звон, а гимн торжественный и лирический в звуке колоколов остается в тебе на весь день. Выходишь в ограду, а солнышко только тебя и ждало, чтоб показаться из-за старцовских крыш, вываливается, набухает и делается с амбарное решето, а

как вылезет все, от домов оторвется, цвет и размер меняет – я еще не знаю почему, мне девять; и я считаю, что солнышко из-за Расковаловой всходит и, пробежав по небу, прячется вечером за Иткулем. И спит там всю ночь.

Расковаловой, откуда вылезает солнышко, мы боимся – мама сказывала:

– Через Чашу проходила главная дорога – Великий сибирский тракт, по нему обозы ездили и пешие каторжники, сама в двенадцатом годе видела. Довели их до этой деревни, тут кузница, старик бородатый в фартуке срубают с бедных кандалы, расковывает, значит, а дальше на восток пойдут они уж без цепей.

Жалко нам тех каторжников – “как же они шли, трет же ноги железяками”. Не знали мы, тогда еще восьмилетние, что через каких-то десяток лет пройдем и мы каторжным этапом из тюрьмы в тюрьму и вспомним мамин рассказ о колодниках.

* * *

Стоит жаркое лето двадцать девятого года. Третьего июля умер отец. Говорят, в Ильин день, второго августа, нельзя плавать – опасно. Все это знали, боялись грозы и воды. Мы играем на берегу, видим, выходят из огорода двое – Ванька Городок и Вася Полин, друзья отцовские, бредут к лодке. Очистили ее от воды, весла приладили, поехали, слышно про рыбалку толкуют. Ванька низенький, толстенький мужичок. Прозвище “Городок” получил за многократное взятие “города”, где на Масленку доставал со скользкого столба четверть самогона. Никто не мог, а он залезал. Шаров с сотню и отплыли-то, приткнулись тычкой, рыбачат. Озеро тихое-тихое, как стеклышко, им клюет, мы видим

рыбок, нам завидно – как бы и нам туда, но удочек и лодки у нас нет, а в чужую влезь не спросясь – мать выдерет.

Егор Панок с берега видит – приятели-то поплеывают на Ильин день – рыбачат, не боятся. Пока чистил лодку, замок открывал, друзья на воде запели: "Под частым разрывом гремучих гранат, отряд коммунаров..."

– Кака жалобна, задумчива песня, – молвили потом бабы на плоту, – это ж надо – могилу себе мужики рыли...

Растекалась по озерной глади, как круги от кинутого камня, их предсмертная песня... Подплыл к ним Егор, лодки бортами стукнулись, размотал удочку, тихо о чем-то загуторили, потом (и что ему в башку взбрело) Иван, вроде шутя, и говорит Егору:

– Небось, сусед, ты не утопнешь, у те нога-то деревянна, ты сплывешь, как дерьмо в пролубе.

Нагнул борт лодки Егора, тот выпал, но уцепился за борт ихней лодки.

– А, мать вашу, тонуть дак тонуть – всем вместе!

Вывалил обоих, сам за тычку уцепился, орет "караул"! Ванька и Вася камнем пошли на дно. На берегу стоглотно взревели, быстро трое парней прыгнули в лодку и к ним. Панка втянули на борт, за теми ныряли долго. Нашли, вывезли, в телегу положили и в больницу. Пацаны следом туда же. В больничке обоим утопшим сгибали и разгибали руки, но, видно, опоздали, не спасли.

Вот и не стало разом друзей, унесших с собой роковую ту песню. Похоронили их рядом с нашим отцом, у трех веселых тополей...

Мама потом вспоминала:

– Бывало выпьют, идут улицей в обнимку, порозуют, оба в косу сажень (это она про отца да про

Васю Полина) с пудовыми кулачищами здрюки. Встречные компании укрывались во дворы, давая им проход.

Грозой улицы считали Левку Мартяхина да Васю Полина. Была у нас, потом потерялась, фоточка ихняя – братья в царской солдатской форме, с тремя "Георгиями" на груди, медалями. Кресты и медали мы с Саном в Торгсин отнесли, да обманул нас приемщик – только конфет и купили за тяткины награды.

* * *

Видели бы вы, какие праздники справляли в те далекие, неповские, годы. Целую неделю на Масленицу по селу гоняют на тройках с бубенцами. Сбруя блестит на конях, кошевы в коврах, дуги в лентах, с песнями под гармонь! Прут, что есть мочи, по улице – раздайся народ, бойся такой шальной тройки! Наяривает возница коней – картуз набекрень, во хмелю удаль свою показывает – знай наших! Задача тех, у кого таких коней и кошев нету – особенно нас, пацанов, – таскать в улицу объедь соломы и жечь костры. С визгом и хохотом волочем в кучу все, что гореть может – шире костер! А тройка вот она, летит, пристяжки головы набекрень, храпят и пена в узгах у них – не жалеют жеребцов для такой забавы! На полном скаку тройка кидается в костер, пролетит, разворошит его, опять нам надо быстро восстановить пламя, скоро следующая подбежит. А в кошеве, рядом с кучером, спиной к лошадям, сидит гармонист и рвет меха – на всю улицу игру свою дарит. Из кошевы, туго набитой веселыми седоками, брызжет радость. Задор и нас одолевает – хорошо играть с огнем. Допоздна несутся тройки серых, гнедых и вороных, по уже потухшим огнищам.

На Масленке днями сидят мужики и бабы на лавочках у своих изб, у кого есть – семечки лузгают, у кого нет – байки точат. Смех, визг девичий и песни под гармошку. Послушай ввечеру – чья гармонь вышла? Олеха Сафановнин, единственный смельчак, переплывавший озеро по диаметру с берега гусевского на старцовский, он, Олеха, по манере игры, по звучанию мог за версту определить:

– Тимка Кулик заиграл, а это вот Венька Ретин. Ну, сейчас слышите? Это уж точно Ванька Чертенюк за мостком!

Ванька Чертенюк, то бишь Иван Шелепов, гармонью владел чертовски, песен знал с короб и бередить умел людские души играя, зажмурившись, весь уходя в музыку. Односельчане шутили: когда Иван заиграет, с его в то время штаны снять можно – не почует.

Бытовал тогда в наших селах обычай строить дома, убирать хлеб, косить сено, пилить дрова "помочью": на помощь шли без приглашения, по зову совести и родственники, и чужие, просто однодеревенцы. Бывало, таким миром за день сруб избы ставили – со смехом, шутками работа спорилась. Никому, кроме обеда и ужина, никакой платы не полагалось: ныне одному доброе дело сделали, завтра – другому. Такое вот единение крестьян и было, наверное, зачатком новых отношений, доброты, соучастия и сострадания. Особенно жалели сельчане погорельцев: считалось предосудительным не дать "на погорелое место". Тут уж не срамись перед соседями – дели с несчастными их беду. А как же? Вдруг и тебя такое постигнет.

В первый год коллективизации в моем селе и

окрестных тоже пожары случались так часто, что следовали один за другим. Целыми кусками выгорала моя Чаша, а Могильное Первое сгорело дотла. После летнего пожара тридцать первого года от села этого чудом остался один дом.

* * *

Не любил, видно, батя землепашество. Хоть и земля была, и кобыла с сохой, но соху ту одна Гнедуха не тянула, приходилось просить в пару коня у тех же Пимокатовских, а потом отрабатывать за него своими мускулами. Пимокатовских выселили в тридцатом, а до этого отец несколько лет за мизерную плату катал пимы у них в мастерских.

Приземистый, деревянный барак-цех. Полуголые пимокаты работают в клубах пара и пыли: бьют шерсть, заращивают, катают при открытых окнах даже зимой, на сквозняках. Никакой вентиляции нет. В цеху горят блеклые керосиновые лампы, их лучики не пробивают густого тумана. Кашляют многие. Пьют все одной кружкой, черпая через край из незакрытого котла.

Тут и подхватил отец чахотку. И не он один ушел в могилу. Туберкулез тогда не излечивали. Следом за отцом умерла младшая сестренка. У братьев Вити и Саньки туберкулез извел ноги. После долгих хлопот приняли их в детский санаторий "Чернавское" в сосновом бору за Введенской, где стояли два деревянных барака. Лечить было нечем, просто дети дышали чистым, лесным воздухом.

Сана в сорок четвертом даже в армию взяли, довезли до Волги и обратно вернули. Какой он вояка с такой ногой. Вернулся на свою работу бухгалтером райзаготконторы. Поехал с отчетом в

Курган, сел на станции Иковка в грузовой поезд, ступил больной ногой в автосцепку, паровоз дернул, и отрубило Саньке ногу. Успел все же упасть не на рельсы, на бровку. Ходит с сорок пятого на протезе.

* * *

Год 1927-й, мне почти восемь, Сану десять. Отец еще работает, кашляя, но бедность одолеть не может. Мама заключила договор – пасти два летних сезона общественное стадо овец. Работать будем мы с Санькой. В полдень, когда стадо, тяжело дыша, под жирным солнцем лежит у Грезнушки, ручейка крохотного, я бегу домой, за обедом. Мог бы перекусить в избе, но мама строго скажет: "Не ешь один, к Сану иди, вместе budete".

Иду, подпрыгивая, с сумкой, где медная фляжка с молоком, кусок хлеба и огурец. Смотрю больше не вперед, где Сано с овцами, а под ноги – степь полна "татари́нами", страшно колючими растениями: ступишь на него голой ножошкой – полчаса ревешь, хоть и колючки из подошвы вынешь. Такая ядовитая тварь растет на нашей поскотине. Стадо ближе, уж Сана видно, я пою, насвистывая мелодию нашей поулошной, которую сельские гармонисты расплескивают над деревней по вечерам. То ли резцы, передние зубы, редки были, что через них выдувался звук, похожий на тот, когда дуют через папиросную бумагу. Два лета пасли овец, и всё гуделось вот так, потом перестало, видимо, щелки меж зубов срослись.

Овцы летом еще терпимы, хотя есть среди них бодущий баран, к которому близко не подходим – рожищи у него винтом, остряками назад, лоб могучий. Когда он бодался с другими – всегда побеждал. Но осенью, когда травы в степи уже нет, хоть и

стригут они ее чутошную, овцы бегают, удержать их на одном месте нелегко. Поскотина отгорожена от полей жердяной изгородью, но кое-где она неисправна, и блудная овца ее найдет – в лазейку пролезет одна – за ней все стадо кидается. Мы сопли и слезы на кулак, в рваных и не по ноге обутках бежим, надо обогнать, вернуть стадо от дыры, за коей чужое, частное поле. За потраву взгреют и очень даже – рожь там, всходы. Они своей зеленью и манят.

Летом вторым какое-то время пасли мама с Петькой. Тут мы урывали момент "на калым". Идем за околицу, к Казачьим воротам. В прясле, ограждающем поскотину, сделаны они для проезда подвод по дороге – Сибирскому тракту. Знаем: проезжим купчинам неохота самим открывать и закрывать ворота, мы несем тут добровольную вахту. Ворота низенькие, из двух половинок, волочатся по земле, приходится их приподнимать. Двоим не под силу, дежури́м вчетвером. Играем, пока никого нет. Тепло. Открывая ворота перед подъезжающей подводой, протягиваем руки – "подайте че-небуть". Дают разное, когда одну конфетку на четверых кинут. Богатые подают больше, даже домой иногда уносим дневной свой заработок.

* * *

Подошел как-то к маме мужик богатый Петро. Дай, дескать, Дарья, пацана дня на два, поборонить. Марина вот шлет своего, да надо двух, чтоб на обеих лошадей. Ну, мама и согласилась за двадцать копеек. Раным-рано увез нас с Шуркой, по прозвищу Гуля, тот Петро. Пашня у него под бором, земля рыхлая, не то что у нас, на Ветродуевке, ну разве богатый плохую ее возьмет? Ветродуевка с ее со-

лонцами – это для таких, как мы, Офоня Хромой да Илья Казаречка. Бедноте ладно и такое поле, всё равно у нас осот только и растёт, хлеба, пополам с лебедой до нови никогда не хватает.

Запряг Петро в бороны двух мерингов – мне серого, Шурке гнедого, посадил на вершны, вышел, показал:

– Вон, до тех кустиков езжайте, там межа, обратно правьте, друг от дружки не отставайте, след так-ту виднее. Ну, я у телеги буду, если чо не ладно – орите.

Поводья в руки, поехали, Шурка впереди, я на Серке за ним. Конь храпит, упираясь, везет косо-зубку, пена у него в узгах, удила об зубы стучают. Жалко мне Серого – и зачем это железы в рот ему делают? Он ведь и так бы пошел. С утра, вроде, попку не давило, к обеду резать начало, хоть и потники под нами, и кони у Петра сытые, не то что наша Гнедуха (кость воет, дыра свистит), все равно устали сидеть, ерзаем с боку на бок. Я уж ерзал, падал, опыт есть, Гуле кричу:

– Не шибко вертись – шлепнешься!

Упасть на пашню мягкую не страшно, коня боязно – лягнуть может с испуга. После каждого загона, когда подъезжаем ближе к телеге, останавливаемся. Подходит Петро, подымает бороны, встряхивает насаженную на зубья траву, кладет, посмотрит – все ли ладно, махнет рукой – ”пошли”! Устали, хоть бы скорей обед, думаем, но хозяин молчит – тешет и тешет топориком сырую жердинку, оглоблю, видать, делает. Часов у него нет, он по солнышку время знает, и обед тоже, а конец работе будет на закате. Пар мы бороним, на нем нечего не посеяно, поляк да березка только вылезает.

Радехоньки – видим, машет Петро рукой, на обед зовет. Слезть с коня это просто: свесил ножошки и вместе с потником ты на земле. Влезть на

вершну нам не суместь – ”малы ишшо в перьях-то”. Соскочили с лошадей на пахоту, костромки с вальков сняли, на спины коней их закинули, поводья в руки, повели. Пауты кусают животных, бьют они ногами, хвостами, головой крутят, худо им, бедным, жара, тишь, ни ветринки.

– Ставьте коней к мешаниннику, поводья подольше, послободнее вяжите, – распорядился хозяин.

Мешанинник – это долбленная из толстого ствола колода, в ней овес вперемешку с отрубями насыпан.

– Ешьте, коники, ешьте, – похлопали мы своих лошадок.

Привязали, к стану Петра подошли. Сел он на телегу, с нами ни слова. Еду свою на полотенце разложил: хлеб у него белый-белый, калач целый, сала кусок, сыр, фляга со сметаной, молоко, квас, курица или утка жареная – не поняли мы. С нее он и начал. Только хрустят раздираемые косточки, по полному рту набивает, еле прожевывает, полрыла в масле. Сидит и ест. Жрет. А мы поодаль на травку примостились, тряпки с едой достали. У нас черный хлеб с квасом и огурцы – так вырядил Петро: ”На своих хлебах, Дарья”.

Соскочил хозяин с телеги, думаем, решил угостить нас чем-нибудь, но он бешенно побежал к лошадям. Снял узду с моего Серого, вынул изо рта удила. Вижу в ужасе – что я наделал! Мерин-то мой с железом себе губы в кровь изжевал. Встали оба, съежились, ждем ругаться сейчас начнет. Подходит Петро – рот перекошен от злобы. Схватил прут, взял меня за ворот рубашки, сорвал штанишки – и бил хлыстом, как взрослого. Силюсь вырваться, верещу на весь подбор, но рубаха закрутилась и давит горло. Свет в глазах меркнет, душно, хоть бы пуговица оторвалась, что ли? Но крепко их приши-

вает мама - на суровые нитки. Шурка отбежал по-дальше, думал, и ему влетит, хотя и удила он вынул, и конь его исправно жует овес.

Уж так я ревел, что слышно, наверное, было у общественного колодца, за версту отсюда, визжал, как поросенок. Даже не битый Гуля запищал: "Дяденька, перестань, перестань". Бросил хозяин хлыст и меня, отвернулся, взял с телеги лагушку, пить начал, как после тяжкого труда. Я в тот миг и дал теку. Кошелки с недоеденной пищей тут остались, Бог с ними, лишь бы удрать.

Долго бежали в сторону села, оглядываясь, - не догоняет ли. До дома верст семь. Сгоряча жгло только, потом невтерпех стало - изгребные штанишки мозолят раны на заднюшке и спине не сладко от грубой рубахи. Идем уже тихо, оглядываемся, вдруг на коне догнать решит. Из спины и заднюшки не кровь, сукровица скользкая сочится. Оттягиваю от раненых мест грубые свои одежонки, вроде легче так.

- Скидай штаны и рубаху, неково в степе нету, - советует Гуля.

Разделся, семеню голышом. Купаемся-то в озере так же - ни у кого трусиков нет, закрылся ладошкой - и в воду. В будние дни летом сельчанам сидеть на лавочках некогда, улицы пусты - можно и голым пробежать. Свернули к озеру, там, возле огородов, добрались до дому.

Мама в избе была, когда мы заявились. Я уж реветь перестал, штаны натянул - стыд уж какой-то был, нельзя перед мамой голяшом. Шурка докладывал всё, как было, я сопел да поддакивал "ну", "ага". Санька мне одногодок и однофамилец, дальний родственник. Он побегал домой - живем-то рядом, две только жердочки меж дворами. Идут быстро с матерью Мариной.

Марина Полиха, вдова Терехи, грузная потом, к старости, стала. Трех сыновей забрала у нее война — старшего Михаила, Григория и дружка моего Гулю, Александра. Моя мать сказывала, уже после войны:

— Получит Марина похоронку, мы, суседи, ре-вем, а она плакать не может, сидит, в одну точку смотрит, ну хоть бы слезинка из глаз выкатилась. Все бабы ее жалели, знали, худо это — реветь не можешь, на сердце все копится, боль не отходит, она к могиле человека гнет... Сидит Марина, сухую слюну глотает, в горле только стучает — не плачется у нее. Тридцать километров не дошел Саша до Берлина — был убит или пленен: пошел веселый за обедом и не вернулся. Всё просмотрели однополчане — котелки пустые только нашли. Вскоре, после третьей похоронки, и успокоилась соседка Марина.

А сейчас прибежала Марина и с порога:

— Батюшки! Чо у те, Дарья?

— Ты подумай, кума, испорол Петро парня-то! Ты погляди, чо гад наделал! Чо делать-то? В Совет то ли бежать, али в меллицею?

Загнула соседка мою рубаху и ахнула:

— Бох ты мой! А бежать в Совет тебе не советую: оне, пимокатовски, с поселя тыбя потом сживут, а им нече не будет, оне богаты, их в совете бояцца. Давай парню листы черемухи привяжем и пройдет. А Петра того Бох накажет. Вот посмотришь — все равно без Совета ему отомстят.

Уговорила-таки маму — не пошла она с жалобой. Наклеили листья, и всё прошло. Только мы с ребяташками-сверстниками на тайном совете в степной поскотине решили: Пимокатовских сжечь. Выработали план — запалить их в тот день, когда ветер подует на озере, чтоб не сгорели рядом живущие земляки из бедных. Все ждали ветра на озере, когда же он туда дул, — зажечь мы забывали. Так и

не привели приговор в исполнение. Вскоре Петра выселили.

* * *

У нашей Гнедухи появился жеребенок Карько, маленький, милый такой жеребчик, ласковый, как дитя. Мать вступила в коммуну и отвела обоих лошадок на Штанное, в общий загон. Конюшен там никаких, только ограда большая с забором в четыре жерди. Стоят животные на морозе и кормить их нечем. Начали ездить по селу: "Отдай, мужики, сено и солому". Зиму только собранный скот там и пробыл. К весне, после "головокружения", штанновский двор "роскумынили". Вернулись домой чуть живые корова и Гнедуха с Каричком.

Единоличное хозяйство... Я помню его хорошо.

С весны двадцать девятого, когда отец еще лежал, медленно угасая, делами мужскими в семье ведал уже старшой брат Петруха. Ему шестнадцать, он хозяин — мужик. Приехали с ним на Ветродуевку, боронить пары, значит, надо. Вчера он один тут пахал, запрягал уже в пару с Гнедухой и Каричка. А Каричек какой еще пахарь? Так, пристяжка. Соху-то везет одна кобыла-мама. Животное она умное, видит, сынок-то рядышком мучается, матери жаль свое дитя, изупрыжилась изо всех сил — понять Петьке дает: "Не бей селетка, сама "сабан" уволоку".

Сижу верхом на кобыле, борону она волочит. Каричек пристяжным гуляет, именно гуляет, потому, пока стегнешь его — костромки туго, везет. Как перестал кнутчиком его пугать — ослабли. То ли хитрит он, то ли бестолковый еще, мать свою не жалеет. А она, гнедуха-мама, в пене вся, пар от нее валит, пауты ее "чистят", гривой и хвостом от них она отбивается, под брюхом эта тварь сидит на ней,

пьет ее кровь. Дотянусь, концом кнута насекомых сдерну, но не надолго это – они сразу идут в атаку.

У Гнедухи хребет твердый, седла на спине нет, потому, что нет его у нас вообще, не казаки мы, не наездники. Давит заднюшку, режет даже. Подо мной на кобыле потник небольшой, тоненький, никакой от него мягкости нету, он не привязан ничем. Стал приловчаться: то одной холкой с горбины свисну, то другой, держась за подколенок. Если бы уж вовсе без потника, наверное, лучше б зацепился, а то он скользит по шкуре лошади, и я ерзаю на ней. Ерзал-ерзал и упал между двух коней. Гнедуха не испугалась, поняла сразу, что ногами брыкать нельзя, остановилась. Ну и жеребчик тоже – надоела ему окаянная эта борона, ему бы еще побегать, повзлягивать, а тут такого парубка запрягли... Эх ты, доля единоличная...

Подбежал Петька, вынул меня из-под копыт, вмазал разок и закинул на вершну. "Пошел-пошел", – со злостью хлестанул Петруха лошадиную пару, сам смотрит – не упаду ли я опять с испуга. Нет, я еду, рулю куда надо по следу, чтоб дважды по тому же не проехать. Борона прыгает по комьям, многие не разбиваются, тут чёртовы солонцы.

Выросла пшеничка в две четвертушки да сплошь уросшая осотом. Осенью мать с Петькою да кум Филипп Евлантьевич скосили ту четвертушку литовками. Когда подсохли валки, мы с Саном рвали пырей в соседнем болоте, носили им, вязки для снопов из него делали. Руки у мамы от осота потрескались, рукавиц нет, а он, тот осот, когда сухой, колюч ужасно.

– Успеть бы до дождя, – сказала мама, – таскай кум, ставь суслоны, вязать буду одна.

Кум Филипп, сосед наш, мужик старательный, подумал чуток, на тучку серую посмотрел, охнул тяжело:

- Вряд ли, Дарья, удасса... эвон впереле ишшо скоко. Извела руки-то, смотри, как потом будешь, семья же и одна теперь. Ну нечо, как-небуть, с Божьей помощью...

- А знаешь, кум, страшно одной на все эти четьре поля... Петька какой ишо хозяин, а ведь забот - чёрту на полати не забросить - дрова не пилены, сена мало, огород скоро убирать, коноплю трепать. Хоть двадцать часов в сутки робь - не одолеть всего. Распалась вот кумына, а я бы рада уж избавиться от хозяйства, от забот беспроворотных. Колхоз, говорят, будет, опеть перва пойду...

- Ну-ну...

Филипп осекся, схватил вилы и проворно кинулся носить снопы, ставить их в кучи. Снопы из куч потом увозили в село, на гумно, в клады складывали. Осенью, по морозу уже, молотили цепами и воробной молотилкой, вращаемой лошадьми.

Полоски пашни узкие, длинные, между ними межи, урастающие сорными травами. И не доходило до сознания мужиков - зачем нужны межи? Поставить бы столбики между соседями - меньше было бы дурбень-травы. Но неграмотны, темны, тупы мужики. "Меже быть священной, за ней мое поле, мое и ничье больше - частная собственность".

Как-то недавно, проезжая мимо, заглянул с братом на Ветродуевку, сели на место бывшего, Петькиного, стана, помолчали. Поглядел Сано на пшеничное совхозное поле и сказал:

- Знаешь, я не жалею, что не стали мы единоличниками. Ну, не будь колхоза, что бы мы делали с этим полем? Росли на солонце осот с лебедой. Совхоз удобрил пашню, ему это под силу, смотри, метровой высоты рожь и ни одного сорняка. Неужели стали бы мы с тобой фермерами и не бедными? Полвека село свое посещаем гостями, и не надо нам этой земли вот даром даже...

— Конечно, так бы и захирело все наше хозяйство. Возможно, из семей, имеющих много мужских рук, вышли бы хорошие хозяева. Из нашей, убогой — нет. Мы неизбежно обанкротились бы... хотя, с другой стороны, можно предположить и положительный вариант развития: помнишь, перед колхозами, купили вскладчину четыре семьи машину-самосброску? Жали хлеб по жребию — кому ныне, кому завтра. Взял горсть и в сноп ее — скорость! А вдруг, через год, купили бы и молотилку? Вот и была бы артель из родственников, дружная, работоспособная, может, такая, какие хотели видеть на Руси великие ученые. Может, и стали бы они рентабельными, могущими прокормить не себя только, но и страну.

"Колхозы, даешь колхозы!"

"Брюки клеш, мужик не хош, не соглашашся, не везеш" — это не лозунг, это частушка, петая студентами техникума на сходках сельчан. Сходки проходили в здании, около пожарной каланчи, где в середине тридцатых находилась редакция райгазеты.

Наша мать, беднячка-активистка, несколько раз водила нас с Саном на те собрания: заведет в туго набитый зал, место у стены покажет.

— Сидеть здесь, ждать меня, на улице ни ногой! Поняли?

Толпа переливается в табачном дыму, и не поймешь, что тут происходит: кричат, матерятся, плачут, курят и плюют на пол, орут там, на возвышении, кому-то:

— С тебя, Антон, двадцать пудов, подписывай! Не хошь, ты против, гад? Да? Твердо обложим — завоешь!!

Это "твердо обложим" слышно часто в том шуме-гаме, но и другое не реже звучало:

- Нету, робята, нетука хлеба-та, везти-то нече, омбар-от пуст, а семьишша кака?

- А' ты розрой ямы-то, да пошаруй хорошенько и найдешь, чо везти! А не найдешь сам - мы поможем, найдем! Найдем!

Тем, "кто не везет", пришивают на картузы рога черные из картона вырезанные. И стоят рогатые мужики, никуда их не отпускают, хоть уссись, пока не подпишешь обязательство "везти". Ныне мужик свез, завтра снова его же "за горлышко" - "ишшо вези!" И так по нескольку раз, пока в сусеках одни мыши останутся. Это называлось хлебозаготовки.

Мы с Саном видим нашу маму среди райкомовцев, она беднячка, вроде как почетный человек на селе, она там, впереди, на низенькой досчатой сцене, за густым дымом, за рогами черными, она говорит, жестикулирует! О, это ее стихия! Дарья Левиха не оробеет ни на каком сходе, она тоже призывает - "отдадим хлеб сполна". Сполна - значило до зернышка. Идет сражение за хлеб, нужный рабочему классу. А мужики не дают его, и не кулаки только, а и средние прячут хлеб. У всех же семьи. Ну сдай все, сам с чем останешься? Страшное, жестокое время.

Ночью, уже темно, вышла из толпы мать - "домой" только и сказала. Через несколько дней к нам пришли с обыском. Замели чистенько в сусеках амбара, в мешок ссыпали, в избе шарить начали. Нашли две крынки с зерном - тоже в куль.

- Есть еще где зерно, хозяйка?

- Нету, парни, нечо больше нет, всё тут, завтра зубы на спичку...

Застонала мать и скользнула на лавку...

Студентов первого набора техникума молочно-

масляной промышленности, построенного в Чаше в 28-м году, звали "молошниками" и были они на вид какие-то старые. В подполье слезли, пикой в заваленку тычут – нет ли и там сосуда с зерном. Ищут, будто мы только что у них этот хлеб украли. Обыск в избе дело легкое – все на виду: голый, некрашенный пол, такие же стол и две лавки вдоль стены, полати с одной подушкой и одеялом, на котором умер отец, мебели никакой, если не считать шкафчика, прибитого гвоздем к стене. Вот тебе и активистка Дарья Левиха! Тебя, может быть, и не тронули бы те, райкомовские, но где они? Ищут-то не они – студенты, а им всё равно, кто ты, бедный иль богатый. Их задача найти и отобрать хлеб. У кого-то еще есть на похлебку, у нас с завтрашнего дня начнется голод. Ни стряпать, ни варить нечего, незачем беречь и загнету.

Загнета – это уголок русской печи с углублением на один кирпич слева от пола сразу. Вначале загнета пышет горячим углем, потом затухает, всё меньше и меньше в ней огонька живого, и вот уже сверху, вроде, зола одна, но копни глубже – найдешь хоть и мелкие, но еще светящиеся угольки. Спичек в лавке нет, да и были бы они там – купить их не на что. Жгут лучину. Огонь жители деревни зажигают от крисала: железкой по камушку бьют, искры в трут падают, он и тлеет. Трут – это наросты с берез.

За угольком ходят кума к куме. К нам пришла соседка Прасковья Сафоновна:

- Ну чо, кума, у те загнета-то шает?
- Давеча ишо шаела. Чичас погледим.

Открыла заслонку, порылась и верно: в почти потухшей загнете блеснул красненький уголек.

- На, кума, шабалу-то, береги огонек-от.

– Ой, дай Бох те, Ивановна, морозина зла, а огня-та нетука.

Идет с угольком через дорогу, дует на него, чтоб не утух, не то к другим еще идти придется. А тут время похлебку варить.

* * *

Несмотря на изъятие последней пудовки хлеба, мать продолжала ходить на собрания. Ее выставляли, как бронебойный таран, как пример сознательной бедноты, активной и преданной советской власти части общества. Польстят ей такими словами, она и рада, без устали согласна призывать: "Давайте, мужики, все вместе хлеб городу"!

Мужики, те, многие, у кого хлеб отобрали, ее ненавидели. Шли мы с ней ночью из Совета, из шабашовского заулка грохнули в нас два выстрела. Не попали, темно было. Может, били мимо – попужать. Мать нас за руки и бежать. До дому без передышки.

Отец еще жив, лежит на одре. Петька запоздал из нардома, зашел в избу, огня зажигать не стал, месяц в окне, думал, все спят, но мы с Саном услышали, головы с полатей свесили, сопим. Мама что-то проворчала со сна, потом Петьке:

– Картофки в куте, ешь, простакиша на окне. Хлеба нетука.

Молча лупит Петруха ту картофку. Мы тоже есть хотим, но спросить боимся, знаем – мало ее. Вдруг слышим топот и видим при луне – кто-то пробежал к нам через ограду, даже Петька не рассмотрел, кто это. Стучат в дверь. Петька туда.

– Дарья, открывай быстрее, я Гриша Попков, за мной пьяные кулаки гонятся!

Знал Петро Гришу. Начальником милиции в Чаше был. Впустил его. Слышим он Петьке наказывает:

- Стой у двери с топором. Полезут - руби, виноват не будешь. Пимокатовцы бегут за мной!

Сам быстро в избу, дверь на крючок и ухват в ручку задернул для прочности. Петруха занял оборону. Мы в ужасе ждем, что будет. Отец слегка повернулся, ему уж не встать на защиту земляка. Мог - горой против пимокатовских грабителей пошел бы.

- К вам забежал Гриша Хорек? В вашу ограду он прыгнул, - орут у дверей пьяные братья.

Хорек - это прозвище Григорию Степановичу. Им окрестили его ненавистники.

- Нет у нас неково, - кричит Петька, - только пришел, неково не видел, отец больной. В дом вас не пушу.

Один из пимокатовцев взял Петьку за плечо, оттолкнуть хотел, но тот грубо вертанул хулигану руку, схватил топор:

- Идите, ребята, добром прошу, не доводите до злости - сказано нет, значит нет! Всё!

Спихнулись пьяные и побежали через огород, к озеру, полагая, что Гриша удрал сюда. Знали братья пимокатовские Петьку как силача, с ним задиаться не стоит, такой не сробеет. Зарубит. Тем более из мести за отца.

Тут, забежая вперед, надо сказать "о ндраве", как в ту пору у нас говорили, брата старшего. В начале тридцать четвертого не без помощи Попкова получил Петро паспорт, завербовался в Калату, на медеплавильный завод.

Послала меня мать с попуткой до Шадринска, там поездом к Петьке. Ему уже двадцать, мне пятнадцатый. Думали с мамой там еды какой раздобыть, голодно было в округе. Брат живет в общежитии, и не понятно, что можно от него привезти, коли сам по карточкам питается. Теснота в бараке, шум до ночи - где поют, где дерутся, плачут, хохочут.

Живут гамузом, мужики и бабы. Пока дней десять у Петрухи жил, питались картошкой, хлеб сушили для подарка маме.

— Я на работу, не отлучайся никуда, сидор с сухарями увести могут.

“Сидор” — это, видимо, мешок. И успел уже мой братик науку такую выучить! Вот вернусь домой, скажу пацанам “сидор” — пусть подумают, что это такое. Вот!

Подкопили мы сухарей, домой он меня решил отправить. Собрались, на вокзал пошли. Барак Петькин где-то на окраине, и шли мы долго. Мешок несет он, я иду позади. Шагаем по железной дороге, насыпь во какая высокая, песок между шпал накаленный, ноги босые жгет. Навстречу идут трое пьяных, матерятся, хорохорятся, бычаться...

— Петька! Свернем вниз, обойдем их, а?

— Ишшо бы чо! На ко мешок!

Взял я котомку, на спину кинул, не тяжелая она, мало накопилось, хотя вместе с сухарями еще и старые кирзовые сапоги Петро сунул — маме. Смотрю — брат наклонился, песок в оба кармана брезентовой куртки насыпал. Идем навстречу тем горлопанам. Петька мой — мужчина совсем, атлет. Так мне и кажется — богатырь Петруха, он в отца, мы с Саном в мать, мы — полуторки.

Вот они, забулдыги, рядом, путь перекрыли, обойти негде. Я боюсь, может, сейчас вниз бежать придется за Петькой или поперед его, ан нет, он порозом идет на них. Останавливается:

— Э, ты, дай закурить!

— Не курю я!

Брат не врет, он впрямь не курит, не курил наш батя, мы с Саном в рот цыгарки не брали.

Один ударил Петьку. В долю секунды он бросил песком в глаза сразу двоим, третьему рубанул по шее, и он свалился, сбил его ладонью под дыхло

и бросил под откос, еще одного схватил за штаны, раскружил и далеко кинул вниз. Раскраснев от боя, отряхнул руки от песка и пошел дальше. Идет и не оглянется – может, гонятся те? Оглядываюсь я, семена за ним вприпрыжку. Петро не успокоится, идет-идет да плюнет. Может, зуб ему выбили, но нет, вижу, все цело у него во рту. Забегаю вперед, задком пчусь, вопросики Петьке задаю:

– Они тебя найти могут, их же много! Чо маме сказать?

– Нечо. Пика у меня под матрасом, спотрошу, если явятца.

А мне боязно за брата. Надо ж такой беде случиться. Не сказал я маме, раз он не велел.

Вот таким был и отец наш. Мать позже, уж году в пятидесятом, рассказывала:

– Летом это было, перед первой германской. В деляне из поленицы грузим дрова – я за вершину, он за комель. Не погленись ему – мешаю я, только пиголка. Отогнал меня – "сам, один буду". Перечить Левонтию не безопасно – норов у него был крут, я смолоду знала, тут уж молчи лучше, не досажай, делай, как велит. Кладет воз на телегу больше нормы, насколько я, баба, в том разбираюсь, не под силу мерину, но сказать нельзя, сразу матернет... Едем. А там, от Зарослого в Расковаловское озеро ровок есть, весной по нему вода из лесов бежит, в начале лета только грязь бывает. Не глубок и не широк тот ровок, ну шагов пять, может, больше, но застрять в нем можно. И только так-ту подумала – хлясь и засели. С таким-то возом. Ударил мой хозяин коня кнутом раза два, тот изупрыжился, но не взял, то ли не мог, то ли хитрил. А дальше произошло уму непостижимое: розвезал супонь, дугу вынул, хомут с Карька снял, отошел шага на два и с разбегу ударил лошадь в бок. Мерин упал, через хребет даже перевернулся. Сжалась я в комочек,

смотрю, чо дальше будет. Ровок узок, телега только в грезе, оглобли-то на сухом берегу. Он дугу в гужи, супонь затянул, влез в хомут, закрепил баганы свои за оглобли, покачал емя в стороны да как рывкнет со злости в крест-бога мать, да как рванет воз - и вот он, на берегу. Молчу, творись воля Божья - страшен лев в такую минуту. Зачем он лошадь-ту выбросил? Ведь только бы помочь ей, толкнуть воз сзади? Наверно, не хотел лезть в грязь. Взял хомут, надел на коня, запрег, дальше поехали. Тихо иду за телегой. Спросить нельзя, пошто так сделал...

* * *

В палисаднике, с улицы, возле нашей избы, растет широченный черемуховый куст. Ягоды на нем бывают вкусные, и многие гусевские походя рвут их через тын. Знают люди - Дарья не заворчит, она баба добрая, всегда веселая, последним поделится. С нами же, пацанами, мать была строга. Частенько нам от нее перепадало. Не со злости била, пожалуй, больше с горя, от бедности. Обнаружила как-то Саном изрубленный брус полатей - была лупцовка обоим. Или бросил я с оградаы на крышу морковный кружок, а он, чертяка, возьми и полети винтом, как сухой лист. Выбил стеклышко в окне - очередная выволочка. А как же? Где взять стекло? Это ж проблема, трудно разрешимая для матери. Стекло на вес золота. За многие сотни верст на лошадях привезенное в село, оно и стоит дорого, и редко бывает тут. Многие в окна вставляют брюшину. А брюшину где взять? Надо что, корову последнюю резать?

Пятистенок наш начал оседать, углом своим на дорогу кобениться. Зимой из-за нехватки дров в горнице мы не живем, топим только русскую печь в

избе. В горнице тоже есть печка круглая, в железе. Кроме нее, там стоит еще деревянный некрашенный стол, на полу валяется сечка с корытцем, ступа с пестиком, прялка, сито, которым нечего сеять, хомут и седелко с коровьей упряжки.

У самого заплота соседского двора мы гурьбой построили смолокурный "завод". Бересту заложили, зажгли. Опять же мать это усекла:

— Ой, страшно подумать, сушь такая, загорись — вся улица выпластат! И что с вами делать?

Тут надо вовремя смыться и спрятаться в высокой конопле...

Заводов мы более не строили, зато, когда стал я взрослым и тюрьма заарканила, делать это пришлось не единожды, только уж не детские смолокурки, а настоящие нефтеперегонные заводы на Волге...

* * *

Мама наша первой в колхоз вступила и сразу свела в его двор Гнедуху с Каричком, соху "сабан" — на что она теперь без лошадок. Осталась у нас корова. Живет она в бывшем амбаре. Сусеки за ненадобностью выломали и сожгли на растопку к дровам. Начали жечь пригоны по той же причине. Корове в амбаре хорошо, ноги не тонут, пол крепкий и нам удобнее — конюшня-то получилась перед окнами. Голод — не тетка. Воруют скот, особенно мелкий, на еду. У нас телка двухнедельного украли. Погорчились, поплакали мы из-за него — лучше бы сами съели. Беда. Тех, кто не шел в колхоз, называли кулаками и подкулачниками, на розвальни их и в Курган. Многих из села увезли. Не всех же, наверно, в Соловки, угоняли и на Урал, в горы, на шахты, но слышал сам — пугали Соловками. Не силой гнали в колхоз — страхом.

В нашей горнице, где не живем, мать натопила печь, сказала:

– Собрание общественное тут будет.

В туго набитой комнате накурено в непродых. От райкома кто-то пришел. Будут решать судьбу одинокой бабы Серафимы. Выселить ее наметили:

– Товарищи! Означенная Серафима Кетова дом имеет крестовой, двух коров, столько же лошадей, держит работника. Значит, эксплуатирует.

Серафима встала перед сходом, мнется, то ли говорить, то ли нет...

– Ну, оправдывайся, – кричат ей из угла, – не молчи!

– Что говорить-то? Чо вы, люди добрые, ну, какая я кулачка? Какая? Одна живу, мужика-та в германскую убило, ну корова лишна, кобыла тоже, дак возьмите их в колхоз. А дом? Чо дом, не дворец же. Ну, насчет работника и грех сказать... совесно даже... все суседи знают – сплю я с им, с Офоней, нет же у миня, а не старуха ишшо, требуетца. И живет он рядом, я в ево дому всю уборку делаю, стираю на ево. А работник он какой? Без ноги, на деревяшке. Литовку разе колды стобьет, али грабли починит... нельзя миня в кулаки... вдовец Офоня-та, забыла.

Райкомовец зачитал написанное заранее постановление собрания: выселить. Проголосовали "за". Скажи против – сам в Соловки угодишь. В сани бабу и в чем была – в Курган. Домашнее все растащили, дом колхоз забрал. Он цел и поныне.

Вот еду улицей полвека спустя мимо дома кулачки, удивляюсь – какая же дичь была? Ныне дачи у тысяч горожан дороже этого дома. Квартиры в коврах и гаражи с "волгами", "жигулями", и всё в порядке вещей...

Мать наша по-прежнему свирепствует на собраниях, ее слово о Ленине, о счастье будущего,

западает в души людей глубже, чем казенные речи партийных уполномоченных:

— Бабы и мужики! Одна нам дорога — в колхоз! Вот я первая ступила и не каюсь. Пусть наперво будет худо, пусть, не сразу придет время светлое, но дружной работой в артеле добьемся завидной доли, радостей земных, таких, кои немыслимы в одиночестве!

Долго еще говорит она, говорит-говорит, не запнется, без бумажки, не повторится. Будь она грамотной, вышел бы из нее оратор, способный без огня зажигать сердца.

И пошло: то засуха, то саранча, то скот от холеры дохнет. Нет хлеба в колхозе. Теперь председатель и уполномоченный райкома властны над тем, что вырастает, они увезут и сдадут всё, до зернышка. Теперь не надо клеить рога и петь "брюки клеш, мужик не хошь", спорить с мужиками — все мирненькие: посеяли, собрали, сдали. А сами? До самих никому дела нет — хоть завтра окочурься. Районное начальство продукты в закрытом распределителе получает и кушает то, чего колхозники во сне не видят. Сын директора МТС Венька Стенин в школу с кренделями приходит, у нас слюнки текут, у нас лебеды и той не досыта. Лебеда она б еще хорошо, коли б ее до нови хватало. Теперь страшно вспомнить, чем жили люди, чем питались, как мерли с голоду. Ели всё подряд, как животные — травы, корни, стебли подсолнухов, полову.

Кони в колхозе почти все подохли. Велено всем водить своих коров на бороньбу. Пара буренок тянет борону, и ведет, качает их по комьям пашни. Босая баба — одна ведет, другая сзади подстегивает. Матерятся бабы, когда копытом наступит корова на ногу. Ругаются и вечером — нет от буренки молока — она уж не корова, она — рабочее тягло. Не приведешь на пашню корову — сама в борону за-

прягайся. Видел не однажды свою мать, запряженной в борону вместе с другими колхозницами. Это было при Сталине, дорогом и мудром вожде. За трудовень-палочку работали от восхода до заката. Ходили босиком за восемь верст с литовками на плече, но туда и обратно с песней. Велика была вера людей в светлое будущее, жил в них неистребимый энтузиазм! Только в тридцать седьмом дали немного хлеба на трудодни. Годы 32-й и 33-й были особо страшными – теперь и мякину взять нельзя – за несколько колосков, собранных на стерне, колхозников судили по закону от седьмого августа 1932 года и лишали свободы на десять лет.

* * *

Только что схоронили четырехлетнюю сестренку, загубленную чахоткой. Два брата с костным туберкулезом ног – в санатории. Мама пешком за 60 верст ушла к ним. Я один на управе, мне двенадцать лет. Боюсь нижнего гобчика, где умер отец. Соседские ребятишки у меня ночуют. Есть нечего. Приладились воровать зерно на мельнице. Идем вечером туда, уже осень, темно, хлюпаем по лужам. На плечах куфайки с большими карманами. Знаем, что кое-кто из частников привозит молоть сорное зерно. Тащит такой владелец свой мешок наверх по лестнице, высыпает его в бункер конусный, сам бегом вниз, подставляя тару, сейчас мука пойдет. Мы, разумеется, влезает по водосточной трубе на слив открытого окна, занимаем исходную позицию: как дядька убежит вниз, мы прыгаем к ларю и рукой сакаем зерно в карман. Велики ли детские горсточки, много ли успеешь набрать, пока содержимое в дырку дна уходит – раз-раз и нет его. Напарник мой Колька Тимин (похожий на Карла

Маркса) перегнулся через борт, потерял равновесие и нырнул в бункер. Кинулся на выручку, хотел за ноги его тянуть, а он котенком извернулся и ошалело выпрыгнул. Быстро по трубе вниз. Теперь наш черед стоять на стреме, Гуля с Тюнькой полезут за добычей. Карманы загружены, пора уходить. А ночь хитрущая: пока мы охотились, она вымазалась черной-черной сажей, видно, чтобы нам легче было впотьмах улизнуть со двора.

На дружках моих обувь вроде детская, по ноге. На мне женские туфли на высоком каблуке. В них я и в школу хожу. Ноги подвертываются. Пришлось каблуки отпилить. Отпилил — опять худо, носки кверху сделались, как у клоуна. Что сделаешь, другой обувинки нет.

Явились домой, видим, изба не на замке. Как так?

— Тихо, робята, вор там...

— Может, забыли закрыть, уходя?

— Нет, было закрыто, — твержу я.

Втихую совещаемся, что делать? Решено: пошли в баню, впотьмах нашли топор. В темную избу заходить боимся — в баню нет. Раз я хозяин, беру в руки топор, я, значит, должен геройски запугать вора! Лязгаю острием о замок, дабы звук топора слышно было вору — нас много и мы вооружены!

— Выходи, — кричу, — сдавайся, все равно засе-кем!

А он, тот, внутри, молчит, ну хоть бы чихнул, что ли, чтоб мы удрали. Молчит, и всё. Тусклая луна выкатила из-за пригона и осветила своей половинкой наши сени, и нам видна незакрытая дверь, из которой ну никак не выходит вор. Вот ситуация. Опять шепотом совещаемся:

— Да нет там никого, — шепчет Шурка, — чо красть-то у вас? Тараканов разве, аль голые по-лати?

— А ведь и верно — зачем вор к нам полезет?

Захожу с топором первый, все трое за мной. Дверь на крюк, зажгли лампу.

— Ребята, — шепчет Колька, — он, может, в голбец залез?

Вмиг, только сшумело — всё, что можно, свалили на тварило, сковородником в верхний голбец уперли, наковальню пудовую, лежавшую после отца за печью — туда же.

— Теперь сиди там, не вылезешь! Утром придет Олеха и даст тебе!

Предлагает Тюнька:

— Давайте всунем в подпол кота? Если вор там, то кот забегает, и мы узнаем, если нет, будет сидеть тихо.

Ловим кота Ваську и суем его голову в круглую дырку. Кот не хочет, не желает туда лезть, растопырив лапы, упирается, от чего наше подозрение усиливается:

— Ишь не лезет, чует чужова, боитца.

Все-таки водворили в подвал кота, дыру пимом заткнули, слушаем: вот незадача — неужели и кот заодно с вором?

Утром позвали соседа, он проверил — никого там.

Затопили печь, сварили из того, что ночью добыли, кашу. Черная затируха получилась — пшеничка-то пополам с лебедой. Наелись и в школу. Никто, даже будучи голодным, уроков не пропускал.

Тетрадей у нас нет. После уроков заходим к мусорному ящику конторы райпотребсоюза, собираем там разные квитанции. Дома их сортируем, складываем порядочком, шилом и дратвой сшиваем блокнотиком — на одной стороне квитанция на сданную шкуру, на другой — запись уроков в школе.

Постелью мне служит голая печь, вместо подушки в изголовье валенки, рукавицы и шапка. Штанишки на мне одни, без трусиков, как и на многих ребятишках моей улицы, рубашка из мешка, тоже одна. Когда мама их стирает, сидим на печке нагишом. Сменного нет. На полатях у нас одна старая подушка и то, отцовское, одеяло. Мама стирает щелочной водой, настоящей на золе. Мыла нет.

Голод

На зиму для коровы есть немного сена, даем его помаленьку, кормим, в основном, гнилой соломой, снятой с крыши пригона. Эту же солому сушим в печке, толчем в ступе, печем из нее лепешки, едим. Днем, придя из школы, со многими ребятами вместе идем версты за три на колхозное поле за мякиной. Кучки ее так малы, что с трудом их находим. Сгребаем снег и набиваем мешки, привязываем на санки. Санки у нас самодельные, полозья не загнуты, они врезаются в неровности. С трудом волочимся. Идем вместе, отставать нельзя, можно упасть и замерзнуть. На мне старые отцовские валенки высотой до пахов. Ступаю как на ходулях, не сгибая колен. Холод берет меня насквозь, изношенная мамина маринатка не греет, надо шевелиться, чтоб не околеть. А сил нету, вот сел бы сейчас или лег, но нельзя отставать от друзей. Качает меня в стороны, и я иду зигзагами. Мальчишки идут быстрее, я в своих доспехах — слоновых пимах отстаю все дальше и дальше... На виду уж село. Последняя, самая тяжелая верста, какая она долгая, сопли и слезы на рукавице, одолею ли я ее, эту версту...

Стаял снег, начали в полях мести скарлык и березку. Их треугольные семечки лежат на земле

меж стерни. Крылышком их в кучки, в пригоршню и в мешок. Муторно заметать – мало их. Дома землю из зерен вымываем, сушим, толчем. Лепешки из березки и скарлыка хороши по сравнению с соломенными, в них что-то питательное есть. Только одно плохо – вместе со скарлыком попадает жабрей, очень на того похожий. Через несколько часов после употребления жабрея у человека наступает паралич нижних конечностей, потом и сердца. Жабрей – это в народе, латинское название нам неизвестно. Жабрея боялись. Жабрей подхватил – это звучало грозно, как холера или чума. Двоюродный брат отца дядя Афонасий ушел мести скарлык и не вернулся – умер у самого села. Заметал березку со скарлыком и я. Зерна жабрея отбрасывались.

А учиться страсть как хочется – не дай Бог заболеть и пропустить хоть один урок. Большинство детей ходят в школу голодными. Учителя не спрашивают – ели ли вы сегодня что-нибудь. И мы молчим, все знали – голод, есть нечего, нечего и жаловаться.

В третьем классе за хорошую учебу и примерное поведение мне дали премию – женские глубокие калоши большого размера. Осень, грязь, другой обуви нету. Набил в носы мох и бумагу, но все равно с ноги спадают. Приладил веревочки – завязки. Никто в школе не смеялся. Бедность была всеобщей.

Нынешнее поколение молодых людей не сможет представить ситуацию, когда нет хлеба: пришел ты в магазин, а в нем пустые полки. Сегодня даже черствый хлеб не купят – мягкий подай им. Булки вилкой колют, в решето их искалывают, не заботясь вовсе о том, что булки эти – святы, что при входе в магазин с вывеской "ХЛЕБ" надо снять шапку. Исколотые булки стонут от нанесенных ран как жи-

вые существа: "Что же вы, люди, делаете? Как же скоро забыли вы цену хлебу?.."

Никакие дефициты не страшны моему поколению, когда есть хлеб! Есть хлеб – будет жизнь. А жизнь при избытке хлеба – прекрасная жизнь! Все остальное в ней – вторично.

* * *

Последнюю улицу села, ведущую в Житниково, почему-то звали "Вокзал". На самом краю ее, почти у Казачьих ворот, жили Шабарчины – большое, дружное семейство трудяг. Главу, Порфилия, за его, наверное, исключительное трудолюбие ласкательно звали Першенькой. У Першеньки возле двора колодец с чистой, вкусной водой. Издалека ходят бабы к нему с коромыслами, но воду такую носят только по праздникам, либо для гостей. Обычно воду берут в озере. Зимой во льду делают проруби – круглые для себя и продолговатые для поения скота. Напьется корова ледяной воды и, чтоб согреться, бегом домой. За зиму у скотских прорубей накопятся кучи навоза, но его не увозят. Так заведено. Весной все это тает, садится на дно. Никто не возмущается.

Из озера пили и все лето, даже когда вода в нем цветет водорослями. Придешь на плотик с ведром, распахнешь зелень доньшком и черпай. Недалеко купаются, половики стирают на плотиках, белье полощут. Рыбы в озере полно, многие зимой и летом рыбачат. У нас с Саном удочек нет и сделать их не из чего, нет лески. Для ее надо стричь волос с конского хвоста, в колхозный же двор не пустят – чего доброго рыбаки такие у всех кобыл хвосты повыдернут.

Летом голод переносится легче – трав, корней полно и коровы доятся. Грибы, ягоды разные – всё еда, хоть и без хлеба. Но и при такой жизни была жажда детских развлечений. Брюкву съел и в шаровки играть. Шаровки – это игра такая: играющие делятся на две команды человек по восемь, тянут жребий – кому в поле, кому галить. Член команды, той, что в поле, кидает деревянный шарик метра на три вверх в трех шагах перед бьющим. Задача того, кто галит, попасть бросом шаровки в тот шарик. Вот один "окулепал" (не попал), второй тоже, но третий ударил. Шарик, за ним и шаровка летят в поле. Ударивший должен сбегать за своей шаровкой, вернуться и ткнуть концом ее в лунку (луну) на земле. А у лунки в это время стоит подающий – вратарь, он, растопылив ноги, зорко ждет, как его команда бросит шарик, он словит и заткнет шариком луну. Если луна будет заткнута перед бегущим с шаровкой, то команда вратаря выиграла. Меняются местами – те, кто галили, уходят в поле. В шаровки играли даже взрослые. Были особо ловкие, ловившие шарик в воздухе, слёту.

Шарик гальнули далеко и он упал в холодную весеннюю лужу. Игра требует скорости – тут уж не зевай – с разбега в воду босиком. Брызги в стороны! Раза три забегал, не чуя беды от холода.

Конец мая, скоро конец учебе. У меня на последнем уроке за партой согнуло ногу, намертво, в клюку. Надо домой идти, она не разгибается. Под коленом опухоль горячая. Надо домой, скорей, к маме. Дружки ведут меня под руки, прыгаю на одной ноге, реву всю дорогу – не ноги жалко – школы. Теперь, думаю, и у меня будет так, как у Сана... Страшно.

– Чо у те парень-от ревет? – спрашивает у мамы зашедшая соседка.

– Да вот по леденой-то воде носился, бесенок,

свело ногу-ту, не разгибатца и чо делать не знаю... другой день уж ревет...

— Ты вот чо, Дарья, иди на берег, глины ведра два накопай, затопи баню, ту глину в котел, соли туды пригоршни две высыпь, нагрей терпимо, сади в ту котлину парня ногой, укутай поверх трепицей, чтоб не скоро остыло, и пущь сидит долго, уроки учит.

Добыла мама глину, заварила, как велено, пристроила меня. Сижу, уроки учу. Часов у нас нет, долго сидел я. Чую — нога-то помаленьку разгибается. Глина почти остыла — все сижу. Вынул и реветь от радости. Нога-то нормальная! Ура, завтра в школу! Обмылся теплой водой, захожу в избу. Мама аж встрепенулась, схватила меня в охапку, да ну причитать:

— Сиротинушки вы мои горькие, горькие да бедные, бедные да голодные, голодные да раздетые, да пошто это тятка нас оставил на несчастье на беспросветное, на беду ету темную...

Только Бога не поминала. Не молилась она. Сано сидит у окна куксится, он только что привезен домой, нога у него не зажила, выписали больного. Он с трудом, но ходит.

* * *

Мама опять ушла к Вите. Шестьдесят верст пешком, полуразутая в талицу по небезопасному бору. Мы теперь вдвоем с Саном на управе, хотя, собственно, управлять-то нечем. Идет голодная весна тридцать второго и во дворе у нас еле живая корова. Как дотянуть ее до первой зелени? Гнилую солому с крыши рубим мелко топориком, обольем горячей подсоленной водой и даем буренке. Жует она такую соломку с жадностью, ей и есть хочется,

и выжить тоже... Придем к пеструшке – она плачет, крупные слезы текут из ее глаз. Без слов жалуется она – спасите меня, дети! Но чем мы тебя спасем, милая наша кормилица? Обнимем ее за шею и вместе с ней плачем. Мы ждем от нее молочка, а с чего оно в ней заведется? Из нее кости торчат, кожа болтается, она еле стоит на ногах. Уж не гоняем ее на водопой, ведром водичку даем ей из избы.

Теперь на конюшне не будет и крыши – мы вместе с буренкой едим соломеную кровлю. Скоро пойдут дожди и потечет в хлев водичка Божия и растопчет буренка навоз под собой до брюха. Может, если живы будем, к следующей зиме закроем чем-нибудь крышу, пластами, хотя бы. Но это все уж летом, сейчас ни к чему эти думы, сейчас надо думать об одном дне – что бы поесть. На полях только проталины, в колках снег лежит, чуть начавший таять, там ничего не откусишь, разве что старые листья берез, не сорванные зимним ветром.

Сано в шестом, я в четвертом классе. Я пришел из школы, его нет. Учился он неплохо, но куда, думаю, сегодня он делся? Может, провинился и после уроков его оставили, или голову обнесло, упал где? Голова и у меня кружится – в той соломе, что мы едим, какая питательность? Хоть бы скорей пришла мама. Знаем, что ничего и ниоткуда она не принесет, но маму надо, с ней легче и голод, мама защита от всех бед. Кажется нам, что вот придет мама, и все сразу станет хорошо, потому, что она будет дома.

Часто, крадче от брата, иду я на край Раскова-ловой, в степь-поскотину, туда, откуда должна появиться мама, подолгу реву и зову ее, и всё мерещится, что вот она и выйдет скоро вон из-за того поворота, выйдет и издалека узнает меня. Мама минует, обхитрит всех разбойников, ждущих её в лесах в надежде отнять у нее пустую сумку...

Но нет никого на дороге. Только лесок вдали, голый, еще без листа, сереет. Вот нет чтобы была тут степь и видно было бы далеко-далеко, за сто верст узнал бы я идущую домой нашу маму...

В избе холодно, топим печку через день. Дрова кончились, а пилить их из жердей, снятых с пригона, не резон, ибо перед тем, как их взять, надо будет убрать солому, сбросить ее на землю, в навоз. А ведь это наш основной продукт питания. Открыл шкафчик, висящий на стене, а там одна соль в туеске. Сел на лавку, зажмурился. Сана ждать решил, как будто он явится из неведомой дали с мешком разной еды...

Солнышко светит в окошки, ласково пригревает голый наш стол, зайчиком играет на стенке возле печурки в кути и словно шепчет "потерпите еще немного, ребятки, скоро я растоплю снега, явится травка разная, а с ней и ваше спасение".

И припомнился вдруг год двадцать седьмой. В этом шкафчике всегда были белые калачи, на лавке стояло сусло, в яме картошка и брюква, на печке солод — сладкая-сладкая с росточками рожь. В любое время отломи от того калача кусок и съешь. Почему нынче в этом же шкафчике одна соль? Нету даже черного, из лебеды, кусочка. Зато есть на стене сельсовета большими буквами написанный лозунг "Спасибо товарищу Сталину за счастливую, радостную жизнь"! И зачем это взрослые дяди неправду написали? Для кого — счастье, для кого — беспросветное горе...

Оперся ладошками в подбородок, смотрю на яркое солнышко, шурю от его лучей. И вдруг, нечаянно, не выбирая и не раздумывая, запел:

Мы шли под грохот канонады.
Мы смерти смотрели в лицо.
Вперед продвигались отряды

Спартаконцев смелых бойцов.
Средь нас был юный барабанщик,
В атаках шел он впереди
С веселым другом барабаном,
С огнем большевистским в груди.
Однажды ночью на привале
Он песню веселую пел,
Но пулей вражеской сраженный,
Пропеть до конца не успел.
С улыбкой юный барабанщик
На землю сырую упал
И смолк наш юный барабанщик.
Его барабан замолчал.
Промчались годы боевые,
Окончен наш славный поход,
Погиб наш юный барабанщик,
Но песня о нем не умрет.

И как раз на последнем куплете появился мой Сано. Вижу, он торопливо проковылял через ограду, рванул избную дверь и остановился ошарашенный:

— Издали слышу — возгудат, ну, думаю, ревет от голоду... надо же — он поет...

— Чо реветь-то буду? Все равно нехто нечо не дас. Пою вот. Соли лизнул, воды попил. Бери и ты, нечо больше нету.

— Печь толи затопить, лепешки соломенные сделать?

— Давай, чичас дрова насеку.

Взял я топор, пошел рубить. Тяжелый топор непослушен, удар, еще удар, больше двух мне не стукнуть, нету силы... а дрова нужны... Гоним в печь уже заплоты ограды и тесовые ворота — зачем они теперь, ограда, ладно, и в две жердочки, а ворót вовсе не надо, хватит двух затворин. Во двор заезжать некому и не с чем. Корова Пеструха тех

жердочек не перескочит, отпрыгалась, она по ровному месту еле ступает, хоть бы до весны дожидла...

* * *

Пройдет после этого шестьдесят лет. Целая жизнь считай. И вот недавно, в восемьдесят восьмом году, поехали с Саном на мотоцикле в Чашу к могиле матери. Завернули по пути на Ветродуевку, на ту пашню, что была нашей когда-то. Не пашня влекла нас, людей давно городских, манило то место, где стан был, тянуло увидеть, перечувствовать былое, безвозвратно ушедшее детство.

Яркий, солнечный день. Легкий ветерок чуть треплет зеленые косы берез, и шепчут они неясную, то ли грустную, то ли скорбную мелодию без нот. Подруливаю ближе к маленькому круглому колку. Память не изменяет – тут всегда стояла телега Петра, здесь палилось огнище... Брат с трудом вылез из бокового прицепа. Тянет рукой протезную ногу, кряхтит, хоть бы не упал, думаю, помочь, что ли, – нет, выбрался сам, шагнул к "телеге", "да, точно, вот оно тут и было" сказал.

Долго молчим, подавленные памятью этой дали... Для нас это музей без стен и без крыши, и слышно в нем эхо конского ржания, посвист пахаря да голос кукушки у Степановича колодца... Нет ныне ни кукушки, ни других птиц, тихо в лесу, как на луне. Всё умерло раньше нас... Плащ на землю кинули, сели, еду разложили, запили ее квасом. Сано, помолчав, сказал, глядя куда-то вдоль Ветродуевской полосы:

– Не жаль нам земли, на што она нам теперь, какое уж чувство частной собственности, нет его вовсе, ком в горле от другого, от сознания безвозвратности былого, от неизбежности конца нашего, от отверженности этого, по существу святого места,

увиденного через столько лет. Пацанами здесь носили вязки матери, босиком по стерне, как на лыжах, пригибая колючки.

Отошел я шагов двести вдоль опушки леса, пучки с пиканами режу, в сумку кладу. Дома, как в детстве, из них с приправами вкуснейшее блюдо сотворим. Хожу, думами полный, по краю леса, разные эпизоды мелькают в памяти. И в чередѣ обрывков подбежал "барабанщик". Вроде резануло чем по сердцу и боль сама вытянула из груди роковую песню:

Мы шли под грохот канонады.
Мы смерти смотрели в лицо...

Кончилась песня, вышел на опушку, направился к "телеге". Комочек в горле не проглатывался. Брат спиной ко мне стоит, обняв ствол березы. После полувековой разлуки гладит ее. Вижу, он плачет. Отворачиваю к мотоциклу, вроде неисправность ищу, намеренно долго копаюсь, чтоб дать Сану успокоиться... знаю, это я нанес ему рану своей песней из страшного детства, из детства, которого у нас не было... только голод, слезы и муки на всю жизнь...

Циррусы, белые, как гребешки морских волн, играют в догонялки, а циклон, их погоняющий, согнул вершины берез в неом, прощальном поклоне. В шелесте их мертвой листвы угадывается горький упрек: "что же вы, люди, не защитили нас от ядовитого облака железной птицы, бросающей вместо поля на лес страшный дым? Посмотрите, как пожелтели, сгорели наши листья?"

Оживут ли изуродованные березы, прольют ли слезы радости по весне или посохнут сраженные гнилью и припадут к земле, чтоб, обратившись в чернозем, дать жизнь другому миру?

А Солнце? Оно так же светит, как и полвека назад, ему всё равно, растёт ли что на этом поле и кто возле него в этот миг сидит.

Смазал Сано слезы о рукав, ко мне ковыляет. Взял воду, умылся немного, сунул фляжку в багажник и тихо сказал:

— Ну что, поехали. Прощай, Ветродуевка, может, надолго, может, навсегда...

"ИЖик" взревел движком. Накинув очки, вырулил я на шоссе и дал газу на Курган. Дорога ведет нас всё дальше от маленькой, милой и бессчётно дорогой родины. Впередgonки летят машины. У каждого свои заботы.

* * *

За все лето тридцать третьего не выпало ни капли дождя. Сушь, зной. Даже ночью ветерок качает горячие волны. На полях, где была посеяна пшеница, ни травинки, голо, пыльные вихри гуляют. Ни людям хлеба, ни скотине корма. Для всех страшная зима впереди.

Уйдёт мама на колхозную работу, нам наказ оставит: эти грядки выполоть, все полить. Для мамы работа тяжкая: голодная, она трудится по четырнадцать часов в сутки. Жалея маму, мы делаем дома всё, что она велит. Прибегут дружки-ребятишки, манят: "пойдемте играть"!

— Не, нам ишо две греды моркови полоть да поливаться.

За сотню шагов с озера ношу воду ведрами, Сано льет ее в лунки. Мама приходит на закате, уставшая, хмурая. Ей сорок лет, руки у ней в "цыпках", как и у нас, — полем же мы грядки в сырой земле. "Цыпки" — это мелкие трещины на руках и ногах.

Подумалось уже взрослому: почему наша мать, да и миллионы таких, как она, колхозников, десятилетиями терпели над собой такое надругательство — долгие годы голодными работали от зари до зари бесплатно? Неужели ни разу, ни у кого не вспыхнула в "загнете", в сердце, искра свободы, которая зажгла бы в крестьянине волю к протесту, чтоб разогнулся он и крикнул Тирану — Главному и его единомышленникам: "Если вы называете себя людьми, то будьте ими, посмотрите, как мы живем! Есть же предел терпению, неужели не поймете вы, что нельзя так, НЕЛЬЗЯ! Колхозника при Сталине звали свободным, скромно умалчивая самую малость: он был лишен паспорта и потому обречен на привязь к своей деревне, к колхозу. Куда уйдешь без документов? Завербоваться разве можно было, но держала мужика, кроме паспорта, своя изба, огород, родина, с которой нелегко было расстаться — избушку на клюшку и айда! Колхозник обязан был выработать минимум трудодней. Это значило — работать без выходных, без отпусков, по двенадцать, четырнадцать часов в сутки безвозмездно. За весь тяжкий труд первым колхозникам в старости дали двенадцатирублевую пенсию. "По справедливости". "Справедливость" же узрели в том, что не оказалось у тех колхозников справок о зарплате. С чего их взять? С тетрадок, в которых ставил бригадир трудодни-палочки? Так те тетрадки еще тридцать лет назад пущены на раскурку. Знали ли тогда, в шестьдесят пятом, при решении вопроса о пенсиях для колхозников о том, что у первых артельщиков, вынесших на своих плечах все страшные тяготы, нет и не может быть справок о зарплате? Знали. Их намеренно обрекли на вымирание.

Колхозный трудодень — это коварная выдумка эксплуататоров, способ обмана неграмотных рабов. Никто результатов труда не мерил даже на глазок.

Лишний, напрасный труд – всё равно платить за трудодни не будут. О том, что трудодень весил нуль, все знали. Каждый за лето запасал дикую лебеду, сушил впрок крапиву, корни разные, не надеясь получить осенью что-то за год труда. Так было до 1935 года. С весны тридцать пятого начали каждому колхознику при выходе на работу давать до кило печеного хлеба. Поскольку хлеб давали утром, то его и берегли весь день за пазухой. Не съешь один, дома семья:

Количество выданного за лето печеного хлеба по ведомостям счетовод подытоживал и оказывалось – не положено больше человеку ничего. Из причитающегося на трудодень килограмма зерна все за год выбрали его печеным, иные деж больше выполняли, значит ПЕРЕЕЛИ. Почти все остались должны колхозу – они ПЕРЕЕЛИ! Словечко это "переела" звучало всюду. Кусок хлеба давали рабу, чтоб трудился да не подох.

Колхозника не звали крепостным, хотя его судьба была хуже, чем судьба крестьян сто лет назад. На барщине мужик работал три дня в неделю, три на себя. Колхозник без выходных и отпусков работал многие годы. Бесплатно. Черное, беспроектное время. Опишут ли его когда-нибудь историки таким, каким оно было?

* * *

– Идем с тобой к Вите, через Сарыкуль хочу, а места там глухие, боюсь одна, – сказала мама.

У Сана теперь есть еда – брюква, поливать ее поможет приятель, по прозвищу "Тюнька-наш", корову подоит соседка. Тайком от мамы натачиваю кухонный нож, завертываю его в тряпочку, на веревочку подвешиваю в штанину. Это для обороны,

когда пойдем бором. Я – тринадцатилетний защитник мамы, я не боюсь разбойников, бродящих в лесу! Я их ножиком напугаю – пусть только к маме подойдут! Вот!

Верст восемь перелесками, но вот он и бор. Глухой стеной стоят вековые сосны. Впервые их вижу. С удивлением гляжу на высоченные колючие стволы. Так вот откуда возят грибы-рыжики!

– Что-то через Сарыкуль страшно, – думает вслух мама, – пойдем-ко на Старой Просвет, а там по железной дороге до Десетерика.

Топаю босыми пятками за мамой, идем молча, с оглядкой – змеи тут есть и разбойники. Где-то между Солтосарайкой и Просветом дорожка, виляя меж сосен, дошла до самого страшного места: на дереве вырублен крест и буквы "А.М.". Здесь недавно убили чашинского мужика Алексея Масленникова. Зря убили. Картуз валялся возле трупа, а в нем и были защиты те, немногие деньги. На селе издавна, а в годы нэпа особенно, поговаривали, что богатели многие грабежом обозов с сибирским золотом.

Сосны кондовые, промеж них поросль мелкая, пни старые, кусты – то ли ивняк, то ли черемуха, но густые заросли пошли такие, что страх нас остановил: "человек, вроде, эвон слева", – шепчет мама. Смотрю – точно, шагах в ста стоит кто-то в черной рубаше. Ждем, куда он пойдет. Я руку в штаны, ножик вынул: "иди, мама, за мной, не бойся"! У мамы, увидевшей нож, глаза округлились, стоит, врытая в землю. Я опять ей "шагай за мной, шагай"! Сам ножичек в руку, ступаю смело в дорожную пыль. Проходим мимо – батюшки! Не человек это, пень! Отлегло у обоих. Миновали одного разбойника. И откуда силы взялись – рванули бегом, мама плачет то ли от испуга, то ли от радости... Вышли на железную дорогу. У поворота на просеку

свернули - "Десятерик". Эта грань и привела нас к санаторию. Бараки деревянные, одноэтажные.

А Витю нашего назад неделю схоронили. Буго-рок сухого песка только мы и увидели.

* * *

Докажем маме, что мы - работники! Мне тринадцать, Сану пятнадцать. Петьки нет, он медь в Калате плавит. Роем за пригоном яму для зимнего хранения картошки и брюквы, три на три метра в плане и столь же в глубину. Глина так крепка, что рубим ее не лопатой, а топорами и сечками, какими наши матери осенью секут капусту для засолки. "Напомочь" ходят те же дружки. Сано, как председатель, главный "спец", начисляет нам трудодни. На те трудодни разрешает в своем ли, в соседском огороде рвать что хочешь, по потребности, брюкву, морковь, огурцы. Брюкву, с детскую голову величиной, любой из нас съедал за раз. Из бревен заплота накат сделали, люк, землю горой - яма что надо получилась.

После ямы разобрали, перенесли и собрали на новом месте амбар для конюшни. Дивятся соседи: "Ну, Дарья, вырастила себе роботных сынов". Видно было по кому: таким был батя, только, как говорила мама:

- Робил он, робил, да пот лил даром, как бают "много черт мелет, да посыпать не умет". В мастерских задыхался, вкалывая на Пимокатовских, за-рабливал гроши, концы с концами не сходились. Други вот мужики, суседи, умне ево, оне здря мозоли не терли, оне с толком жили. Тот жо вот, к примеру, Першенька, он богачам не поддадса, он гордой, потому как многими ремеслами владел. Дома в сарайке да в бане зимой делал дуги, оглоб-

ли, сани, колеса, лодки, корыта, седла и хомуты. Словом, мужик был роботяшшой и дитей своих сызмальства к труду приучил – што Егор, што Лазарь добрыми людьми выросли, воевали славно.

В селе жили работающие мужики, гоношились, как муравьи. Но были и те, кто числился беднотой, опорой, уважаемой властью, пока не поняла она, что уважать их не за что, что живут они бедно от своей лени, как говорят, сами себе пить не подают. У Ванша пятеро детей, ему под сорок, жена у него есть Перша, корова, пятистенок без ограды, а еще много у Ванша лени. Неохота ему, неохота делать ничего. Даже летом, когда все, как черви выются – он свободен. Сидят с Першой на крылечке. Изредка на колхозное поле сходит и опять на крыльцо. Всё лето по пыльной дороге ходит в пимах, оставляя за собой "лыжный" след. Неуклюж и медлителен Ваншо. Хоть пожар, хоть град в куриное яйцо – не побежит, не заторопится. Сельчане хлопочут о дровах – возят, пилят, колют. Ваншо нет. Пятистенок врос в землю до окон, одним углом "клюнул" даже, так что пол в избе стал пропеллером. Обвалтил хату к зиме земляной завалинкой да так и не убрал по весне – "начо, опеть же зима будет". Ну два ряда нижних венцов и сгнили.

Сидят Ваншо с Першой на крылечке, солнышком греются. Принесут дети пучки с пиканами, сварит их Перша, наедятся и опять на крыльцо.

Люди сено косят. Ваншо нет. "Успем ишо". Осень пришла, тут и зима подоспела. Корма нет. Несет вязанкой солому с колхозного поля. Зима. Надо печку топить, а чем? "Дроф-ту нетука". Берет Ваншо топор, идет в ближайший колок, срубает там кривую березку, на плечо ее и домой. Принес, с плеча бросил, топи Перша как хошь.

– Ваншо, – молвит Перша, – дровишек бы чоли сделал, похлебку пора варить...

Ваншо лежит на печке в пимах, курит, молчит, вроде те дрова его не касаются. Перша снова о дровах:

- Слышь, Ваншо, надо бы...

- Дрова тебе опеть же! Изробила, сука, измордовала! Петрушка! - зовет старшего. - Неси гумагу и карандаш! Чичас розводну напишу!

Перша луп-луп глазами:

- Чо уж, сразу так вот и розводну? Али сама дровишек не отсеку, да я, я...

Пока она "якала", Ваншо с печи издал приказ:

- Петрушка! Иди секи дрова!

Петьке рубить дрова неохота, но тятя лежит, курит и не повторит приказа. А Петька тем временем толкнул в бок младшего Митьку:

- Иди секи дрова, слышь, чо тятя сказал?

- Он тебе велел, не мне!

- А я вчера сек! Помнишь ту, кривую, ишо сучок у ей сбоку-ту был? Помнишь, ага?

Митька тянет за рукав младшего Кольку, чуть моложе меня:

- Иди, говорю, а то получишь...

Кольке уж некого гнать на улицу: двое младших сидят на печке без штанов. Штанишки одни на всех, одна маринатка материна, шапка отца. По очереди одевают, выходя во двор, ходят тут же, за стенку хаты. Туалета нет и пригона тоже.

Колька снаряжается в доспехи, я иду помогать. Топор туп и болтается. Рубим по очереди, секем березку зарубочкой, как веретеньшко делаем. Шапка Кольке велика, она спадает на глаза, потому Коле приходится уж так: рубнуть, поднять шапку, вытереть сопли, повернуть березку, еще ударить, пока не перегрызем "хабазину". Отрубили несколько полен. Расколоть не можем - сучковатая. Долбили-долбили - раскололи.

- А на растопку-ту чо? - спрашиваю у Кольки.

Мы срубаем зауголки с горницы. На што она, всё равно в ей не живем. Подходим и срубаем чашки с углов еще живой избы. Ваншо ранее это видел, но не запретил.

Прошел буран в середине марта. Изба Ванша на северной стороне улицы, тут уж весь снег его. Забуровило сарайку, где жила корова, вровень с крышей. Сарайка, как землянка, крыша на метр от земли, но ни Ваншо, ни Перша отгрести двери и всю крышу не стали – "на што, весна скоро, само растет". Очистили от снега немного крыши, вынули три жердочки и опускали в ту щель на веревке корм и ведро с водой. "Лазить к ей почо – не доит жо". Навоз из-под коровы не убирали, она хребтом стала задевать за потолок и от этого да и от голода больше сдохла, не доживя до весны.

На потолке горницы, где мы срубали зауголки, утеплитель-чернозем. Он был сухим когда-то, но намок через плохую крышу, стал тяжелым. Снег-то с кровли Ваншо никогда не сбрасывал – "на што, само растет". И так этот груз давил на хату, что подалась она вширь и рухнула горница. Легкие двустворные двери, ведущие в упавшую половину, Ваншо утеплять не стал, "на што, весна скоро, а воры – по чо оне к нам полезут"?

Солнышко опять яркое и как тут не посидеть на крылечке? Сидят.

– Симичок не худо бы пошшолкать, – молвит Перша.

Ваншо не торопясь:

– Кабы сбегал за емя к Косенихе Петрушка...

Но Петьке неохота идти к соседке. Бабке восемьдесят лет, она еще огород сажит. Ваншо с Першой огорода не держат – "на што", хотя на их усадьбе соток двадцать черноземной земли. Можно было и ближе к озеру участок загородить больше этого – в проулке, за Ганей Пузиным земли "есть не

хочу". Это ж все делать надо, а зачем? Пацаны в соседские огороды слазят, "картофки хто-небудь осенью дас". И давали, жалея детей.

Солнечная, безветренная апрельская тишь. Соседи в огородах копаются, мусор, ботву прошлогоднюю жгут, чистят землю любовно – скоро копать начнут. А Ваншо с Першой на крылечке. Горница лежит вразвал, как после землетрясения. Бабка Косениха зачем-то подошла, села рядышком, заговорила о делах разных, об огородных заботах. Перша поддакивает:

– Мда, мда, не худо бы, ну-ну...

– Не худо бы не худо! – взорвалась старуха. – Я к чему клоню-то? Штоб, значит, и вы огород делали. Ребят пол-избы, чем кормить думайте? Чо на соседски-то огороды глаза лупить! Глико Коська Катренин, сусед, в одиночку какой огородишко збуровал! А вы... страмота...

Плкнула в сторону Косениха, пнула путавшуюся промеж ног серую кошку, отвернулась и грустно процедила:

– Эх, Ваншо ты Ваншо, и на што на земле ты живешь... давно бы надо было обществу подхолосить тебя, штоб нишшоту не плодил...

Молчат оба, только Перша, почесав нос, тихо заключила: "как-небудь".

– Как-небудь, как-небудь, – ворчит старуха.

Тут Ваншо выставил свой главный козырь:

– Пошто, – говоришь, – робетишек много? А чо делать-то? Ночи долги, карасину нетука, чо делать-то? Прижмешь бабу – гледишь, опять запузателя...

Нечем крыть соседке Косенихе, керосина действительно нет в продаже. Люди лучины жгут. Но ведь и привезут тот "карасин", так купить его не на что. Нет у Ванша в опушке ни единой копеечки. В колхозе бесплатно работают, за колышки, а Ваншо туда не ходит – неохота ему. Охота вот "симичок

пошшолкать”, да нет их, а бабка Косениха давала-давала да перестала, тоже сказала ”нетука”.

Молча пошла домой старая, поняв, что никакие доводы не подвинут лодырей к трудовым действиям, бесполезно – сидят и будут сидеть, благо так улыбочиво смотрит светило, как на идиллической картинке...

Короткая просинь

У Васьки Шабашова новая, фабричная балалайка. Купила ее ему мать вскоре после того, как он, снимая шкурку с суслика, ножичком вырезал себе глаз. Сусликов мы ели и добывали в поскотине после таяния снега. Бегаем по степи, норки ищем. Нашел – кричи ”чур моя”. Работали по двое – один воду из луж носит, льет в дырку, другой с палкой у выхода стоит – начнет вылазить зверек – хлесь его и в мешок.

Балалайка Васькина звучная, играет он еще немного, но хорошо.

– Кабы нам такую, – завидуем, – но знаем – у мамы денег нет, не купит она. Мой Сано – мудрец, он яму строить придумал, он составил проект реконструкции амбара и осуществил его в натуре, он и теперь глубокомысленно изрек: ”Сами балалайку сделаем”.

Начать решено с грифа. Но сухой-то березы нет. И отпилили оглоблю у председателява ходка. Пришел поутру конюх запрягать, а оглобля-то короткая. Долго мужики артельные удивлялись ”пошто не всю оглоблю украли, а кусок только”? Коли всю – понять бы можно, у многих на подворье телеги, коров в них запрягают, сено, дрова возят, но унести четвертинку – абсурд какой-то.

Сотворялась балалайка в тайне от матери. Поэтому Сано решил:

- Возьмем у мамы сито круглое, все равно муки нет и сеять нечего. На верхнюю досочку, сухую и звонкую, отешем широкую икону, зачем она? Мама не молится. На заднюю стенку найдем фанерку в райпо.

Я мастерил гриф, из медяшек лады выделял, Сано колдовал над остальным. Я тесал топориком икону, он стругал рубанком.

Обнаружив исчезновение иконы, мама атаковала нас:

- Куды икону дели, ироды? Сито где?

Если признаться - не даст доделать начатое, найдет, изломает. Пошумела - перестала. Пронесло. Иконы более не ставила.

Мы вышли из подполья, когда балалайка заиграла, да так заиграла, что казенную, Васькину, забивать стала. Поймала нас мать, отымать кинулась, но дружки грудью закрыли амбразуру:

- Не дадим, тетка Дарья!

- Да ладно уж, играйте, не вернешь...

Даже председатель Петро Малахов, игру нашу услышав, простил за оглоблю, похвалил за находчивость "без специального инструмента и знаний такую бандуру сотворили молодцы".

Долго жила та круглая балалайка. Меньшому Саньке, брату двоюродному, перешла, он с ней еще сколько лет водил хороводы в Иковской.

* * *

Июнь тридцать четвертого. Мне почти пятнадцать. Стыдно уже перед девчонками ходить в рамках. Где подзаработать, приодеться? По протекции же Григория Попкова оформились мы с Шуркой-Гулей на два летних сезона на добычу мха в болоте Зарослое, от села километрах в трех. Завхоз совхоза

Чаренцов привез к болоту две лодки-плоскодонки, доски, инструмент. С Шуркой принялись за работу. Устроили метров на шестьдесят к большой воде ближе досчатые ходы, на самой их оконечности — уширение для выгрузки мокрого мха. Уволокли на воду лодки.

Хорошо летом на болоте. Чист и прозрачен воздух, жаворонки над нами, журавли-невидимки издали нас приветствуют, кулики и утки почти рядом. Мы никого не трогаем, они нас не боятся. Плаваем с Гулей, граблями мох из воды черпаем и в лодку. Питаемся на подножном корму: выдерешь широколистную камышину, снимешь кожуру с корня, внутри белый жгут со сладким соком.

Санька почти рядом, у него перегруз — борт над водой сантиметров на десять. Говорю ему "не перегружай". И только сказал, смотрю — он покачнулся, ступнул на левый борт, повалился в воду. Лодка боком пошла ко дну и прижала бортом ногу напарника. Барахтается он, воды ему по горло, но дно илистое, его засасывает. Он орет. Грузеная моя лодка неповоротлива, скоро я не сумею поплыть, но, упираясь в дно шестом, подплываю на выручку. Приблизился, подал ему шест, тяну его. Вытащил, за лодку мою он уцепился, упираюсь к берегу. С трудом достали потом его утонувшую лодку.

Мокрый мох тяжел. Пока идем с носилками полсотни метров по доскам, жилы на руках, кажется, отрываются. Расстилаем, сушим, в штабель складываем. Приедет завхоз, смеряет, увезет. Прыгаем с Гулей — мы на "золотых приисках", сами на штаны заработаем! И точно! Под осень тридцать пятого на мне и Шурке новенькие костюмы, рубашки и ботинки. Мы — МУЖИКИ!

Черное детство кончилось, борьба за выживание продолжается. Не было света в детстве, будет ли он в юности? Юность — где она встретится? Паспорт мне не дают — надо справку от колхоза, что я не член его. Пошла за этой бумажкой к председателю сама мама. А тот рога в стену:

— Как это парень твой не колхозник? Он же на колхозных хлебах вырос!

— Постыдись, — твердит мама, — называть хлебом то, что мы ели! Не крепостной мой сын, давай справку!

Выжала из самодура нужную справку, дали мне паспорт.

Пошел на постоянную работу — заведующим отделом писем редакции районной газеты. Не знаю уж, за что меня редактор Насонова Августа Петровна оценила — то ли я ей "показался", то ли бедности нашей она пожалела. Тогда же в редакцию пришел корректором Егор Нелюбин, чуть старше меня.

Секретарем редакции был Василий Александрович Тюменев. Беспризорник, воспитывался в колонии, учился, работал в Ленинграде. Там ему к тридцати годам вынули туберкулезное легкое. Сменил климат, переехав на Урал. Служил в Свердловской газете "На смену", перевели в Чашу. Человек он веселый, эрудированный, коммуникабельный. Быть рядом с ним приятно всегда. Многие, и мы с Егоркой тоже, ходили к нему домой, книги почитать брали.

Читаю письма, одни корректирую для набора, на другие, которые "не проходят" — отвечаю. Стараюсь все делать хорошо, работа в газете мне нравится. Раньше всех прихожу, дел у меня много, немало и комсомольских поручений. Тут еще тротуар до-

щатый вдоль двух улиц решили сделать силами субботников. Работаем вечерами, бесплатно. С шутками и песнями – рады, перестанут наши односельчане тонуть в грязи по ненастным дням.

Тринадцатого июня 1937 года расстреляли маршала Тухачевского и его группу. В этот день чащинское районное начальство объявило праздник – с обеда пикник версты за три от села. Светлогривая подружка моя Верочка стоит на плотике, улыбается, глядя из-под ручки на меня против солнца. Договорились – сегодня и мы пойдем в лес на веселье. Мы ровесники с Верой, нам по семнадцать. Мы недавно знакомы и дружим просто так. У нас не любовь, только совместное времяпровождение. До Веры у меня была любимая девушка Ани-са, потерянная мною по моей вине. Вера это знала. И у ней был парень. Может, его она и любила, а со мной пошла ему назло?

Походили мы среди веселящейся толпы, ларьки тут всякие торгуют... Горю от стыда и не могу признаться Вере, что нет у меня копейки даже на угощение для подружки. Что подумает Вера? Скупым меня сочтет? Она единственная у родителей, ее отец, Яковлев, заведует райздравотделом. Моя мать получает палочки. Я, хоть и работаю второй год, зарплату отдаю ей. Нас продолжает гнуть беспощадная бедность. На моих плечах белая курточка. Она на все случаи жизни: в ней и на работу, и на свидание с подружкой.

– У нас срочный выпуск газеты, будем работать ночью. Ты не жди меня, Верунюшка, – сказал ей по телефону третьего июля днем.

– Ладно, книгу дочитывать буду, – весело чиркнула в ответ.

Вера что-то еще сказала, теперь не помню. Не думали оба, что это последние слова, после которых настанет разлука навсегда: у нее своя дорога в

жизнь, у меня – своя. Моя дорога пойдет по тюрьмам, лагерям и ссылкам на долгие двадцать лет...

Не ждала меня Верунюшка, меня нельзя было ждать, бесполезно ждать. Вскоре после моего ареста встала она на цыпочки, чтоб казаться большою перед отцом, и глянула в замужье. Знал я ее жениха, в одной деревне жили, знал уж потом, в лагерях, что женились они, только судьба и ему лишь на время улыбнулась – ушел на фронт и не вернулся.

Встретились с Верой через тринадцать лет. Не жалеет, что овдовела в двадцать четыре, зато богата несказанно: у ней трое уже больших сыновей. У меня же только появилась девица в звании жены, ни одного "короеда", моя пиголица еще поет.

Начало тюремной Голгофы

Ночь с третьего на четвертое июля 1937 года. Сидим в редакции, каждый своим делом занятые. Егора нет, корректуру гранок и полос читаю я. Редактор Августа Петровна, ее заместитель Алексей Григорьевич Резепин склонились молча над столами, дрема подступает, надо ее согнать. Самый большой стол у Тюменева, он сплошь завален бумагами. Встал Василий Александрович, снял, протер очки, улыбнулся широченно и, сделав артистический жест рукой, торжественно произнес:

– Навести большевистский порядок на своем большевистском столе! – И принялся за уборку, удаляя ненужные бумаги. В этот момент без стука открылась дверь, и в комнату вошел милиционер.

– Я за Вами, товарищ Тюменев!

Побледнел Тюменев, опустил на стол, открыл ящик, тихо задвинул на место. Встал, обвел всех глазами, развел руки в стороны, сказал:

- Прощайте, товарищи! Прощайте навсегда. Не поминайте меня...

И ушел впереди конвойного. Это "товарищ" прозвучало для него в последний раз... Через час пришли за мной. В редакции остались оцепеневшие от ужаса Резепин и Насонова. Только в печатном цехе Петро Важенин крутит ногой машину, она ритмично стучит, выбрасывая из пасти свежие газеты. Можно было убежать, вела-то меня баба, предсовета Виноградова, но, думал я, ненадолго же - спросят что-то и отпустят, не украл я и не ограбил...

Маленькая одиночка с крохотным оконцем вровень с землей, голый топчан, бетонный пол. Сразу, как звякнул замок, зачастило ударами сердце... мысль лихорадочно крутится на одном и том же "как же так? за что?".

Сразу обыскали, забрали комсомольский билет. Где ты, мама? Выручай! Два дня спустя руки за спину, наверх, на допрос повели. Следователь Егоров, пожилой, давно не бритый, с серыми, без зрачков глазами, в форме НКВД, достал из стола бумагу, посмотрел зачем-то в окно, будто полюбовался днем солнечным, бросил окуроч в открытую створку и хрипло процедил:

- Так кто же похож на Карла Маркса?

В первые секунды я промолчал, полагая, что дядя этот шутит. Но "дядя" не шутит, он сорвет маску с опаснейшего государственного преступника! Он согнет его, вражину, в дугу, хребет ему переломит, но заставит признаться в совершении тяжкого зла...

Егоров круто развернулся от окна, осклабил кривой его рот с желтыми клыками, подошел, схватил со стола лист, затряс им передо мной:

- Чо молчишь, сволочь контрреволюционная?

Вот тут точно написано, чо говорил ты на Бабоне двенадцатого июня!

Бабона я, конечно, помню. Бабон – это бревно, толстое, без коры, с дуплом, лежит оно уж много лет на берегу озера в заулке, у огорода Косенихи. На нем обычно вечерами собираются парни и девушки, пляшут под гармошку, а вот что говорил я двенадцатого июня у Бабона – не помню, мы же там не молчим, целые вечера говорим и слова те не записываем.

– А помнишь, – напирал Егоров, – как ты, показав на Кольку Тимина, сказал: "Смотрите, ребята, он же на Карла Маркса похож!"?

Оправдываюсь: "Чем же, дескать, мог шестнадцатилетний Колька походить на Карла Маркса? Он-то на картинках с бородой, а у Кольки и ус еще не проклюнулся? И вообще... разве плохо походить на великого человека? Ведь есть же у нас песня "мы хотим быть похожими на Ленина, на Владимира Ильича". Куплет этот я ему пропел.

Егоров мое пение расценил как издевку, взбеленился:

– Ты мне здесь дурочку-то не пори, я-те не Бабон какой-нибудь, я-те вмиг памротки вышибу...

Смотрю на идиота и дивлюсь: мне ли, пацану, доказывать аксиомы взрослому человеку? Кто он, следовательно, тупой колун или фанатик-циник? На столе лежит папка, на ней крупно черным: "Уголовное дело. № 1374". Значит я – преступник? Сел Егоров, зачитал еще одну бумагу. В ней сказано, что Нелюбин (это писал он) и я ходили к Тюменеву домой и тот подсовывал нам для чтения запрещенные книги Бруно Ясенского "Человек меняет кожу" и Виктора Кина "По ту сторону".

Это спустя десятилетия по повести Кина сделают фильм и Пахмутова напишет к нему песню "Забота у нас такая", а тогда эти книги называли кра-

молодой, как и сочинения Есенина. Ну, про Есенина до того писали "кулацкий поэт", и книги его уничтожили, а про этих - нет. Кто знал тогда, кого можно читать сегодня, кого завтра назовут врагом? Простое знакомство с "врагом" грозило клеткой: Тюменев, например, был знаком с Киршоном и Авербахом, их "раздели", ну и Василия туда, как друга "врагов".

Кроме прочих, "великих грехов", нас с Тюменевым обвиняли еще в том, что мы, будто бы умышленно, хранили в подвале редакции клише с портретами "врагов" - Кабакова, председателя Свердловского облисполкома, Рындина, бывшего секретаря Челябинского обкома партии, наркома связи Рыкова. Разных клише в подвале валялось несколько ящиков, никто годами не перебирал их. Не знаю, были ли среди прочих указанные выше.

Бесполезно доказывать Егорову, что клише находятся на подотчете типографии, а не редакции. Презумпции невиновности он не знал. Установление истины в его задачу не входило, его долг перед Ежовым - разоблачать, обвинять. Наши протесты следователь не записывал, сам подвала не проверял - не надо ему это. Есть донос Нелюбина, ему и верит.

Прошел месяц одиночки. Привели наверх. Следователь на стол передо мной положил то "дело", прижал его рукой и многозначительно спросил:

- Брата жалко? Один сидеть будешь или на пару с ним?

У брата Александра нога туберкулезная, шариком опухшая, ему каторга, даже самая короткая, - смерть. Решение принято: я один пойду по тернистым дорогам страданий...

Подписал дело, не читая. Может, там было написано, что я крестник царя, подручный Гитлера и пил вино с самим Тухачевским... Мне уже было всё

равно – творись воля Божья, как говорили на Руси...

В то утро у ворот райотдела НКВД собрались родственники уходящих на этап. Кто-то шепнул им об отправке. Стоит и моя мать с мешочком. Нас вывели, ведут в машину залезать. Подошла ближе моя мать, просит передать сухари. Конвоир не разрешил. Машина тронулась, и все провожающие заголосили – кто-то из них прощался навсегда.

Двое конвойных, оба местные, уселись в передних углах кузова. Говорить нам запрещено, но по дороге уголовники спрашивают:

– Чо, паря, впервой, али по новой?

– Да, – говорю, – не бывал.

– Бить в камере будут, обычай тюрем такой – новеньких посвящают в рыцари. Покажешь себя волком – уважать станут, скиснешь – на параше сидеть будешь.

Шестьдесят километров по тогдашним проселкам "Газон" одолел только к вечеру. Вот и город. Огромная вывеска на воротах "Курганская тюрьма". Машина въехала в небольшой двор, остановилась. Вылезли. Всех повели влево, меня одного направо. Открыли дверь, втолкнули. Полумрак, фонарь "летучая мышь" на стене. Что же это, страшный подвал? Пустой зал, лавки из широких досок некрашенные, шайки на них деревянные: да это ж баня! В баню меня всунули, а почему одного? Мыться? Так не сказали, что можно, да и не топлено. Дотянулся, взял фонарь, пошел через зал в темную половину, дверь там вижу, может, люди за ней? Открыл тихонько ту дверь – никого, шаек тут нет, зал маленький (метра два в ширину, шесть в длину), без лавок. Махнул светом на стену, а она в крови – брызги свежие и след от пальцев руки – видно, падая, кто-то шаркнул по стене... Кожа на мне сделалась теркой, хоть редьку натирай... На

стене в штукатурке ранки кругленькие, как от пулю. Мелькнула догадка: здесь расстреливают. Ночь летняя коротка. Сажу на корточках у наружной двери, в голову лезет всё черное... "Закинули меня сюда не с расчетом ли пустить в расход? Ведь я же знаю, что подписал, не глядя. Может, такое, за что дают пулю? За время одиночки я ожесточился и из тихого, деревенского парня начал превращаться в звереныша, способного умереть подобно Метелице. Решил: если зайдут и начнут теснить туда, то кинусь тигром и буду рвать их зубами и руками. Стал мысленно готовить себя к прыжку...

На рассвете лязгнул замок, стражник гаркнул:
- Эй, ты, выходи!

Повели в самую тюрьму. Узкий коридор, железные двери, справа, слева, замки на них огромные, волчки в дверях. Надзиратель ходит, в дырки те поглядывает - что там его подопечные подделывают? Вхожу, лицо зверское сделал, к бою готов. Но никто не подходит. Странно просто. Сидят люди на полу, старые и молодые, в тесноте, полуголые. Чувствую, жарко тут. Из дальнего угла зовут:

- Эй, хлопец, сюда иди, место тут есть!

С трудом выбрал пустотку, где бы ногой ступить промеж голых людей, пробираюсь к тем, кто звал, ожидая, что вот сейчас дадут по шее. Не трогают. Видать, и не собираются.

- Клади вот тут котомочку, присаживайся, а хошь и стой, - с улыбкой говорит лет тридцати пяти высокий мужчина, - местечко, хоть и не плацкартное, но для цыпленка хватит. Староста камеры я, Рычков, значит, Иван. А ты, небось, тоже с пятьдесят восьмой?

- Да, она, - говорю, - самая.

- А за што?

- Да понаписали там всякого, а я подписал, не глядя.

Сосед мой, дед старый, прикрыв рот ладонью, вздохнув сказал:

– Батюшки, совсем детей сажать начали... лет-то тебе сколько, паренек?

– Семнадцать.

– Ишь ты, уже и контрреволюционер!

Это подковырнул Собин. Потом с ним познакомились.

Назавтра первый для меня тюремный шмон. Согнали всех с вещами в одну половину камеры, раздеться догола приказали. Стоим, тело к телу туго. Пока раздевались, одевались да тюремщики все перетрясали, стало как в сумерках от поднятой пыли. Прощупали узелки, штаны, рубахи – ничего недозволенного не нашли. Скомандовали: "всем по местам".

Место свое знал каждый по соседям. Моим соседом справа оказался тот самый дед из Петухова Дрон Ефимович Могутнов. Всё расспрашивал меня о моей деревне, о семье, о себе говорил, о своих, называл всех поименно: сватов, снох, кумовьев, соседей, дочерей, внуков, сынов – много их у него. А самому семьдесят пять лет.

– А ты, дедушка, за что? – тихонько его спрашиваю.

– А ишшо не сказали. Опосля узнаю.

Но так и не успел узнать... Дней через пять, проснувшись по утру, чувствую – дедушка-то мой мертвый. Ах, дедо Дрон, не дали тебе умереть на воле, в остроге смерть твою ускорили. Унесли его бытовики...

Душно, вонько от параша, пыль – трясут же эки барахлишко, жарко, нечем дышать – в камере вместо двадцати "по норме" сидят две сотни узников.

Двадцать вторая камера тремя своими окнами выходила на улицу Советскую, углом на ул. Киро-

ва. Метрах в двадцати - вышка, на ней часовой стоит, петлицы даже видно "4ш". Нам разрешены шахматы, играющие пробираются ближе к окну - светлее, хотя окна-то невелики - метр на метр, навёрное. Сели и мы с Рычковым за партию, сели, видно, недозволенно близко к окну. Часовому не понравилось, и он без предупреждения выстрелил в наше окно. Пуля прошла выше наших голов - в печь. Мы упали. Часто потом играли мы и с Собиным.

Рычков и Соби́н работали вместе. Рычков, грузный, лет тридцати пяти, дядька всегда веселый, был начальником Курганского лестранхоза. В день, когда принесли ему обвинилровку, сник Иван, задумался: обвинение во вредительстве пахло вышкой... Читал я его обвинительное заключение. Все содержание теперь не помню, не забыл одно: Ивана винили в том, что многие работники руководимого им предприятия ели не хлеб, а лебеду. Как будто одни рычковские лебеду ели. После засухи ее потребляли на Урале многие тысячи людей с тридцатого и до тридцать седьмого года. Недолго после этого был Рычков в 22-й камере, после суда его посадили в камеру смертников.

В уборную нас водят мимо этих камер. Как в их волчок заглянуть? Наши придумали сценарий: во время следования в туалет учинить "с понтом" драку в переднем ряду, надзиратель кинется туда. В эту секунду задним заглянуть в волчки. Удалось. В одной из трех камер среди других узнали нашего Ивана.

Вскоре в тюремной бане расстреляли Ивана Ивановича. Глухие звуки выстрелов мы слышали часто. Расстреливала женщина (я ее видел), хищница с серыми глазами, корявая и щербатая. Наверное, она мстила миру за свое одиночество, за безобразную морду. Всю жизнь она служила в тюрьме.

После казни Рычкова никому более обвинительных заключений не давали: процедуру набора рабов упростили – никакого суда. Судьбы арестованных решало "Особое Совещание" и "Тройка УНКВД".

Вскоре кому-то в верхах – то ли Ежову, то ли "Отцу родному", показалось, что в тюрьмах узники дышат лишку, и дали приказ заложить окна во всех острогах страны.

При выходе на прогулку видим – к окну приставлена лестница с площадкой. На ней стоит каменщик и веревкой в ведре подымает наверх кирпич и раствор. Сразу все поняли: будут закладывать окна. Каменщик толкает сквозь решетку кирпичи, примазывает их на цементный раствор. Закладывает на всю толщину стены – надежно, навсегда. Кладет. Вот уж остается от окна щель в тридцать сантиметров, а рука работающего снаружи толкает еще кирпич. Оцепенели от ужаса: неужели заложат наглухо и задуют нас за один день?

В этот миг узник прыгнул к окну с криком "удушат, задуют" и стал выталкивать кирпичи наружу. Каменщик изловчился, схватил его за руку и притянул к окну. Орут оба (визг внутри и мат снаружи). Часовой пальнул в воздух, сбежались стрелки. Схватили восставшего, заломили руки, увели. Окна оставили по 30 сантиметров. Зонты недели. Душегубка.

Тюрьмы без окон – впервые от сотворения мира стали они каменными фабриками смерти. Тюрьмы без окон, переполненные в десятки раз, тюрьмы с цехами пыток – это ли не преступление против человечности!

* * *

Тюрьма курганская стояла на том месте, где ныне жилой дом, магазин "Луч" внизу. Главные

ворота с вывеской — со стороны улицы Советской промеж двух толстых тополей, теперь еще растущих. С угла тюремного двора от улицы Кирова находились другие ворота, через которые узники следовали на этапы.

В конце августа 37 года вывели нас, человек пятьсот, через эти ворота и погнали колонной до вокзала. Улица без асфальта, пыль страшная, нечем дышать, особенно идущим в конце колонны. Пыльная, этапная дорога, первая такая, а сколько их еще впереди, таких дорог, тяжких дорог, по чужим городам, по тайге, по волжским степям...

Алексей ДИДУРОВ

Фрагмент любви

* * *

Маше

Мне нечего ответить Вами словами.
Подсвечен августовской сединой,
Реке кивает берег деревьями
На всхлипы за посудиною речной,
Рок-музыкой ручной, за мной и Вами.

Мне нечего ответить Вам словами,
А говорит улыбкой и слезами
Испорченное сердце не велит –
Оно без Вас болит, моя Лилит,
А с Вами – можете представить сами...

Мне нечего ответить Вам словами –
Не наделила жизнь меня правами
Счастливой сделать Вас или сберечь
Ото всего, что здесь нам даровали,
Чему не в склад, не в лад любовь и речь.

Мне нечего ответить Вам словами –
Во мне деталь какую-то сломали:
Нема во мне ни света, ни тепла.
Жить отражённым? Вас дожечь до тла?
Да, вариант, но соглашусь едва ли.

Мне нечего ответить Вам словами.

Ведь неспроста бежим того, что с нами –
Как мы на корабле (жаль, не пустом!),
Родные виды слиты с временами,
Чужими нам, как тот высотный дом...

Мне нечего ответить Вам словами,
Хотя они сейчас бы не солгали,
Поскольку мыслей нет, а грусть проста,
Она земней, чем в медленном накале
Стеклянная багровая звезда...

Мне нечего ответить Вам словами...

ДЕТСКИЕ ФОТОГРАФИИ

Какое счастье в детстве умереть –
Заснуть под слёзы мамы, как бывало,
Уже обжитую смягчая твердь
Под завыванье отчего подвала.
И не принять иных земных даров,
Полученных помимо, вечных кроме,
Как-то: конфет от сводней и воров,
Да жидкой манной, да битья до крови
В луче, что небесами спущен мне,
Да на дверях дыры, где жил-был Гешка, –
"Орла" на пластилиновом пятне...
Не так всем, впрочем, важного, как "решка"...

Я в преисподней жил. Я видел ад,
Я в нём ловил мокриц, и в их извивах
Прочёл я жажду жизни – жизнь назад
В родимых недрах, тёмных и червивых.
Я видел быт и прах добра и зла
На срезе грунта перед самой рамой.
От газа греясь, резались в "козла"
На кухне чёрт-те кто с моею мамой.
Мать вышла замуж. Выхрип: "Лучше спи!"
Поспишь тут – в темноте толчётся семя...

Родился спутник. Делает "пи-пи".
Вода в подвале. Время каплет в темя.

Загадка жизни... Да в конце ль ответ?
И детская считалка про мочало
Спроста ль кончалась: "Начинай сначала"?
Уста младенца выдали завет,
Который не идет из головы,
С расцветкой первопахнущего лета,
С парижским ветерком на дне Москвы:
"Из крепдешина шьёшь?" – "Из крепжоржета".
Прошаркали над мальчиком года
Компашкой фестивальной хмельною.
Я снизу вверх смотрел на них. За мною
Сюда им не спуститься никогда.

Пустырь на месте детства. Щебень, гниль.
Здесь жизнь была, бельишко колыхалось.
Могила первых из моих могил,
В каких душа дышала, задыхалась,
Ни Богу и ни чёрту не нужна,
Посколь обоим до зачатья мамы
Отвесили свинцового рожна
В кожанках тёртых Евы и Адамы,
А смертным и совсем не до души
Десятка лет с войны не пролетело.
И наш Мансур безногий тешит тело
В горячке белой: "Ой, якши... Якши..."

Линялый фотоснимок – двор, скамья,
Пикало, Клепа, Чекануха-Рая...
Вот я. Вот боль грядущая моя –
Насупленная пигалица с краю...
Она потом сломает сердце мне,
И я, как инвалид любви, пребуду
Не на коне – и всё же на коне,
И сей феномен уподоблю чуду...
А кто-то осквернит её подъезд
И матом на стене про нас расскажет

Святое... Нет стены. Нет дома. Есть
Крест от оконной рамы – руки мажет...

Давным-давно, до передачи "Время",
Не то что нынче было, братцы, время!
И первая любовь моя, братва,
Сараями и лестницами пахла,
И солнышко садилось в область паха,
И было просто всё, как дважды два...
И девочка моя дышала в ухо...
И ухали в подъездах двери глухо,
И мы на самом пятом этаже
Вдоль пополам с испугом разрывались,
А если рядом двери открывались...
Но это я не выдержу уже...

Земли так много было во дворах,
Что мне асфальт на улице казался
Другой планеты твердью; я касался
Его – и возникал неясный страх
Или тревога... В этих двух мирах
И проходило детство, и прошло.
Когда ушла ты. Ни к кому. Без ссоры.
А просто. В мир и город повлекло.
Туда, где сталь, асфальт, бетон, стекло...
И то, что мне глаза заволокло,
В пол земляной двора ушло, как в поры
Самой Земли... Но разве что взошло?

У Клёпы нос немного набекрень...
Сейчас он – тучный бармен в "Эрмитаже".
Пикало мёртв. Я помню этот день –
Он забежал к Андреевой Наташе,
Которая женой жила с отцом,
А тот был не в духах; они сцепились,
Хрыч трость метнул отточенным концом...
Мы на поминках с Клёпой в смерть упились...
Он мне писал туда, где я – "ать-два":
Наташа съехала из страха мести...

Вернулся на пустырь. Мы одна
Руины мирные смочили вместе.

Я пионер. Юннат. Хитрец. Спортсмен.
На рукаве нашивки предотряда.
Уста педагогических сирен
Моим примером утомляют стадо.
Я прихожу из школы – галстук прочь,
В карман – кастет и между пальцев – бритву.
Вернусь домой, когда вернётся ночь –
Крутить на потолке подвала битву.
"Опять курил?" – спросонок в темноту
Уронит мать. Вздохну и не отвечу.
Засну и побреду себе навстречу.
Как поздно я проснусь – и не дойду...

А Чекануха-Рая нам была
родней родных с прогулок без мамы –
Умом слаба, как мы малым мала
(А с ней играли в детстве мамки наши!),
Она весь день пылила среди ребят...
Гипофиз, что ли, – не росла, не зрела...
Однажды отчим драл меня за мат –
Она его большой доской огрела!..
Мне бабка рассказала, отчего
Осталась Рая умственно отсталой:
У Господа, мол, детства своего
Не забирать просила – тот воздал ей...

О, как уютно было быть своим
В любом дворе, прогулке и трущобе –
Во встречных взглядах тот же сизый дым,
Сталь в говорке и мягкотелость в злобе,
Спресованная каша в котелке –
Где бы ни жил любой и каждый, ибо
Тут и на самом высшем чердаке –
Небес российских ледяная глыба...
А встретить я не таких тогда – на них
Смотрел бы с мукой зависти недоброй

И рогом, сообразно с местной догмой,
На них попёр... Но не видать иных.

Пёр через двор многоголосный ор
Диминаков – Билл Хэйли, рон-детина,
Затеивал громоподобный спор
С девчачьим голосочком Робертино.
Меж лагерями наводя мосты,
Премьер ООН ботинком бил в трибуну,
Как негритос в там-там. Я жёг хвосты
Пуховым вьюгам, вторя Пэту Буну.
А мать под "Хасбулата" дома пьёт –
Нас отчим обокрал до крох – и ходу
В просторы, где Гагарину поёт
Трансляция неумолчную оду...

Спасибо, детство, азбуке твоей,
Ускоренному методу прозренья!
Нет зренья зрелее и верней,
Чем зренье отрезвленья и презренья!
И отчимщины перегар густой,
И глыба кулака, что пышет жаром –
Всё гнало в ночь – подмигивать Стожарам
И пить всей грудью липовый настой!
Я куковал один в дыре двора
И видел: "завтра" льётся из "вчера",
И слушал стук насосика грудного,
С тех самых пор, действительно, родного...

Прости мне, детство, злость и худобу,
Плешь авитаминозную под кепкой,
Тоску по пионерской дружбе крепкой,
Зуд знамя подхватить, вопить в трубу,
Обиду на судьбу, открытый рот
Над книжкой "Девяносто третий год",
Со склада спёртой на Новослободской
(Обложка и рисунки – Савва Бродский) –
Там в барабан бил маленький валлон,
И под его растреск рождалась эра...

Зато я на Кольце смотрел Насера
Меж стерегущих двух мотоколонн!

Вот школьный фотоснимок – Томка Д.
Обнявшись на уроках, мы балдели.
Она ушла с восьмого в Дом моделей –
Моделью. "Слушай, мальчик, быть бедэ!" –
Я слышу год спустя в её дворе
Кавказский бас. Их двое. Все в джинсовом.
И третий в "Волге". Видно по игре,
Мне лучше делать ноги. Сделал, словом,
Я знал, как бить, но я не знал, как быть –
Я испугался их богатства, мощи.
С тех пор я ненавижу это. Проще –
Я не могу Тамару Д. забыть...

Остаток улицы. Фрагмент любви.
Вот здесь ступали классные твои.
Вон там висело: "Покупайте джем!"
Я бы остался, но зачем? Зачем?
Песчаный ветер взялся завывать.
Как я забыл умение забывать?
И рай, и ад – всё бренно на земле.
Стою на пустыре. Навеселе.
День ослепителен. В глазах темно.
Пью тёплое креплёное вино.
Сдержаться – молод. Плакать – староват...
Пошли, пошли. Никто не виноват.

Я бежал за огнем...

* * *

Изрезав душу о края
Двух противоположных мнений,
Распалась правота моя
В груди – на несколько сомнений.

Я от нее освобожден.
Не тешусь ни одной надеждой.
И я ни в чем не убежден
Так неоправданно, как прежде.

* * *

Знаю, горек мой хлеб.
И звезда далека.
Знаю, если умру – не воскресну.
Я уже научился
Смотреть в облака,
Не завидуя птицам небесным.

И хотя мои песни
До слез солонны,
Я, по дому родному скитаясь,
Научился уже
Уезжать из страны,
Не бросая ее, не прощаясь.

Откровенным словам
Тесно в слухе чужом.
Я, себе не найдя оправданий,
Научился ходить
Со своим багажом
По вокзалам чужих ожиданий.

Я в разлуке с людьми
Разучился скучать.
Вигибая назад птичью шею,
Глядя на облака,
Научился молчать.

Больше я ничего не умею.

* * *

Посвящается советской интеллигенции

В жизни всякое бывает,
Но на Родине моей
Глупость всех нас унижает
И чем свыше, тем больней.
Нам надежда остается,
Что ее унизит смех.
Кто последним засмеется,
Тот смеется лучше всех.
Мы последними смеялись,
Но уже понятно всем:
Мы так долго унижались,
Что унизились совсем...
В этом нас не гложет скупость
И уже в который раз
Мы высмеиваем глупость,
Унижающую нас.
Ничего не остается,

Как отдать, за что берешь.
Нам спокойствие дается
Лишь взамен за нашу ложь.
Нам платили за покорность,
Потакание вранью,
За утраченную гордость
И неискренность свою.
Но всему есть оправданье:
Всё живое хочет жить.
Легче ли от пониманья?
Не скажу, не мне судить.
Знаю я: в моей Отчизне
За себя во все века
Всё живое платит жизнью.
Слишком плата высока.
Мы привыкли к несвободе.
Жизнь дороже, чем слова.
И обязанности, вроде,
нам привычней, чем права.
Потому в моей Отчизне
Всё давно понятно всем:
Ради продолженья жизни
Мы унизились совсем.

* * *

Не пойму, Русь моя,
Что так холодно мне?
И поэтому я
сам сгораю в огне.
В чистом пламени чувств
Все мы как-то горим,
Потому поделюсь
я ожёгом своим.
Говорили: "Не тронь!"
Только в детстве моем

я тянулся в огонь
Я бежал за огнем.
Детство не обожгло,
Не спалило меня,
Просто было тепло,
Мало было огня.
Как потом я горел
На высоком огне!
Отбежать не успел,
Всё сгорело во мне.
Это юность моя
Обжигала меня,
Но в том времени я
Не боялся огня.
За бедой шла беда,
Всё сгорело до тла,
Потому что всегда
Не хватало тепла.
Я огонь раздувал,
Думал: жар для мужчин.
Сам себя обжигал,
Как гончар свой кувшин.
То ли я пережег
Свою душу в огне,
Но остался ожёг.
Что-то боязно мне.
Я прошу: не гори!
Отхожу от огня.
А огонь изнутри
Обжигает меня.

* * *

На пепелище Родины, в золе
Ищу слова, что нас от бед спасали:

– Дай Бог вам счастья на чужой земле,
Найти вам то, чего вы не теряли.
Не омрачу презрением отъезд.
Кому дано остаться – не осудит.
Душа привыкнет к перемене мест,
Но пусть души в разлуке не убудет.
И пусть никто не будет одинок.
Отдайте всё, что есть у вас, друг другу.
Мы – путники, но выйдя за порог,
Мы ходим все по замкнутому кругу.
На полустанках Родины, в золе,
Где день за днем идет в сплошном помине:
– Не повезло вам на моей земле,
Так дай вам Бог удачи на чужбине.
Но улетают птицы каждый год
И, что б деревья здесь ни голосили,
Желаю вам, уйдя от всех невзгод,
Жить на земле, но умереть в России.

* * *

И ты, что в воду бросил камень
И по воде послал круги,
Изменишь что-то между нами,
Но не течение реки.
Пора закончить спор бесправный,
Прошедшим временем страдать –
Река разбрасывает камни,
А нам сомненья собирать.

* * *

...и всякий смысл утратило движение.
Куда идти? – Отечество окрест.

И у меня для самовыраженья
Остались только музыка и жест.
Гляжу на молодое поколение.
Невольно вверх потянется рука.
Возьму и с легким вздохом сожаленья
Лишь поворачиваю пальцем у виска.
Когда, отягощенная речами,
Вниз по щеке покатится слеза,
Что я скажу? Да так, пожму плечами,
Ладони опуская на глаза.
О чем я? О достоинстве и чести
Утраченных. Но, справившись с тоской,
Я вспоминаю о последнем жесте:
Не дай мне Бог махнуть на всё рукой.

* * *

Кто это сказал – я не знаю,
Но сказано верно, проверьте:
"При жизни одни умирают,
Другие живут после смерти".
Я знаю, как это бывает,
Что так, к сожаленью, привычно:
При жизни душа умирает
От подлости или двуличья.
Душе неприемлемы цены
При торге большим или малом.
Она не прощает измены
Хранившим ее идеалам.
Не страшно быть смертным и павшим
И жить похоронкой в конверте.
Но всем, свою душу продавшим, –
Не будет житья после смерти.

* * *

Я совершенно напрасно
Не доверяю себе.
Всякое чувство прекрасно
В гибельной нашей судьбе.

Чувства не могут быть лживы.
Разум обманет верней.
Чем же мы, смертные, живы,
Как не душою своей?

* * *

Художник начинается с того,
Когда свой труд перечеркнет. И снова
В мученьях, ради слова одного
Всё перепишет, чтоб звучало слово.
А чтобы в слове истину найти,
Переступая через пораженья,
Он заново проходит по пути
Создания, труда и отторженья.

~ * ~

Георгий САДЧИКОВ

Узор на розовом окне

ХРИСТОС

Не слышимо в душе проснется
Его невидимый приход.
И сердце сердцу отзовется,
и сердце к сердцу призовет.

И веря так, что возвратится
к Нему потерянный народ,
Он сердцем с бездной разлучится
и казнью бездну воспоет.

ОТЦУ-БЕЗБОЖНИКУ (посмертное посвящение)

*"И Бог вознес того прощеньем,
кто был хулителем Его".
(Из письма)*

Сегодня снег, сплошной слепящий снег.
Засыпан мир, слепых шагов не видно.
Снежинок я смотрю соленый бег
и сомневаюсь в том, что очевидно.

И сердцем веруя в означенный предел,
я тех пою, кто умер бедным.

Снег падал так, как будто бы хотел
упасть, вздохнуть и отойти бесследно.

ЛАЧУГА

Приют для нищих и богов,
в оконце свет, как свет лампы.
И мы, иззябшие, мы рады,
что ждет нас жалкий, но желанный кров.

Здесь мы заплатим за покой
растратой лет и скорбью духа.
И будет хохотать и ухать
над нами филин – зверь ночной.

Под утро сны расколет гром
и станет нам до боли ясно:
мы шли, брели, ползли –
напрасно.
Как весь напрасен этот дом.

* * *

Когда перед тобой спина акулы
всплывет оранжевой торпедой,
а у тебя вместо гарпуна тоненький томик стихов –
то утешься последней строчкой.

Когда в грохоте девятого вала
у тебя треснет весло удачи,
и ты, загребая небо руками, камнем пойдешь
на дно –
то утешься последним вздохом.

Когда тебя лицом к стене
поставят в час перед расстрелом,
и ты в разорвавшемся залпе увидишь ее глаза
то утешься последним взором.

Когда на предательство друга
тебе нечем больше ответить,
как кровью израненного сердца –
то утешься последней каплей...

...В последнем крике или камне
памятником поверженному станет смерть.

* * *

Уснуло солнце в логове волчат
и превратилось в мать-волчицу.
А души под утро как флейты звучат,
а души под утро как флейты звучат
и просят траву-медуницу:
укрыть их, когда растворимый туман
развеян в неясной тревоге,
и капель когда шелестящий обман,
и капель когда шелестящий обман
стекает идущим под ниги.

О, оторопь встреч и свеченье разлук!
О, губы убитых во сне!

Я вам доверял, я испытывал слух,
я вам доверял, я испытывал слух
на вашей высокой волне.

И даже когда небо было в крови,
а звезды горели в огне,
вы были всегда, вы были мои,
вы были всегда, вы были мои –
те, кто убит во сне.

ВОЙНА

Окопов слизь безгубым ртом сосу
и призрачность знамен несус в блевоте боя,
то, как быка – меня – с кольцом в носу
сегодня привели к всемирному убою.

Мой час придет, и вяжут пауки
внутри меня предчувствий смертных рои.
Потом могилы тусклые зрачки
мои глаза Отечеством закроют.

АФГАНИСТАН

Еще не веря что не-жизнь
в меня вошла осколком рваным,
я опускался на полынь,
зажав в горсти письмо от мамы.

Я не успел его прочесть,
когда приказ погнал в атаку.
И вот уже читает Смерть:
"Я жду тебя живым". Однако...

Однако мне не увидеть ее,
черемух белое кипенье.
Но ослепительно, зато светло
вся жизнь предстанет на одно мгновенье.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

России тучные поля
смешались с голодом и болью.
И оскорбленная земля
крестьянской набухала кровью.

КРЕДО

О чем шептали мне тревоги,
когда я вывел скакуна,
и темный лик ночной дороги,
и плащ из грубого сукна?
— Что мне вернуться, с полуслова
меня простят и стар, и млад,
что будет ждать меня, живого,
и роскошь пышная наград,
и верный посох точных правил,
и долгий век, спокойный век...
Но я коня вперед направил,
ему вверяя жадный бег.

КРЕЩЕНСКАЯ НОЧЬ

Сегодня ночь, когда гадают звезды
и спит сова на верстовом столбе.
Мне в эту ночь несказочные норды
расскажут сказку о самих себе.

И лишь когда туман уйдет из леса,
чертя узор на розовом окне,
мне лишь тогда откроется завеса,
каким я был в далекой старине.

Я сказку ту, как будто ожерелья,
подброшу вверх и разбросаю вниз
за все мои бывшие прегрешенья,
за верность слов и невозвратность лиц.

И пусть они, ушедшие далеко,
вдруг оживут, как травы и роса.
И мне тогда предстанут одиноко
Тот зимний лес, туманы и глаза,

которых я не повстречал когда-то,
которых я не видел никогда.
И потому в преддверии заката
на нас гадают древняя звезда.

* * *

Вновь отученный от порога,
живущий на изломе сил
два имени – Твое и Бога –
как Счастье я произносил

И как мечталось, чтоб дорога
не обрывалась, словно нить,
чтоб именем Любви и Бога
могло нас Время обручить.

ИТАЛЬЯНСКИЕ МОТИВЫ

Боль приходит с неба, застревая в сердце –
прямо и налево, где растут цветы.
Ты меня сегодня успокой, а скерцо
пусть отметит меру зла и доброты.

Я теперь забуду плакать и смеяться
и пыльцу успеха ветрам раздарю.
Только ты сегодня приходи в палаццо
из травы и листьев, пущенных в зарю.

Звезды пьют прохладу, будто кони воду,
торопясь напиться из колодца дум.
Ты меня сегодня приласкай, а оды
пусть укажут место, где живет колдун.

Утро просит солнца, солнце просит слова.
Каждый что-то просит – смело раздавай!
Потому, наверно, бесконечно снова
Посреди метелей расцветает май.

Потому, наверно, в тот прощальный вечер
голос твой, прощаясь, шел из немоты.
Только знаю, будут тосковать о встрече
все твои дороги, все мои мечты.

Юрий КОЛКЕР

Несколько наблюдений

(О стихах Иосифа Бродского)

*И толковала чернь тупая:
О чем бренчит?*

А. Пушкин

Это - ряд наблюдений.

И. Б.

Статья написана до присуждения И. Бродскому Нобелевской премии и, следовательно, ни в каком смысле не является откликом на это знаменательное событие.

*1991,
Лондон.*

1

Ахиллесов щит

Две ранние вещи Бродского - *Большая элегия* (1963) и *Исаак и Авраам* (1963) были расценены современниками как большой успех начинающего поэта. В них промелькнула общая для обоих произведений тень художественного открытия. Суть его сводилась к новому способу фиксации и утверждения реальности, иногда именуемому потоком сознания. Поэт прибегает к нарочито подробным, порою назойливым перечислениям и повторам, создающим видимость топтания на месте; к бессобытийным, перемежаемым навязчивыми отступлениями описаниям, по видимости - бесстрастным, фактически же насыщенным нена-

званной страстью. Чувство времени поэт передает через пространство, пространство моделирует пространностью. Тем самым он создает элементы нового эпоса. Пушкинский повествовательный стих, после всех превращений и опошлений, сделался невозможен (неприложим к современности) как излишне натуралистический, блоковский - как полностью аннигилирующий действительность. Необходим был сплав, синтез, и - после нескольких неудачных попыток (в поэме *Шестые*, в отрывке *Гость*, и др.) он был найден. Позже (в 1968) Бродский даст определение одной из важных сторон этой находки, сказав об искусстве: "основной его закон, бесспорно, независимость деталей"*.

При этом, кажется, осталось незамеченным лишь то обстоятельство, что рецепт находки (исполненный по-новому и русскую поэзию обновивший) древен как сама поэзия: восходит к Гомеру. Это рецепт *ахиллесова щита*. Мы получили еще одно свидетельство тому, что пафос искусства - не в прогрессе (которого в искусстве нет), а в человеческой индивидуальности художника. Если верно, что искусство - это ритм (обратное представляется верным лишь с существенными оговорками), то существуют в нем и большие ритмизирующие периоды, спустя века и тысячелетия возвращающие нам его вечные идеи как новые и животрепещущие.

Любопытно было бы теперь проследить психологию этой находки Бродского. В чем неназванная страсть поэта? Здесь мы вступаем в область догадок. Предлагая отгадку, я отдаю себе отчет в том, что она может показаться (и оказаться) неверной, но даже и в случае прямого попада-

* Отмечу полноты ради, что проф. Л. Лосев возводит это определение к "провозглашенному Элиотом принципу objective correlative", а поэтику Бродского - к поэтике английского модернизма.

ния объяснит не более чем какую-то одну сторону вопроса*. Читатель помнит, что исследование всегда обедняет объект; что понимание означает упрощение.

*

Большие таланты в молодости тяготеют к большим формам, а эти последние редко удаются писателю без формального задания, интригующего читателя и, главное, поощряющего автора, который помимо основной идеи постоянно имеет перед глазами второстепенную, вспомогательную, смиряющую и одновременно гармонизирующую вдохновение. Формальное задание (не обязательно новшество) служит еще для накопления *количества движения*, которое затем, внутри поэмы, в силу инерционных свойств, помогает преодолевать подъемы, подпитывает вдохновение в тех случаях, когда последнее оскудевает.

Бродский решает *проблему махового колеса* парадоксальным образом: он гипетрофирует, доводя почти до абсурда, те качества своих стихов, за которые их более всего упрекали: композиционную неуравновешенность и лексико-грамматическую невнятицу.

Как всякий академизм, *социалистический реализм* выработал жесткие представления о композиции и правильности стихосложения. Он выставил на первый план сюжетные, повествовательные вещи, в которых действие развивается энергически, а поступки героев мотивированы и наглядны. Такие стихи рассчитаны на легкое восприятие, на убеждение, подчас напоминают проповедь и обыкновенно заканчиваются подытоживающим тезисом или лексическим пуантом. Был разработан целый комплекс приемов и уловок, концентрирующих неразвитое читательское вни-

* Эта оговорка распространяется и на все последующие утверждения статьи, многие из которых могут показаться излишне категоричными, на деле являясь лишь конспективными.

мание. Не все в этом подходе было плоско и убого, и явились авторы, научившиеся конструировать свои стихотворения с ловкостью поистине артистической. Более того: поскольку в основу советского академизма легла великая русская поэзия XIX века, то в его тесных рамках нашлось место и для настоящих поэтов. Им, на первых порах, пришлось пройти школу *обламывания*, усвоения узаконенного мастерства. Робкие дарования эта школа уничтожает, талантам же иногда придает своеобразный блеск.

Бродский был в числе первых больших талантов послевоенной поры, кто попросту отказался проходить эту школу. Наоборот, он выдвинул, акцентировал как раз те стороны присущей ему в молодости манеры письма, на которые эта школа указывала как на недостатки. Это был волевой акт, своеволие инфанта, его дерзость будущим подданным. В итоге появилась *Большая элегия* (208 стихов), где главный герой и адресат спит, не действует, а монолог приписан существу бестелесному; и библейская повесть *Исаак и Авраам* (608 стихов), посвященная мистическому акту, которого, к тому же, не произошло, - повесть, занимающая в Библии всего 14 стихов.

Выигрыш от мужественной позиции поэта не подлежит обсуждению: выиграна была свобода. Но был и проигрыш, и он до сих пор остается в тени.

Я постараюсь показать, что композиционная неуравновешенность и лексико-грамматический промискуитет были реальными, а не вымышленными недостатками раннего Бродского и что они сохранились и впоследствии, частично перейдя в прием. Предвзятая советская критика 60-х - критика нижнего уровня, предшествующая и препятствующая публикациям, - обманулась, увидев в Бродском только эти качества - и проглядев его незаурядный талант. Но обманулся и Бродский, отказавшись учиться у посредственных, уступавших ему дарованием носителей коллективного опыта *русской* культуры слова. Поэт забыл, что и коронованные особы вольны лишь в пределах, положенных им природой. Отвергая устоявшиеся предрассуд-

ки, показывая условность и узость наших представлений и оценок, он не заметил границы, отделяющей условное от безусловного и неизбежного.

Но этого мало. Победительное узаконение Бродским его неумелости вскружило головы десяткам менее одаренных авторов и вызвало к жизни ту энтропийную вакханалию, ту *свободу вольноотпущенничества*, которая так неприятно отличает литературу самиздата.

*

Что же было принесено в жертву высокому вдохновению, царственному жесту и выразительной формальной находке? - ибо и помазанник не может приобретать, не теряя. Первый, тут же являющийся ответ будет такой: инструментовка и пластика русского стиха.

Обе вещи написаны тяжелым, вязким, ничем не замечательным стихом, бедными интонациями и звуками. Тщетно было бы искать в нем мандельштамовских "дуговых растяжек" или его же "виноградного мяса". В особенности это относится к библейской повести.

- 37 В пустыне Исаак и Авраам
четвертый день пешком к пустому месту
идут одни по всем пустым холмам,
что зыблются сродни (под ними) тесту.
Но то песок. Один густой песок.
И в нем - трава (коснись - обрежешь палец),
чей корень - если б был - давно иссох.
- 44 Она бредет с песком, трава-скиталец.
Ее ростки имеют бледный цвет.
И то сказать - откуда брать ей соки?
В ней, как в песке, ни капли влаги нет.
- 48 На вкус она - сродни лесной осоке.

Этот фрагмент кажется мне характерным и, к тому же, удачным. В нем нет явных промахов, откровенных из-

мен художественному чутью. Более того, в нем есть строка-афоризм (ст. 44), которая сама по себе, будучи извлечена из контекста, принадлежит большой поэзии. В остальном эти стихи ничем не возвышаются над привычным, расхожим, доступным уровнем версификации 60-х годов. Словосочетание *бледный цвет* тут же вызывает в памяти одесский вульгаризм *бледный вид*. Краткая форма указательного местоимения *то* в ст. 41 воспринимается не как высокий штиль, а как украинизм. Имеется здесь и типичнейший для поэзии Бродского объект, который может быть назван *наполнителем*: вставка *по всем* в ст. 39; легко видеть, что она лишь дополняет строку до пятистопной, никаких других функций у нее нет; в звуковом отношении она лишняя, в семантическом - мешающая, бессмысленная. Слово *сродни* повторено в этом фрагменте дважды, и это не прием, а свидетельство языковой бедности или глухоты. Бледная, пустынная трава, в которой "ни капли влаги нет", уподобляется лесной (т. е. сочной, в отличие от песчаной) осоке.

Повсюду в библейской повести встречается лексический сор.

- 178 В нем сами буквы больше слова, шире.
"К" с веткой схоже, "у" - еще сильнее.
Лишь "С" и "Т" в другом каком-то мире.
У ветки "К" отростков только два,
182 а ветка "у" - всего с одним суставом.

Препарируется слово *куст*. То, что букв в нем четыре, лишает всякого смысла противопоставление *лишь* в ст. 180: под этим уменьшительным знаком оказалась половина слова. Местоимение *каком-то* - наполнитель. Не лучше обеспечено и наречие *только* в ст. 181: вместе с союзом *а* в ст. 182, оно готовит нас к числу *отростков (суставов)*, большому двух, а получаем мы в итоге один.

Все эти *мелочи* ощутимо снижают художественное впечатление от стихов, причем не только с близких кри-

тику позиций нормального классицизма, но и с позиций абсурдистских (угадываемых в повести). Это *всего лишь* невладение словом. Можно понять, что высокое и мощное вдохновение, сопутствующее эпосу, повелевает молодому поэту не останавливаться, не опускаться до частных столь мизерных. Но когда вещь закончена, она подвергается отделке. Иногда эта неблагодарная работа откладывается на десятилетия (Боратынский, Пастернак). Не она, а ее отсутствие унижает пророческие мгновения творчества, а с ними и самого поэта. Как раз об этом иронически писал Гораций в *Послании к Пизонам*: недостаток отделки, замечает он, римские авторы склонны выдавать за гениальность.

Лексическая и грамматическая невнятица часто проявляется у Бродского в перегруженности отсылочными словами, в основном - местоимениями.

- 531 В самой листве весенней, как всегда,
намного больше солнца, чем должно быть
в июньских листьях - лето здесь видней
вдвойне, - хоть вся трава бледнее летней.
Но там, где тень листвы висит над *ней*,
536 она уж не уступит *той*, последней.

Необходимо не чтение, а анализ, чтобы установить, с чем в этом фрагменте соотнесены выделенные курсивом* наречие и три местоимения. Слова, выделенные жирным шрифтом*, - как и выше, наполнители, служащие стихотворному размеру, а не поэзии и смыслу. Освободившись от них, получаем: "В весенней листве солнца больше, чем в июньской - лето здесь видней вдвойне, - хотя трава бледнее летней". Синтаксически, в сохраненной нами основной пунктуации источника, мы имеем: лето видней в

* Курсив и жирный шрифт в стихах всюду введены мною. - Ю. К.

летней (июньской) листве, чем в весенней. Поскольку поверить в такого рода банальность нельзя, мы отыскиваем противопоставление, начинающееся с *хоть*, и догадываемся, что поэт заблудился в им же созданном лабиринте, сказал нечто противоположное тому, что хотел сказать. Мы не придирчивы и готовы принять отселектированную мысль поэта как метафору: пусть в весенней листве лето видней, чем в летней. Но почему - вдвойне, а не, скажем, втройне? Ни фотоактинометрия, ни поэзия (всегда исходящая из ритма и звука) не свидетельствуют в пользу выбранного поэтом слова. Слово это можно заметить, а можно и вовсе опустить: это ли не унижение поэзии? Тут, трижды споткнувшись, читатель понимает: смысл затемнен не случайно: с комической серьезностью поэт утверждает нечто уж очень приблизительное и поверхностное. Лексический заслон и ложное глубокомыслие потребовались ему неспроста; в этом угрюмом рассуждении нет главного: того, что искупает и обращает в свою служанку любую нелепость: нет вдохновения. Здесь не повторишь вслед за Пушкиным: "Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!"

Сходных неудач в *Исааке и Аврааме* очень много. Природа их понятна: отказавшись соперничать с советскими поэтами* в области словесной акробатики (где поначалу он безусловно оказался бы побежденным), выбрав тему, бесконечно далекую от суетного и сиюминутного, Бродский поставил себе целью говорить с *важной простотой*. Но мир молодого поэта был сложен, и высокая простота ему не давалась. Возник порочный круг, полностью не изжитый по сей день.

*

* Вероятно, их Бродский называет "звонкоголосой падалью" (*Разговор с небожителем*).

Последний цитированный фрагмент подводит нас к композиционному вопросу. Неряшливость композиции - вторая жертва, принесенная Бродским его находке. Библейская повесть насыщена отступлениями, долженствующими показать мощную игру воображения поэта и его свободу в обращении с любым оказавшимся в поле его зрения (в потоке сознания) материалом. Отступления, по замыслу, могут и должны быть причудливы, почти дики: поэт повелевает пространству и времени, и никто ему не судья. В этом пафос композиционных вольностей Бродского. Таков замысел, уже сам по себе изобличающий талант. На мой взгляд, в целом он удался, - поэтому оба стихотворения и живы, и можно говорить о находке. В частности же, в деталях, между замыслом и исполнением обнаруживается все тот же недостаток поэтического мастерства.

В самом начале повести, прервав рассказ, поэт читателя к разбору той трансформации, которую претерпевают в русском произношении имена библейских праотцев: Исак вместо Исаака, Абрам вместо Авраама. Ход этот неожиданен и остр, на мгновение он придает вещи стереоскопичность, сообщает читателю чувство пространства. Но глубина перспективы тут же скрадывается тенью недомыслия или ошибки. Поэт говорит: "По-русски Исаак теряет звук..."; "Авраам... он утратил гласный звук и странно изменился шум согласной". Тут немедленно возникает вопрос о точке отсчета. По отношению к чему звук изменился или утрачен? В библейском написании и произношении имен праотцев удвоенной гласной нет. Согласная, при переходе в европейские языки, изменяется в первом из них не менее сильно, чем во втором. Мне возразят, что все это не важно, поскольку поэт пишет по-русски. Но в том-то и дело, что обе интересующие его формы каждого из имен - краткая и полная - в одинаковой мере русские. Бродский сталкивает различные пласты одного языка, полагая, что противопоставляет родное иноязычному. Как только все это осознано (а читательское восприятие берет такие

промахи мгновенно, не доводя их до слов), впечатление меркнет, и весь фрагмент выпадает из текста повести, становясь ложным и надуманным.

Дважды в повести возникает видение горы с водами у ее подножья. Любая привязка этих фрагментов к тексту повести будет спекулятивной: они и впрямь *независимы*: не служат сюжету (хотя, конечно, апологет всегда может сказать, что они служат художественному впечатлению). Первый фрагмент возник, по всей видимости, помимо авторской воли: как выброс в стохастическом процессе (потоке сознания); всякая творческая мысль по временам буксует, нуждается в отдыхе. Второй фрагмент сознательно введен в текст *как лексическое*, по принципу рефрена, *оправдание* первого, спонтанного. В отличие от, скажем, Пушкина, чьи отступления всегда объявлены (часто вместе с вызвавшими их человеческими побуждениями: усталостью, и т. п.), Бродский маскирует природу своих отступлений, заставляя читательское воображение работать с удвоенной силой там, где его собственное отдыхает. Это типичный авангардистский прием. Он характерен и для последующих стихов Бродского и всегда преследует две цели: во-первых, спрятать умственную лень, (авангардистскую) расслабленность под покровом мнимого глубокомыслия; во-вторых, указать читателю его место. При всем отличии от советской установки на примитивизацию, прием этот *в точности так же* унижает читателя, исключает его соучастие в творчестве, его конечное (как сказала бы Цветаева) равенство с поэтом. Внутренний же смысл этого приема в том, что поэт говорит: "я не хочу" там, где ему следовало бы признать: "я не умею".

Еще одно отступление начинается вызывающей строчкой: "По сути дела куст похож на все..." Затем следует ряд сопоставлений, где на одно приемлемое приходится два притянутых, прикидочных. Здесь у Бродского сталкиваются родственные несовместимости: *свобода* и *произвол*. *Куст* - важнейший, ключевой смысл повести (в сновидении Исаака вызывающий образ жертвенного костра) - обстав-

лен громоздкими приблизительностями, окружен ворохом лексического сора.

В изображении кульминации (несостоявшегося заклания Исаака) Бродский во многом отступает от библейского рассказа, но верен ему в главном: о переживаниях героев, об их обоюдном ужасе не сказано ни слова. За кульминацией явственно следует спад. Внешняя тема, служившая рельсами повествованию, исчерпана: внутренняя, связанная с формальным заданием, продолжает развиваться, но вяло, инерционно. Ст. 429 в описании становища - "Здесь все полно щелей, просветов, трещин..." - заканчивается словом совершенно неподходящим: ни дощатых, ни каменных строений у кочевников нет. Чувствуя потребность искупить фальшивую ноту, Бродский не убирает лишнее (как поступил бы поэт более опытный), но, повинувшись потоку сознания, добавляет лишнее - вводит в текст рассуждение о доске (ст. 430-462):

430 Никто не знает трещин, как доска
 (любых пород - из самых прочных, лучших, -
 пускай она толста, длинна, узка)...

Это самое неудачное отступление в повести. Оно лишь усугубляет неловкость за поэта от случайно, едва ли не ради рифмы, оброненного им слова. Поэт не свободен: не в должной мере владеет повествованием - и пытается затушевать это невладение произволом.

Большая элегия написана ровнее, увереннее, чем *Исаак и Авраам*^{*}, но и в ней легко выделить кульминацию, надлом и спад. Открывается элегия мощным (многообещающим) *crescendo*, однако с началом антистрофы (монолог души, ст. 125 и далее) и здесь встречаются те же самые лексические несообразности, что и в библейской по-

^{*} Первую часть элегии как бы предвосхищает ст. 287 из библейской повести: "Уснули все и вся. Покой везде".

вести. Создается впечатление, что основной заряд вдохновения израсходован поэтом на выполнение формального задания. Быть может, поэтому и выводы - промежуточный:

128 ...скорблю в небесной выси
 о том, что создала своим трудом
 тяжелые, как цепи, чувства, мысли...

и заключительный:

200 Ведь если можно с кем-то жизнь делить,
 то кто же с нами нашу смерть разделит?

обманывают наши ожидания, оказываются несоразмерно мелкими.

*

Конечной, неосознанной целью выпячивания недостатков у талантливой писателя может быть только их преодоление. Недостатки преодолеваются у нонконформиста изнутри, не так, как велит школа, и это постижение через отрицание выводит к мастерству другой дорогой. Бродский был поэтом, начиная с первых своих опытов, но мастером он становится не ранее конца 1960-х годов. Свидетельством становления мастерства мне кажутся такие стихотворения как *Подсвечник* (1968), *А. Фролов* (Из школьной антологии, 1969-?) и, в особенности, *Зимним вечером в Ялте* (1969). Любой непредвзятый читатель признает, что стихи эти замечательны. Композиционная расслабленность ушла, лексика очистилась, выразительность достигла подлинных высот. Но, к сожалению, и здесь прослеживаются черты раннего вольноотпущенничества поэта (в дальнейшем вновь усиливающиеся).

Обладание всегда означает одновременно и принадлежность - *поэтому*, уверяет нас автор, "в мошонке" бронзового сатира "зеленеет окись" (*Подсвечник*). Глубокое замечание, вариант вздоха о несовершенстве мира в

духе Марка Аврелия, находит у него выход не в философическую поэзию, а в бытовое острословие. Если бы поэт не настаивал на причинно-следственной связи двух явлений, поручив домысливание воображению читателя, он удержал бы необходимую ему метафорическую терпкость и без налета пошловатой шутки, - но чувство меры изменяет ему.

Далее, превращаясь в основание подсвечника, сатир "затвердел от пейс до гениталий". Неверное падежное окончание (*пейс* вместо *пейсов*) не режет слуха и согласуется с традицией (например, у Блока находим *свеч* вместо *свечей*). Зато двойное упоминание гениталий в коротком (и вовсе не эротическом) стихотворении, пейсы у сатира, всё это - крикливая нарочитость, простительная юноше, но не нужная мастеру.

Героя стихотворения *А. Фролов*

уволили. И, выдавив: "говно!"
он...

Деепричастие и существительное стоят здесь в соседстве столь близком, что кавычки не избавляют нас от картины отталкивающе-натуралистической. Сознательный ли это расчет (что означало бы безвкусицу) или пресловутая авторская глухота, - они в равной мере ставят под сомнение мастерство поэта. Снижение лексики здесь ничем не оправдано.

Два заключительных стиха из *Зимним вечером в Ялте*, мизантропически переиначивающие известный стих Гёте, могут служить еще одним определением искусства:

Остановись, мгновенье! Ты не столь
прекрасно, сколько ты неповторимо.

Но афоризм испорчен звуковой недоброкачеством, дребезжанием. Полное относительное наречие *сколько* стоит здесь вместо требуемой логикой и литературной

нормой его краткой формы *сколь*. Списать его на высокое косноязычье - единственное, на чем можно строить тут апологетику. Мне скажут: сочетание отталкивающих элементов жизненной ситуации провоцирует лирическое *я* героя изъясняться солецизмами. Но непосредственное чувство подсказывает здесь другое: поэт опять, безвольно дополняет строку до пятистопной. Подтверждает это, между прочим, и уже откровенно избыточный повтор местоимения *ты*. В выбранной мною системе отсчета все это остается лишь нехваткой мастерства и равнодушием к слову.

Занявшись композицией, можно заметить, что стихотворения конца 60-х, написанные традиционным белым стихом, выстроены лучше, соразмернее, чем рифмованные стихи того же периода; произвол и экстравагантность обнаруживаются в них реже. И приходится допустить, что поэт легче справляется с материалом, оказывающим меньшее сопротивление.

Читатель спросит: зачем понадобилось это *вылавливание блох* в стихах большого поэта, значения которого критик не оспаривает? Не означает ли это, говоря словами Бродского, что "для меня деревья дороже леса"? Я отвечу, экстраполируя (конечно, на мой лад) уже цитированную тут мысль Бродского: если основной закон искусства - независимость деталей, то основной закон мастерства - пристальное внимание к ним; в искусстве нет мелочей. Это и оправдывает выбранный мною ракурс. Подробный разбор потребовался мне для того, чтобы уяснить (себе и, быть может, кому-либо из тех, от кого я так часто слышал о Бродском: "хорошо, но не до конца") то характерное чувство неудовлетворенности, которое, перемежаясь с восхищением, накапливается у нас при чтении книг поэта.

Разжижение текста

Одной из важных идей русского силлабо-тонического стиха издавна была идея звуковой компактности. Соблюдая правильные метры, большие поэты прошлого стремились скорее втиснуть в стих дополнительный звук, сделать отсутствующий звук подразумеваемым, чем искусственно растянуть (в звуковом отношении) строку за счет вялых, поддающихся устранению звуков: "Ты *дохнёшь* - и двинешь океаны..." (Дмитриев), "В уме губителя теснились *мрачны думы*", "С друзьями *сєднаюсь*..." (Пушкин) и т. п. Конечно, и противоположных примеров имеется достаточно, но тем рельефнее они подчеркивают общую тенденцию.

Вопрос о звуковой компактности встал перед поэтами XVIII-XIX веков и тогда, когда явилась потребность в передаче русским стихом европейских дифтонгов. Ответов опять представлялось два, и распространение у поэтов получил более аскетический из них; писали: Невтон, Австерлиц, Европа и т. п. Позже Пастернак, чьей идеей было заставить работать русские согласные, транскрибировал в переводах из Гете имя Фауста единственно привычным для нас образом, но распорядился им так, что в ямбических стихах мы вынуждены читать его как *Фавст*: "И это Фауст, который говорил..."; "Кто б ни был ты, я, Фауст, не меньше значу...". Для Пастернака это был компромисс. Он видел, что в современном русском языке формы *Фауст*, *Аустерлиц* *Корнуолл*, *Хемингуэй* возобладали, что свойственное этому языку тяготение к избыточности проявляется в фонетике как предпочтение полнозвучия, - но принять этого не хотел: поэтическое мастерство для него было неотделимо от компактности.

Имеется, однако, группа слов, по отношению к которой вопрос о звуковой компактности всегда решался однозначно. Это слова, в которые при небрежном произнесении как бы привносится дополнительный звук, не подразумеваемый этимологией и графикой: октяб'рь, кораб'ль, смыс'л, воп'ль, жиз'нь и т. п. Ни один из признанных

русских поэтов прошлого никогда не предоставлял этому подразумеваемому звуку равноправия с прочими, графически закрепленными; Бродский - в числе первых, кто систематически нарушает это неписаное правило.

Лишь в самых ранних стихах Бродского встречаются примеры *старой* интерпретации слов этой группы:

октябрьский воздух в форточки течет...

Октябрь, октябрь и колотье в боку...

(Шествие, ст. 35 и 50).

В дальнейшем они полностью вытесняются новой, придыхательной формой прочтения:

то в сумме будет воп'ль страшной муки...

(Исаак и Авраам, ст. 513).

Октяб'рь. Море поутру...

Хлопни оземь хвостом, и в морозной

декаб'рьской мгле...

(Конец прекрасной эпохи).

Бродский знает об этом своем новшестве и закрепляет его не только практически, но и декларативно:

О, неизбежность "Ы" в правописаньи "жизни"!

(Часть речи).

В том же ряду стоят такие неправильности, как Марсовое поле, глазунья, царствие теней.

Наконец, характерно обращение Бродского с существительными, имеющими две равноправные формы: на -не и на -ье. Поэзия обыкновенно предпочитает краткий вариант, оставляя долгий прозе. У Бродского частоты их повторения почти одинаковы, отчего кажется, что первых гораздо больше.

Перед нами - еще один вид наполнителей: *фонетический*. В отличие от старых мастеров Бродский, как бы угождая общественному вкусу, канонизирует фонетическую избыточность в стихе.

*

Отказ от звуковой компактности есть шаг к прозе, форма демократизации стиха, идущая от авангардизма. Отказ этот совпадает с тенденцией современного русского языка. Как расценивать этого рода конформизм Бродского - дело вкуса и пристрастия. Консерватору он представляется недостатком: разжижением текста, ни в чем не родственным пленительным воздушным ямам дольника; подобием словесной жвачки. Вероятно, с тем же правом можно увидеть в нем и достоинство.

Говоря же вообще, демократизация, при всей привлекательности этого понятия, не является ни безусловным благом, ни неизбежным путем развития русской поэзии. Часть пути, пройденного в этом направлении (футуристами и обзриутами), во всяком случае оказалась ложной, поставила искусство на грань профанации. Пришлось возвращаться. Наиболее веско свидетельствуют об этом возвращении как раз те из современных поэтов, кто генеалогически связан с футуризмом, среди них - и сам Бродский.

3

Бродский и Брюсов

Если сосредоточиться на внешней стороне дела и задаться вопросом коротко, в одной фразе определить роль, сыгранную Бродским в русской поэзии, то самым

точным будет сказать, что он изменил ее русло^{*}. В этом отношении он подобен Ломоносову, Брюсову, Маяковскому. Роль оды XVIII века в творчестве Бродского отмечена, с Маяковским его сравнивали, - оба сопоставления много дали для понимания Бродского. Остается Брюсов, чье значение спорно (оспаривается), а место - бесспорно: без этого имени истории русской поэзии не написать. Роднит ли что-либо Бродского с Брюсовым, помимо очевидного и страстного волевого порыва - быть, стать во что бы то ни стало?

Оба поэта явились в периоды гнетущего застоя, когда новые языковые пласты и способы виденья мира, сдерживаемые искусственными препонами, искали и не находили возможности осуществиться. Оба - "пророки безвременной весны" (Андрей Белый о Брюсове). Оба проложили дорогу новому в литературе (и своей славе в ней) посредством актов самовыражения, внушенных литературной одаренностью и судьбой, тесно связанных с литературой, но, в собственном смысле слова, не-литературных. Оба в своей человеческой индивидуальности сконцентрировали и удержали представление о начале новых эпох в русской поэзии.

Как и Брюсову, Бродскому противостояло нечто цельное и необозримое: мировоззренческий монолит, уже тронутый эрозией общественного недоверия, но все еще по видимости ненарушимый и - что еще важнее - несущий в себе нерасчлененный запас позитивизма. Смельчак, бросающий вызов всему этому великолепию, должен был ощущать себя разрушителем, негативистом: отсюда - налет демонизма. Добру (добропорядочности) он должен был противопоставить высшее добро (откровение): отсюда надрывная приподнятость, театрализованная поза. Опору он должен был искать в позапрошлой эпохе, в древности. Это - типичная романтическая коллизия поэта и толпы.

^{*} Ибо лишь после суда над Бродским литература сам-издата начала обретать свое лицо и достоинство.

Тема поэта и толпы вечна - или, во всяком случае, очень стара: восходит к библейским пророкам. Именно она провоцировала поэтов уподоблять свою миссию пророческой (а нас - пророков называть поэтами). Но, будучи вечной (древней), тема эта выступает в разные эпохи по-разному. Когда пророк является в атмосфере духовной недостаточности, он часто становится выразителем национального духа при жизни, и коллизии нет. Когда духовная атмосфера насыщена, пророка не слышат, и перед ним две возможности: прямо или косвенно оставить отечество (уйти к иному племени, в себя, к потомкам) или юродствовать перед современниками.

Все три позиции - лидерство, отшельничество, ёрничество - привлекательны для романтически настроенной личности, а потому и устойчивы. В чистом виде они, конечно, никогда не реализуются - и лишь отмечают характерные точки спектра возможностей. Поэт либо сканирует вблизи одной из этих трех луз, либо целенаправленно движется от одной к другой. Если лидерство условно поместить справа, а ёрничество - слева, то, например, Некрасов окажется у правого края спектра, Хлебников - на левом краю, а Боратынский и Тютчев - в центре, в литературной келье. Пушкин последовательно приближался к центру справа, Заболоцкий - слева. Центр притягателен для высокоорганизованной личности, ибо в нем достигается минимум энтропии (романтизма); это место, где можно усовершенствовать плоды любимых дум.

Если держаться этой схемы (ибо это лишь схема), то Бродский, в молодости выхваченный лучом юпитера, оказался в правой части спектра, после чего его начало относить к центру. Молодая либеральная интеллигенция (те, кому сейчас сильно за сорок и кто владел бы русской культурой при естественном ходе событий) среди прочих обольщений оттепели на минуту увлеклась Бродским в середине 60-х годов, но уже к середине следующего десятилетия, с приходом новых людей и тем, она к Бродскому, в целом, охладела, оставив ему узкий кружок пре-

данных почитателей. Сознывая это, а также имея перед глазами тезис "крайности сходятся", тысячекратно обыгранный нашей парадоксальной действительностью, Бродский в своем движении не остановился в центре, но прошел его и оказался в левой части спектра (в известном смысле повторив путь Михаила Кузмина)*. Можно допустить, что в этом своем выборе Бродский, кроме всего прочего, учел и негативный опыт Брюсова. Этот последний, добившись признания, пытался непосредственно удержаться на гребне вознесшей его волны, вблизи правого края спектра. Хорошо известно, что Брюсову это не удалось - и (как отмечалось) не по малости его литературного дара, а по его чисто человеческому малодушию. Как поэт Брюсов оказался на периферии им же возвещенной эпохи.

*

Негативизм, вызов, противостояние - индикаторы таланта, пока поэт молод. Зрелость знаменуется синтезом позитивной мечты, в которой эстетика вбирает в себя этику, философию и религию. Со смертью поэта его мечта обретает законченность и, в большей или меньшей степени, вписывается в национальную и мировую легенду.

Позитивная мечта символиста профанирована им самим в его знаменитой обмолвке: "Я имя новое вписал - Валерий Брюсов..." К счастью, вклад Брюсова в русскую словесность этим не исчерпывается. Но его сегодняшняя периферийность все же как-то связана с этим актом самоутверждения - как и с тем, что лучший творческий период поэта проникнут единственно пафосом негативизма.

Позитивная мечта Бродского (тоже, к счастью) сегодня ясна не до конца и является предметом спора. Но ме-

* Нобелевская премия - логическое завершение этого пути справа налево: круг замкнулся. Как уже было отмечено, статья написана до премии и до снятия цензуры, когда в России Бродского помнили и любили немногие. (1991)

сто, отводимое в ней самоутверждению, поневоле заставляет вспомнить о Брюсове. В одном из своих интервью (1980) Бродский говорит: "Может быть, я пишу стихи лучше, чем другие. Я с этим совершенно согласен. Ибо иначе я этим делом и не занимался бы..."¹. И так, не выявление своей неповторимой индивидуальности, без которой божественное творение не полно; не познание мира и себя в нем; не идеал прекрасных соразмерностей, - а лишь место среди современников побуждает его не оставлять пера. Когда же место (по мысли поэта, первое) завоевано, сферу деятельности можно, в принципе, и поменять: "...мне это [участие в русской литературе], в общем, надоело..."¹. На словах Бродский в точности следует эгоцентрической программе Брюсова, переставшего быть поэтом, едва только его место показалось ему завоеванным бесповоротно. Остается надеяться, что в иерархии высказываний Бродского о себе эти не по возрасту заносчивые слова стоят не так высоко, как аналогичные автохарактеристики Брюсова.

У поэта всегда довольно поводов для мизантропии - *право* же его быть мизантропом можно оспорить не больше, чем вменить ему оптимизм. Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей. Но, презирая человека, и в нем - обывателя, Пушкин не делает исключения ни для себя ("И с отвращением читая жизнь мою..."), ни для поэта вообще в его обыденности ("Среди детей ничтожных мира..."). Иное дело поэт романтический или псевдоромантический. Например, Брюсов: "...никому не сочувствуй, Сам же себя полюби беспредельно...". Легко проверить, что и Бродский столь же эгоцентричен, столь же усиленно твердит о своей исключительности, хотя и в менее откровенной, более изощренной форме. (Подбором цитат это убедительно показывает О. Максимова².) Образ сверхчеловека - от Чайльд Гарольда до Председателя земного шара - сопутствует романтику и псевдоромантику во всех его

превращениях. А сверхчеловеку подобают, конечно, и особые права.

Не обсуждая этической стороны эгоцентризма, посмотрим, чем он может обернуться в эстетике.

В древнюю заповедь презрения к обывателю романтизм внес эпатаж, привкус скандала. Некоторая непоследовательность этой позиции ощущалась уже в прошлом веке). Парадокс состоит в том, что романтический поэт зависит от обывателя больше философического: он находит опору в своем презрении к низшему, нуждается в нем. Всегда спрашивали: отказавшись презирать, не лишится ли поэт темы и голоса?

В начале XX века на смену "тупой черни" явился новый тип сытого обывателя, воспитанный усилиями нескольких поколений романтических поэтов. Этот тип уже находил удовольствие в том, чтобы быть эпатированным, повизгивал при появлении на эстраде желтой кофты, умилялся ругани и плевкам, был счастлив платить и рукоплескать искусству, которого - он это с готовностью признавал - он не понимает. С приходом этого обывателя эпатаж утратил последнюю крупину своего двигательного смысла, устарел. Всякое проявление эпатажа сделалось проявлением слабости поэта, его неуверенности в себе, недостаточности.

В обществе что-то сдвинулось. Между поэтом и читателем установились отношения более уравновешенные. Точнее, обнаружилась тяга к ним, затронувшая не только литературу, но связанная с планетарной демократизацией. (В СССР этот процесс сближения читателя и писателя был искусственно заторможен созданием государственного союза писателей, этакой казенной жреческой касты при национальных святынях.) Различия, которые природа и судьба положили между людьми, еще недавно питавшие гордость избранников, - эти различия подчеркивать стало неловко, даже стыдно.

Чрезвычайно характерно, что Бродский, с его интересом к англоязычным поэтам, уловил эту тенденцию в За-

падном мире, однако цитируя антиромантическую, в духе позднего Льва Толстого, мысль Р. Фроста: "Сказать, что я поэт, значит сказать, что я хороший человек"¹, - на себя ее распространяет лишь декларативно. Пропастью между автором и читателем он дорожит, как истинный романтик - или как человек, воспитанный советским типом этих взаимоотношений.

Но почти одновременно с дерзающим буржуа на культурную сцену выступили и "поклонники Урании холодной". В прошлом естествоиспытателей было не больше, чем поэтов, те и другие священнодействовали вдали от черни - и друг друга, в общем, не замечали. Теперь их интересы, вытекающие из их претензий на внимание и ласку общества, а значит - и на средства обывателя, столкнулись, и поэтов потеснили. Утвердилась даже мысль, что лучшие умы в каждом поколении уходят не в изящную словесность, как многие думали прежде, а в математику и физику. Поэтам поставили на вид, что есть и другие области, где люди сподабливаются благодати, заглядывают в трансцендентальное, в метафизические бездны. Интересно, что сами ученые в эту романтическую пору науки повели себя в точности так же, как романтические поэты: объявили обывателями всех, кроме себя. В очень умеренной форме это отношение зафиксировал один из величайших математиков XX столетия Давид Гильберт. "Этот, - сказал он об одном из своих учеников, - стал поэтом: для математика у него не доставало воображения...". Так романтизму в поэзии было воздано его же монетой. Когда страсти несколько улеглись, оказалось, что любой эпатаж - обратная сторона все той же мещанской банальности. Более того: в презрительном нежелании понять другого, пусть *низшего* (и даже в первую очередь *низшего*), почудилось нечто от безнравственности, родственной расовому (или, если угодно, классовому) антагонизму. Явилась мысль, что избранничество увеличивает обязанности, а отнюдь не права помазанника.

К сожалению, потребность в эпатаже у Бродского с

годами не ослабевает. Стихи от этого только проигрывают, ибо они, в своем замысле и высшем проявлении, всегда - "разговор с небожителем". Ранняя формула Бродского:

Обычно тот, кто плюет на Бога,
плюет сначала на человека.

допускает прочтение в обратном порядке - и предписывает незавидное место поэту, черпающему от презрения; по существу, она уравнивает его с его же гонителями.

Брюсов в конце жизни делает неуверенную попытку превратиться из сверхчеловека в человека, и это оказавшееся непомерным для него нравственное усилие - единственное, в чем он (пока) оказывается выше и современнее своего более одаренного потомка.

*

Заканчивая сопоставление, отметим очевидное: *как поэты* Брюсов и Бродский очень непохожи друг на друга. Родство их косвенное: первый был назван (Б. Садовским) "старшим братом русского футуризма", второй представляется мне младшим братом того же течения: он экстраполировал присущие последнему принципы в эпоху постмодернизма.

Но все же одно почти текстуальное совпадение должно быть отмечено. Многократно высмеянный стих Брюсова "Вперед, мечта, мой верный вол!" находит себе точную параллель у Бродского:

Тихотворение мое, мое немое,
однако, тяглое - на страх поводьям...

Обе поэтические декларации в равной мере серьезные и говорят о родстве творческих методов. И оба поэта по праву заслужили эпитет, который Фет некогда с поклоном адресовал Льву Толстому: оба они - *жестоковейшие*.

И Брюсова, и Бродского при жизни сравнивали с Пушкиным. Между тем Пушкин вовсе не изменил, подобно им, течения русской поэзии: он *всего лишь* пересоздал ее. Поэтому в обоих случаях сравнение уместно, если говорить о внешнем: о впечатлении, произведенном поэтами на умы наиболее деятельных своих современников. Пушкин, Брюсов и Бродский - хоть и не в равной мере, - эпонимы. Среди причин, мешающих более тесному родству этих троих, не на последнем месте и та, что и Брюсов, и Бродский (пока, в предложенном выше смысле) остаются на романтических котурнах, наоборот, весь Пушкин может быть определен и понят как уход от романтизма, как поиск и обретение простоты и естественности.

4

Акмеизм и футуризм

Талант, дерзость (как следствие осознания своей высокой предназначенности), гонения и напутствующее благословение Ахматовой - положили начало ранней известности Бродского. Однако роль Ахматовой в судьбе Бродского далеко не исчерпывается признанием за ним дара, посвящением его в поэты. В последние годы поэтесса* не скупилась на похвалы и отличила многих, - важнее, что сам Бродский понял значение Ахматовой и усвоил преподанные ею уроки. Сделать это было не со-

* Я не вижу большого смысла в конвенции, предписывающей называть выдающихся поэтесс поэтами. Такого рода бытовая аксиология ничего не прибавляет к стихам, не к месту там, где оценки произнесены и устоялись. В наши дни она больше служит окололитературному острословию ("поэтесса - жена поэта" и т. п.), чем пониманию, - а потому и не нужна.

всем просто: в начале 60-х отношение к Ахматовой на родине было двойственным. Лишь меньшинство понимало ее значение, большинство же, притом не только пошлое большинство, относилось к ней скептически, а то и иронически (например, Т. Костина³ вспоминает насмешливые стихи В. Сосноры, адресованные, по ее мнению, Ахматовой). Многим казалось, что и духовность, и эстетика Ахматовой безнадежно устарели. Так думала в последний год своей жизни и Марина Цветаева⁴.

Будь Россия в начале наших 60-х обычной страной, передача эстафетного факела от Ахматовой к Бродскому едва ли могла бы состояться. Поэты слишком непохожи. Их свели и подружили гонения, неприятие режима. В свободной литературе они оказались бы в разных эстетических лагерях: Ахматова - в консервативном, где классицизм настолько нормален, что им никто не может быть заражен; Бродский - с авангардистами разных оттенков: футуристами, обэриутами, абсурдистами. Ахматова предстала Бродскому как живое воплощение достижений петербургской поэтической школы, строгой и сдержанной по тону, интенсивной и интровертивной, - и этим неблизкой экстенсивному, экстравертивному дарованию Бродского, с его тягой к эпосу и рассказу, к словесной избыточности, к эстраде. Самые ранние стихи Бродского не обнаруживают никаких следов акмеистического влияния. Зато последующее своеобразие поэта во многом определилось именно этим терпким смешением петербургского (акмеистического) и московского (футуристического) начал в его творчестве.

Небывалые гонения на поэзию и поэтов в первой половине XX века, казалось, специально явились для подтверждения модернистской концепции о сверхчеловеческом назначении поэта. Поэт - либо бог, либо уж прокляженный, *tertium non datur*, - но в том и в другом случае за ним неотъемлемо сохраняется врожденное право одновременно эксплуатировать и презирать обывателя. Этот несколько преувеличенный строй мыслей был не вовсе

чужд Ахматовой, которая, вдобавок, всею своей позицией и судьбой ненамеренно акцентировала в нем идею национального служения поэта и национальной же признательности ему соотечественников. Весь этот комплекс мыслей, вместе с царственной свободой в творчестве, она и передала Бродскому. Ученика, в большей мере готового к восприятию этих истин, нельзя было бы пожелать. Если Ахматова была связана с эпохой модернизма лишь исторически ("младенчески"), то аналогичная связь у Бродского оказалась кровной, заложенной в самой природе его дарований.

Корни модернизма уходят в романтизм; идея жреца искусства, сверхчеловека, вознесенного над толпой и чуждого земного, есть преломление идеи благородного разбойника. Авангардизм - вторая производная от романтизма, его рахитичный внук. Прозренческие порывы модернизма он обращает в карикатуру, его трагедию - в фарс. Если модернизм, в пылу своих человеколюбивых обольщений, имел в виду поставить искусство над прочими человеческими ценностями, возвести его (а с ним и художника) в достоинство языческого божества, то авангардизм попросту отбрасывает гуманитарную сущность породивших его течений. Культ сильных чувств он превращает в культ насилия, сильные чувства - в их имитацию, жажду обновления - в жажду извращения.

Бродский слишком талантлив, чтобы быть авангардистом вполне, но ностальгическая приверженность авангардизму многообразно проступает в его стихах. Одно из свидетельств тому - особая роль, отводимая им сильным переживаниям.

Ты, несомненно, простишь мне этот
гаерский тон. Это - лучший метод
сильные чувства спасти от массы
слабых. Греческий принцип маски
снова в ходу

Или:

Однако, человек, майне либен геррен,
настолько в сильных чувствах не уверен,
что постоянно лжет, как сивый мерин,
но, словно Гёте, маху не дает.

Человеку, вообще говоря, нет нужды педантично классифицировать чувства на сильные и слабые, да еще спасать первые от вторых: он отдаст естественную дань тем и другим. Не станет он и "жлобиться о Господе": к Богу, если он верит, он обратится с молитвой. Ждать от поэта чувств нечеловеческой силы - салонная пошлость, обывательское недоумение. Поэт - человек, именно поэтому "от поэта не требуется исключительных переживаний" (Мандельштам⁵).

Совсем иное дело сверхчеловек. Слабое у него должно быть исключено как неподобающее: отсюда маска и котурны, "гаерский тон", ёрничество, гипертрофированная ироничность. Всё это - способы возвыситься над человеком. Всяк, кто не поэт, - обыватель, а обыватель *всё равно не поймет*, он не понимает поэта, по определению, - не лучше ли сразу говорить с ним свысока?

Ахматова ответила на этот вопрос отрицательно; в стихах - она беседует с равным и просто не знает о существовании обывателя. Наоборот, Бродский - нуждается в *своем* обывателе, помнит и заботится о нем постоянно. (Чтобы не ходить далеко за примерами, возьмем конструкцию "лжет, как сивый мерин" в последнем цитированном фрагменте; это типичная авангардистская манерность: стравливание лексик; поэт, дорожащий естественностью, не поддразнивающий все время кого-то (на деле - себя), сказал бы: "врёт, как сивый мерин".)

Бродский говорит о своих стихах: "Вы проще горьких дум моих..." Общая для всех живущих невозможность полного самовыражения, понятая поэтом как его личная и абсолютно уникальная трагедия, провоцирует попытки Бродского встать над человеком и природой, пренебречь естественным. История знает бесчисленные примеры таких

попыток. И давно отмечено, что в них - в разных пропорциях - всегда присутствует и гордый вызов провидению, и подвиг Герострата.

Связь Бродского с футуристами, с Маяковским отмечалась неоднократно. Так, В. Полухина пишет: "Однородность грамматических структур указывает на то, что у Бродского больше стилистических сходжений с футуристами, чем с акмеистами. Л. Лосев объяснил некоторые общие черты стиля Бродского с Маяковским, в частности, смешение высокого и низкого, общей жанровой генетикой - ода 18 века - и тем фактом, что их поэзия рассчитана на произнесение..."⁶

Здесь мне кажется уместным добавить следующее. Стихи, рассчитанные на произнесение, пишутся, как правило, за столом, *сочиняются* и конструируются; это, по выражению Ю. Карабчиевского, "сугубо бумажная работа"⁷. ("Трудом и потом пахнут его [Маяковского] строки, потом автора и потом читателя..."⁷) Ничего не зная о внутреннем творческом методе Бродского, я, исходя из слов Полухиной, решаюсь думать, что и большинство стихов Бродского написано за столом, а не с *голоса*, как, например, у Ахматовой, которой перо и бумага вообще не требовались.

Конечно, в противопоставлении этих двух способов поэтической работы имеется некоторая условность. *Голос* может быть вызван и человеком, заранее приготовившимся писать. Так создавал свои большие вещи Пушкин, так (в последние годы жизни) работал Блок. Так пишут в большинстве своем и советские поэты-профессионалы. Но направление начального импульса - от человека или к человеку - не кажется мне безразличным. В XX веке в России величайшие поэты-лирики чаще всего не вызывали Камену усилием воли, а *подчинялись* ей. Следствием этой страдательной позиции, закрепленным в стихах, являются

естественность дыхания, доверительность интонации, "магия простой человеческой речи" (Карабчиевский⁷), - а затем и то, что стихи, созданные таким образом, легко запоминаются, реализуясь в качестве общего (не кастового) достояния, становясь объектом сочувствия и сопереживания.

Как и стихи Маяковского, стихи Бродского (с известными исключениями) не только не запоминаются сами собою, но часто и не могут быть прочитаны (а тем более произнесены вслух) с первой попытки. Им нужен зал, а не собеседник. Возникает вопрос: можно ли считать такого рода стихи лирикой, а Бродского - лирическим поэтом? Или: что в большей мере мешает лиризму в стихах Бродского: эпический ли по преимуществу склад его дарования - или идущая от футуристов головизна, механистичность, надуманность и ложный конструктивный пыл?

Мандельштам полагал, что "нет лирики без диалога"⁵.

5

Эротика, poésie maternelle

Одним из важных движущих начал поэзии Бродского была и остается эротика. Она нигде не является самоцелью, нигде не выступает независимо, но присутствует почти всюду. Знаки этого присутствия наглядно изменяются во времени. Эротичность ранних стихов Бродского опосредована: дана в таинственных недосказанностях (приводящих на ум южноиспанскую народную лирику), в по видимости незначащих деталях и неясных отсылках, сообщающих тексту специфическую окрашенность, - иначе говоря, дана традиционно. Лишь изредка она предстает в картинах:

Мой перевернутый лес, воздавая вполне
должное мне, вовне шарит рукой на дне.

Лодка, плывущая посуху, подскакивает на волне.
В деревянном окне деревьев больше вдвойне.

(1964)

В этой сцене нет ослепительной высоты любовной лирики Пушкина или Тютчева, но нет в ней и скабрёзности. Ренановская чувственность, лишь подчеркнутая недосказанностью, соседствует и уживается здесь с целомудрием, образная приземленность - с изяществом и легкостью.

С конца 60-х годов (т. е., по нашей шкале, с приходом мастерства) эротичность Бродского становится навязчивой и, по большей части, отталкивающе натуралистической.

...Красавице платье задрал,
видишь то, что искал, а не новые дивные дивы...

(1969)

...шпилей - что задранных ног...
да и сам ты хорош со своим минаретом стоячим.

(1967-70)

...и пустота, благоухая мылом,
ползла в нее еще через одно
отверстие, знакомящее с миром.

(1970)

...припахивавший потом
ключ, подходящий к множеству дверей,
ошеломленный первым поворотом.

(1970)

подавальщица в кофточке из батиста
перебирает ногами, снятыми с плеч
местного футболиста.

(1971)

...в награду мне за такие речи
своих ног никто не кладет на плечи.

(1971)

Знаменательно, что О. Максимова, принадлежавшая к кругу почитателей Бродского (она уверенно называет его "крупнейшим из ныне живущих русских поэтов"²), человек, для которого, по ее собственным словам, поэзия - "хлеб и воздух"², находит подобные стихи низкими. В том же смысле пишет о Бродском и Т. Костина³, противопоставляющая ему другого поэта. Обе эти статьи относятся к 1980-м годам; время оглядеться было. Поскольку и в устных высказываниях того же рода недостатка нет, то можно допустить, что сходным образом понимает сексуальные эскапады Бродского среднестатистический современный читатель русской поэзии, - не приспособленец и недоучка, а тот особенный читатель, подобного которому нет ни в одной из европейской культур; читатель, ищущий у поэта разрешения мировых вопросов. Возможно, именно его равнодушием объясняется количественная недостаточность серьезной литературной критики на Бродского.

Но, быть может, все мы попросту немножко ханжи и филистеры? Намек на такой ответ можно угадать в *апологетике* М. Крепса: "К сочетанию философского и сексуального русский читатель не был подготовлен и не мог понять смысл такого сочетания..."* Нам, стало быть, говорят, что мы и тут отстали от Запада, чего-то не прочли и не додумали, несовременны, - потому и находим безвкусицей, например, строку "красавица, с которой не ляжешь". (Отвлекаясь на минуту, замечу, что мысль о нашей эстетической и сексуальной отсталости кажется мне родственной другой, столь же непосредственной мысли: будто бы русские поэты потому лишь все еще сохраняют верность рифмам, строфике и традиционной метрике, что

* Цитирую по статье О. Максимовой: см. прим. 2.

не достаточно искушены, не знакомы с современными достижениями поэзии западной.)

Но возможен и другой подход. Вообразим на минуту европейски образованного мусульманина, воспитанного, однако же, на арабской классической поэзии с ее культом красноречия, гордости, мудрости. Рассказ Тургенева *Муму*, где герои - *немой раб* и *пес*, может навсегда внушить ему пренебрежительно-покровительственное отношение к русской литературе. (Этот пример заимствован мною из романа С. Липкина⁸.) Конфуцианец, окончивший Сорбонну, отдав должное мастерству Шекспира, возможно, поморщится от истории Ромео и Джульетты. Не следует ли теперь допустить, что и у русского читателя, тоже европейски образованного человека и притом западника, все же имеется и всегда будет иметься нечто безраздельно свое, препятствующее его полной идентификации с читателем, скажем, английским?

Если верить М. Крепсу, по той же причине (по нашей неподготовленности) не принимаем мы и другой новации - "сниженного словаря" Бродского, т. е. мата, косвенно связанного с эротикой, прямо же, насколько я вижу, выражающего лишь то, что он выражает всегда: грубость и цинизм. В снижении словаря М. Крепс не шутя видит серьезное достижение новой поэзии. В действительности, кажется, речь здесь идет о другом. Быть может, не сознавая этого, М. Крепс ставит вопрос о взаимоотношении человеческого и творческого начал в поэте - и решает его в духе авангардизма: в том смысле, что поэт - всегда и только поэт.

Мат одинаково не нов и для читающей, и для пишущей России. И было бы ошибкой думать, что Пушкин и Вяземский, у которых их *poésie maternelle* осталась на периферии творчества, не поднявшись над уровнем бытовой шутки, были несвободны в выборе средств самовыражения, стеснены великосветской чернью, красневшей при упоминании И. С. Баркова. Нет, просто они не уплощали жизни с ее естественной иерархией уровней, в том числе -

языковых, не усматривали философичности в пространственно-временном совмещении всех человеческих отправления, не смешивали поэта и человека. Им не приходило в голову выдавать за пророческие все без разбора мгновения своей жизни. Они не поэтизировали низости.

Понимание этих простых истин всегда присутствовало в русской поэзии, авангардизм лишь пошатнул его. Тогда потребовалось напоминание, и его лучше всех сформулировал Ходасевич: "Поэзия не ассортимент красивых слов и галантерейных нежностей. Безобразное, грубое, пошлое суть такие же законные поэтические темы, как и все прочие... Грубость и низость могут быть сюжетами поэзии, но не ее внутренним двигателем, не ее истинным содержанием. Поэт может изображать пошлость, грубость, глупость, но не может становиться их глашатаем..."⁹.

Мне кажется, что Бродский и его эстетические сторонники оказались в нехитром (и очень не новом для России) капкане негативизма: отвергая с порога пошлую, ханжескую, стерилизованную официальную литературу, они не рассчитали порыва и хватили через край, угодив в другую крайность, смыкающуюся с исходной. Незаметно для самих себя они пересекли некую важную естественную грань. Грань эта - в национальном характере, воплотившемся в образной и лексической структуре языка. Представления о высоком и низком уже содержатся в языке, их нельзя отменить с наскоку. Русские уж наверное не целомудреннее англосаксов, но не надо считать их и ханжами. Ведь не случайно и Набоков, одинаково тонко чувствовавший природу обоих языков, счел вульгарной и хотел уничтожить русскую версию своего рассказа *Волшебник* - с тем, чтобы сохранить и опубликовать его английскую версию.

Положим, однако, что национальные характеры меняются, порою и очень быстро; - и русские, преодолев свою вековую отсталость и косную, навязанную идеологией и недомыслием эстетическую парадигму, последуют за своим литературным авангардом, с его натурализмом и

poésie maternelle. Выигрывает ли от этого выразительность и философичность, станет ли хотя бы сексуальнее наша поэзия? Едва ли. Андалусское канте хондо - и сексуальнее, и выразительнее (больше говорит воображению), чем голливудский киноэкран. Пушкинское "Нет, я не дорожу мятежным наслаждением", с его невероятной концовкой, - сексуальнее (и смелее, если допустить, что смелость - достоинство литературное) всех фаллических символов и вскидываний ног в стихах Бродского. Пушкин говорит о вещах, как будто бы невозможных без скабрёзностей, а получается у него - высокая философическая лирика. Сдержанность, одновременно воспетая и продемонстрированная в этом поразительном стихотворении, и по сей день остается художественно более выигрышным средством; она - свидетельство мощи. Наоборот, циничная распущенность, "грязные сексуальные рассуждения"² (так О. Максимова отзывается о пьесе Бродского *Мрамор*) выражают если не самое бессилие, то чувство бессилия автора. В любом случае они не служат воображению; "тут конец перспективы" (Бродский).

Если Бродский и расширяет наши эстетические горизонты, то только не здесь. В сниженной речи и образности проступает только его слабость. С поэтом - конечно, на совершенно другом уровне - происходит в точности то же, что и с подвыпившим мещанином: ему не хватает слов.

Менее всего мне хотелось бы высмеивать стихи. Но внимательный читатель не может не смутиться, прочтя у Бродского:

Для того, на чьи плечи ложится груз,
темноты, жары и - сказать ли - горя...

Груз горя, лежащий на плечи, - всего лишь штамп: отсюда и оговорка "сказать ли". Но, в соседстве стольких

положенных на плечи ног, это - и тут уж ничего не поделать - еще и автопародия. Слово само воздаст насмешнику в конвертируемой валюте.

*

Изменение парадигмы - задача гения. Но как раз тот гений, которому она удастся, редко бывает безупречным мастером. Мастерство можно обнаружить, лишь целиком находясь внутри парадигмы, не чувствуя стесненности ее границами, даже как бы не подозревая о них. Самая мысль о границах уничтожает свободу.

Мастерство предполагает сопротивляемость материала, его жесткие предустановленные свойства. Мера преодоления и выявления этих свойств и есть прямая мера мастерства, а косвенная - таланта и вдохновения. И более того: чем жестче система запретов, навязанных материалом (т. е. природой), тем больше возможностей для выявления мастерства. Архитектор прошлого, не знавший железобетона, не могший варьировать механические свойства своих конструкций, а исходивший только из наличного в данной местности гранита или диабазы, был и свободнее, и искуснее нашего современника, столь часто растерянного и бездуховного. Слова старого реакционера А. С. Шишкова: "Доброта вещества много способствует искусству художника" - звучат удивительно современно.

Наоборот, неопределенность системы запретов, отнесение их в бесконечность - унижают воображение ценителя и отнимают простор у художника. Поэтическая речь есть условность, заключенная в рамки другой условности: народного языка, тоже далеко не исчерпывающего выразительных нужд человека. Это ограда в ограде, цитадель в стенах города. Потребность в ней явилась в связи с запросами духа и воображения. Ее можно заменить, но нельзя отменить или распространить непомерно: это было бы отказом от искусства.

Неточности и темноты

Их либе точность. Я. Их либе ясность.

И. Б.

Упорядоченность текста, его лексическая и семантическая отчетливость есть, быть может, главный пункт, где сталкиваются консервативная и авангардистская эстетики. Выставив свободу словоупотребления как важный организующий принцип, авангардист с легкостью списывает на гениальность то, что консерватору кажется неточностью и неумением, иначе говоря - несвободой. Спору нет, со словом можно, подчас и должно манипулировать с известной раскованностью. Но Слово ведь Бог. Неизвращенная идея консерватизма - противостояние накоплению энтропии, высокая организованность всех связанных с человеком структур. В ней подразумевается неустраняемая иерархия гуманитарных ценностей. Наоборот, авангардизм, с его заманчивой демократичностью, на деле тяготеет к обезличивающей уравниловке.

В стихах Бродского консерватор то и дело сталкивается с непростительной с его (консерватора) точки зрения неряшливостью в обращении со словом, - с тем, что может быть определено как речевой промискуитет.

Начнем с ранних стихов. Вот *Рождественский романс*, заморозивший либеральную интеллигенцию эпохи первой оттепели и ставший чем-то вроде эмблемы Бродского (притом, что и сам Бродский - эмблема, одна из эмблем памятных 60-х). Стихи эти прекрасны и сейчас, поэтому не будем останавливаться на мелочах типа не вполне обеспеченных эпитетов, но возьмем всем запомнившуюся метафору "Плывет... пчелиный рой сомнамбул, пьяниц". Удачна ли она? С точки зрения консерватора - не очень. Быть может, в ходе формирования роя - этой общины домовитых насекомых - и есть момент, когда пчелы подобны

сомнамбулам, но он во всяком случае очень короток (и рой при этом не плывет, а сидит). В литературе же пчела - символ домовитости и трудолюбия, то есть - отрицание сомнамбулы. Поэтому и цепь ассоциаций, вызванных образом, не точна, и сам этот лексически пленительный образ нехорош, ибо семантически приблизителен. Мы не заметили бы этого рассогласования, будь русская поэзия беднее. Но изумительных совпадений, где семантика и лексика, как поставленные друг перед другом зеркала, волшебным образом взаимодействуют, тысячекратно увеличивая пространство, у нас так много, что мы поневоле становимся придиричливы.

В 1962 году, когда был написан *Рождественский романс*, поэту исполнилось лишь 22 года. Почему позже, с высоты последующего писательского опыта, не были им устранены очевидные огрехи в лучших из его ранних вещей? Потому ли, что ошибки диктовал ему тот же гений, что и удачи, - и боязнь прикоснуться к чуду после ухода Камены узаконила в его глазах, возвела в творческий принцип авангардистскую расслабленность (столь чуждую идеалу прекрасных соразмерностей любимого им в ту пору Боратынского*)? Или же потому, что подлинная свобода в обращении со словами так и не пришла? (Второе, заметим, могло бы расцениваться как закономерное следствие первого.)

Уже в 60-е годы обнаруживается необычайная наблюдательность Бродского (свойство, на первый взгляд, в большей мере нужное рассказчику, чем лирику). Он становится известен как мастер броской и выразительной метафоры, сознаёт это свое достоинство и все гуще оснащает

* От редакции: здесь мы пользуемся случаем принести автору наши глубочайшие извинения оплошность, допущенную в публикации статьи Юрия Колкера *Изящные науки* ("Грани" № 156(2), 1990), где фамилия поэта Боратынского была набрана в первом слове через а вместо о, несмотря на настоятельные указания автора. Видимо, отпечатавшиеся в сознании школьные штампы мешают видеть ошибки даже при корректуре.

метафорами свои стихи. Выберем наугад одну из них.

Летает дрозд, как сросшиеся брови.

Увидено это замечательно, а сказано кое-как. Поэт хочет сказать: летающий дрозд напоминает сросшиеся брови; или: летают сросшиеся брови, и это - дрозд. А говорит другое: летает дрозд, как *летают* сросшиеся брови. Подразумеваемый глагол компрометирует метафору. А он по-русски здесь необходимо подразумевается: так построена фраза.

Неточности остаются у Бродского и на чисто синтаксическом уровне.

...Пользуясь впредь глаголом,
созданным смертью, чтоб мы пропажи
не замечали, *кто знает*, даже
сам я считать не начну *едва* ли
будто тебя "умерла" и звали.

Одна из двух выделенных мною групп обесмысливает эту конструкцию, является лишней. Поэт хочет сказать: кто знает, не начну ли и сам я считать...; или: едва ли я и сам не начну считать...; слова *кто знает* и *едва* взаимно исключают друг друга. (Эта ошибка напоминает бессмысленное словосочетание, которое можно прочесть на многих железнодорожных станциях: "Убедись, не идет ли поезд!")

Подлежащее в именительном падеже может соседствовать у Бродского с дополнением в винительном.

Дребезжащий звонок серебристый иней
преобразил в кристалл.

В таких случаях Т. Г. Гнедич обыкновенно спрашивала: "кто кого?" А поскольку образы у Бродского очень часто непрозрачны, семантически нагружены, то и вопрос этот не всякий раз сводится к риторике и дидактике.

Иногда неточности принимают у Бродского форму избыточности (как отмечалось, вообще ему свойственной).

*Только грудa белых тарелок выглядит на плите,
как упавшая пагода в профиль.*

Здесь уже все четыре выделенные мною слова - лишние: *белых* - потому что цвет тарелок достоин упоминания в художественном произведении лишь тогда, когда он отличен от белого; *упавшая* - потому что речь идет о грудe, а не о стопке; *в профиль* - потому что en face (сверху) грудa тарелок не напоминает пагоды; что до *только*, то это обычный для стихов Бродского наполнитель, разжижающий строку.

Не то чтобы так писать стихи было нельзя, - именно так и пишут авторы, безразличные к слову. Прекрасное сравнение затемнено празднословием.

Вот еще несколько примеров.

- (1) Несомненно, прозрачной вещи присуща сила
тяготения вниз, как плотной инертной массе.
- (2) С сильной матовой белизной
в мыслях - суть отражение писчей
гладкой бумаги.
- (3) Мозг чувствует, как башня небоскреба,
в которой не общаются жильцы.
- (4) сумма мелких слагаемых при перемене мест
неузнаваемое нуля.

В (1) "сила тяготения вниз" - сочетание, неуклюжее по форме и едва ли возможное по смыслу. Сила тяготения, поле тяготения - атрибуты тела притягивающего. Если вещи присуще тяготение, то она притягивает *к себе*, тогда как "прозрачная вещь" Бродского испытывает на себе си-

лу тяготения Земли, на что указывает наречие "вниз". В (2) фрагменты фразы, находящиеся справа и слева от тире, грамматически рассогласованы. Поэт хотел сказать: "с белизной, которая есть отражение". Взятое в его глагольном значении, *суть* даёт множественное число от *есть*. Смешение этих форм - совершенно обыкновенная вещь в стихах Бродского. В (3) глагол "чувствует" нуждается по-русски в дополнении, так что перед нами - калька с английского. В (4) "неузнаваемое нуля" стоит вместо "неотличима от нуля", маскируя незамысловатость тропа и не совсем уверенное обращение с языком школьной математики, притянутым красоты ради. Интимное отношение к цифре (узнавание) - побочный, не нужный здесь смысл: лексический сор.

Примеры эти заимствованы уже из зрелого Бродского; они легко могут быть продолжены. Поскольку допустить неграмотность Бродского (и его редакторов: Бродский обычно не сам готовит к печати свои книги) мы не можем, остается предположить *неграмматичность*, намеренную порчу языка. К чему она? Очевидно, поэт верит в особую выразительность сплошной ломки речи, с излишней буквальностью принимает тезис о высоком косноязычьи. Будь перед нами дарование меньшего масштаба, все эти примеры следовало бы признать всего лишь пошлым оригинальничаньем.

В цикле *Post aetatem nostram* Бродский, вместо нужного ему слова, употребляет его антоним: *прописная* (буква) идет у него в значении *строчной**. В самом факте ошибки нет ничего уничижительного; ошибаются все. У Пушкина, например, в первой публикации второй главы "Евгения Онегина" было: "Владимир Ленский, Душой - филистер Геттингенский..." Пушкина поправили, поправился и он ("С душою прямо Геттингенской..."). Бродский

* В точности ту же ошибку делает, между прочим, и Д. Бобышев: см. его книгу "Зияния", 1979.

переиздает свою вещь не исправленной.

Допустим и здесь, что перед нами не ошибки, а нарочитость, продиктованная требованием жанра: *отражать именно поток сознания, фиксировать внимание на процессе, а не на продукте* (я дословно воспроизвожу апологетику, которую мне однажды довелось услышать): что *вульгарный каламбур подразумевает и грамматическую неправильность*. Ничто не мешает признать за этим рассуждением некоторых прав на существование, но поэту оно не льстит. *Продукт*, а не *процесс* интересен читателю, в том числе и *идеальному*. Выставлять процесс - то же, что выставлять свои физиологические наслаждения и кичиться их обилием. Другая неудача - в нежизнеспособности этой апологетики. Подкрепляемый ею литературный троп (*прописная вместо строчной*) лежит за пределами художественного восприятия. Следовательно, для будущих поколений чтение Бродского может превратиться в чтение учебных комментариев к нему. Настораживает и самая формулировка этой апологетики. Мы помним, к каким опустошениям привела *фиксация на процессе, а не на продукте* в области социальной, - не те же ли перспективы открывает перед нами эта программа и в эстетике?

С ударениями Бродский обходится по-пушкински: не стесняясь, перемещает их, когда это ему необходимо. Мне кажется (хотя я и не стал бы на этом настаивать), что в ранних стихах он делает это чаще всего бессознательно, не заботясь (не зная) о литературной норме. Зато в стихах 70-х и 80-х (и это уже наверное) смещения ударений всегда планомерны, подчинены задачам художественности.

Но ударения иногда влияют на падежные окончания. Например, литовская фамилия *Венцлова* имеет ударение на первом слоге и, следовательно, по-русски в мужском роде склоняется. Бродский, в неоднократных посвящениях Томасу Венцлове, оставляет ее в именительном падеже, что сегодня звучит очень дурно. Быть может, поэт возвращает нас в прошлый век, когда в подобных иноязычных именах по-русски часто склонялась лишь его первая

(личная) часть, а вторая (родовая) оставалась без изменений? Или он просто предвосхищает будущий отказ от изменяемых окончаний? Так или иначе, перед нами дополнительный штрих, который бесполезно сопоставить с иронической декларацией Бродского его "слабости к окончаниям падежным". Фактическая небрежность поэта в обращении с *грамматическими* падежами подчеркивает фигуральный (сексуальный) смысл этой "декларации слабости".

Наконец, и поиск метафор заводит Бродского в простейшие логические тупики.

Нет тех объятий, чтоб не разошлись,
как стрелки в полночь.

Спросим: почему "не разошлись", а не - "не сошлись"? Стрелки часов сходятся и расходятся с одинаковой правильностью. В какой системе критериев (в какой логике) не роняет своего достоинства сравнение, которое можно подобным образом инвертировать?

*

Возьмем теперь последнюю* книгу Бродского "Урания" (1987). Обращение к музе астрономии, закрепленное в названии, подразумевает не только холод и блеск, но и занимающую нас точность. (Есть и еще один оттенок у этого названия: Афродита Урания - покровительница идеальной, возвышенной любви, - в отличие от грубой, чувственной). Книга вышла недавно, значит, можно допустить, что вошедшие в нее стихи если не написаны, то просмотрены поэтом в самое последнее время. Быть может, в "Урании" слова сочетаются и взаимодействуют, как небесные светила?

* Напомним, что статья эта написана в 1987 году.

В стихотворении *Осенний крик ястреба* поэт серьезен: он пишет о своей высокой и трагической судьбе. Детали отбираются им сосредоточенно, вписываются отчетливо (что, между прочим, еще и лексически передает атмосферу осени, где "нет эха" и "пахнет апофеозом звука"). Стихи очень выразительны и, по видимости, точны. Но ястреб

парит...

с прижатой к животу плюсною

- когти в кулак, точно пальцы рук - ...

Прижатая к животу *плюсна* физически неосуществима: лапы у птиц в полете вытянуты, продолжают туловище так, что *плюсна* приходится как раз на хвостовое оперенье. Допустим, однако, что это метафора: пусть ястреб парит с подогнутыми коленями. Но колени у птиц подгибаются не вперед, а назад, стало быть плюсну опять не прижать к животу. Отмечаем и это препятствие: пусть - не назад, а вперед; в конце концов, поэт - не биолог. Но тогда вторая (явная) метафора - "когти в кулак" - тотчас отнимает у двух первых право на существование: в кулаке плюсна закрыта пальцами. Итак, элементарная точность принесена в жертву блестящей безделушке: слову *плюсна*. Скажут: критик мелочно придирчив. Но едва ли эти придирки идут дальше придирок современников к графу Хвостову, которого за сходную мелочь, тоже касавшуюся описания птицы, Пушкин нарек *отцом зубастых голубей*.

Ястреб продолжает полет, и

всё, что он видит, - гряды покатых

холмов и серебро реки...

так сказать нельзя. Либо "он видит гряды", либо "всё, что он видит - гряда". Винительный падеж вместо именительного: - опять ли перед нами изощренный художественный прием, подразумеваемый потоком сознания? или еще один

пустяк, который стыдно замечать в прекрасных (действительно прекрасных) стихах? Но пустяки все копятяся...

Вот стихотворение *Пятая годовщина*.

Начала и концы там жизнь от взора прячет.

Покойник там *незрим*, как тот, кто только зачат.

Иначе среди птиц. Но птицы мало значат.

Здесь дано пусть не новое, но очень верное наблюдение: исключая разве лишь поэтов ("птиц"), покойников в России забывают как-то уж очень быстро; но вместо "там не представим (мысленному взору)" или "там не видится (не является в виденьях)", поэт говорит "там незрим", т. е. не говорит ничего: во-первых, потому, что повторяет уже использованный в предыдущем стихе корень, во-вторых, потому, что покойник после погребения обыкновенно незрим всюду.

Показательно, что большинство примеров неточности в обращении со словом я обнаружил в рифмованных, написанных классическими метрами стихах Бродского. Его же слова и просятся здесь в качестве комментария: "Ничто так не демонстрирует слабости поэта, как традиционный стих, и вот почему он повсеместно избегаем..."¹⁰.

*

Этическое значение точности закреплено в хорошо известной пословице. Следуя ей, можно сказать, что когда поэт неточен, он либо невежлив, либо - не монарх (не властен в себе). Но у точности есть и своя эстетика.

Искусство вышло из знака, и его цель - постижение и взаимность. Высокое искусство противостоит времени, устанавливая двустороннее общение предков с потомками, человека с Богом. Точность - один из способов этого противостояния. Египетские пирамиды - почти такими, каковы они сейчас, - видели Александр, Филон, Наполеон. Это не исчерпывает их эстетики, но во многом определяет

ее. Сохранились же эти пентаэдры не благодаря своим колоссальным размерам, а благодаря качеству материала и точности исполнения. Произведение искусства, быстро меняющее свой смысл и облик, теряет в эстетическом достоинстве. Зато и служение высокому искусству означает аскезу.

Наоборот, небрежность в искусстве имеет сиюминутные преимущества, ориентирована на общение с современниками. Вещь, сделанная кое-как, больше привязана к своему времени, потому и способна подчас доставлять более острое непосредственное удовлетворение. Но она и остается в своем времени (как останутся в нем, например, песни В. Высоцкого), и разрушается вместе с ним, как только контекст эпохи уходит в песок. У художника мера небрежности есть мера его ограниченности, проступающая в форме нехватки таланта или в форме душевной лени. Небрежность - союзница энтропии, наперсница авангардизма. Ее логический предел - полный отказ от искусства, доставляющий полное удовлетворение бездарности. Человек с плакатом: "Я - художник!".

Точный смысл многих вполне искренних слов Бродского тот, что *сегодня* не имеет для него никакой цены. Но косвенный довод, следующий из пренебрежительного обхождения со словом, говорит о чем-то противоположном: о страстной привязанности поэта к сиюминутному.

В тех же терминах, в свете пословицы о королевской вежливости, можно попытаться поставить вопрос и о семантической ясности поэтического текста. В связи с Бродским его недавно затронула Т. Костина: "следует ли поэту быть прозрачным или темным, стремиться ли ему к нарочитой усложненности или же к простоте - в чем больше искусства?"³. И далее: "Путь Бродского - дедукция, абстрагирование и обобщение, с высот которых он нисходит (а иногда и не нисходит) в дольний мир... отправная точка -

футуризм, отвлеченное (часто холодное) фантазирование, искусственность, сверхчеловечество..."³. Заметив, что индукция свойственна Бродскому едва ли в меньшей мере, чем дедукция, возьмем отсюда основную мысль: Бродский часто намеренно затемняет свой текст, словно оберегая его от черни (и, добавим, как бы держа в уме *Грифельную оду* Мандельштама). Верный ли это путь? Т. Костина думает, что нет, потому что "реальный читатель (не говоря уже об идеальном) не глупее поэта, не счастливее его, и помыкать им не за что..."³.

Так - с *вежливостью*. Но так же - и с *царственностью*. Владетельной особе незачем говорить загадками с подданными, на *своей территории*; с Богом же это вообще никому не пристало. Темноты служат узурпатору, простительны у гонимого; они свидетельствуют о беспокойстве, замешательстве, смятении (еще раз вспомним Мандельштама), но не о царственности. В ясности - не вежливость, но и достоинство королей.

Но если и впрямь "цель искусства (а, может быть, и жизни) - понять и быть понятым, сочувствие и сопереживание"³ (или, лучше, *постижение и взаимность*), то намеренные темноты не служат и эстетике. В понятие темнот я не включаю, конечно, ни сложности (чувств, мыслей и их выражения), ни таинственности, порою только служащей постижению. Речь идет не о примитивизации, а о естественности. Сложность и тайна неотъемлемо присущи высокой поэзии. Первая предстает в игре ассоциаций, в переливах смысла, в стойких метафорах, в неявных цитатах и отсылках, адресованных искушенному читателю, но не превращающих текст в ребус; вторая - в человечности, ибо всякий человек - уже тайна. Как раз они вместе с ритмической и звуковой организацией (составляющими душу стиха) и делают многоярусной поэзию, скажем, Пушкина или Ахматовой: на первом уровне она доступна (*всегда* была доступна) решительно всем, на втором и последующих - лишь эстетически и духовно одаренным людям. В этом она подобна храму, равно открытому перед нищим и монархом.

Совсем иное дело темноты намеренные. Построенная на них эстетика тоже может быть величественным сооружением, цитаделью духа, однако к храму она будет относиться так же, как марксизм к религии: внешнее подобие, сущностная противоположность. Чтобы в нее проникнуть, необходим пропуск, удостоверяющий принадлежность просителя к узкой, но деятельной касте. Болящие и страждущие останутся за дверью.

Рассмотрим строфу:

Только затканый сплошь паутиной угол имеет право
именоваться прямым. Только услышав "браво",
с полу встает актер. Только найдя опору,
тело способно поднять вселенную на рога.
Только то тело движется, чья нога
перпендикулярна полу.

Это стихи об одиночестве. Поэт говорит: я нуждаюсь в опоре, чтобы распрямиться и двигаться. По смыслу это начало элегии, жалоба, всегда родственная молитве и уже одним этим - духовности, чувство простое и вечное. По форме это головоломка, что немедленно убивает элегию. Простых и одновременно новых слов у поэта не нашлось, и он, имитируя небывалую силу переживания, зашифровал свою жалобу. Попутно он попытался решить еще две задачи: скрыть свое мнимое унижение от одиночества и унижить читателя сложностью своего чувства, тоже - мнимой. Обе решены не вполне. Но одна формальная задача здесь все же решена как следует: здесь умело замаскировано фактическое унижение поэта перед Словом, неспособность говорить естественно о естественном.

"Гаерский тон", дидактика и мегалоконструкции, включающие иногда по несколько строф, чаще всего скрывают у Бродского *боязнь высоты*. Высокое ближе всего к смешному, легче всего высмеивается (отсюда неизбывный страх поэтов перед конкретным слушателем из эпохи, о чем писал Мандельштам). Для поэта, неуверенного в себе,

морально комфортабельной становится позиция отстраненно-ироническая, ёрническая, где он почти неуязвим для критики. Когда в его стихах промелькнет странность, напоминающая глупость или пошлость (например, "теснится грудь от старческих морщин"), сочувствующий читатель подумает: это он не вполне всерьез. На первый взгляд, такой подход выгоден и творчески, ибо позволяет безбоязненно испытывать любые, в том числе и абсолютно запретные, с точки зрения хорошего вкуса, средства. Фактически же это тупик: поэту все равно приходится быть альпинистом, а высота означает открытость, незащищенность, риск. Да и хороший вкус - не салонная выдумка, а реальность, выражающая народную душу.

Рассмотрим пример.

Число твоих любовников, Мари,
превысило собою цифру три,
четыре, десять, двадцать, двадцать пять.

Анонимный автор из СССР, указав, что на первый взгляд эти стихи выглядят "варварской чушью", тут же объясняет нам, что они таковы по замыслу: в них "читающий россиянин видит себя в словесном зеркале"¹¹. Весьма вероятно, что он прав; во всяком случае, я не вижу другого способа оправдать "число, превышающее цифру". Но не "читающий россиянин", а поэт завел речь о любовных связях Марии Стюарт, и "варварская чушь" потребовалась ему, поэту, для того, чтобы скрыть его неприкрытый интерес к этой скомпрометированной теме - и таким образом избежать насмешки. Действительно, тема не могла быть подана по-старому, предполагала известное душевное напряжение. Задавшись ею, поэт должен был бы привести в движение, заставить работать свое нравственное и эстетическое чувство, - но поленился, предложив нам вместо этого "словесное зеркало".

В качестве примера мегалоконструкции возьмем часть фразы из стихотворения *Памяти Т. Б.*

10

мучить нас тайной, чья сложность либо
 усугубляет страданье (ибо
 повод к разлуке важней разлуки),
 либо она облегчает муки
 при детективном, душевном складе;
 даже пускай ты старалась ради

11

этих последних, затем, что все же,
 их большинство, все равно похоже,
 что и для них, чьи глаза от плача
 ты пожелала сберечь, задача
 неразрешима; ...

Постараемся максимально упростить это построение,
 чтобы выделить основную авторскую мысль.
 Парафраз [1]:

ты едва ли хотела мучить нас тайной,
 сложность которой
 - либо усиливает страдание (от потери),
 - либо (при некотором условии) облегчает муки;

Парафраз [2]:

даже пускай ты старалась ради этих последних,
 но и для них, кого ты хотела избавить от слез,
 (некая) задача - неразрешима.

Конструкция в Пар. [1] надуманна, но не бессмысленна.
 Педант отметит, что *тайна* представляется обыкновенно
 чем-то целостным, а никак не сложным, т. е. составным
 или трудным; что два слова (*страдание* и *муки*) для обо-
 значения одного и того же - избыточность, не мотивиро-

ванная художественностью; и что она в ст. 58 - наполнитель; но мы устали быть педантами - и не видим этого. Пар. [2] выдвигает три вопроса: кто такие эти *последние*? о каком старании идет речь? и состоит ли *неразрешимая задача* в разгадке тайны или в предотвращении слез? Исходя из грамматики, ни на один из этих вопросов нельзя ответить определенно. Мы, однако, идем навстречу поэту и готовы принять, что *последние* - это не муки, а люди: те, на кого распространяется условие Пар. [1], кому сложностью тайны облегчены муки. Но слова *даже пускай ты старалась* могут быть только антитезой к словам *ты едва ль хотела*. Тогда выходит: "ты хотела мучить нас тайной ради тех, для кого сложность тайны служит облегчением и кого ты хотела избавить от слез". Чтобы снять бессмыслицу, приходится допустить, что нас не распространяется на *последних*. Это крайне затруднительно, ибо *последних* (если речь идет о людях) - как раз *большинство* из нас, - но примем и это, руководствуясь здравым смыслом и толерантностью. Но и упомянутые качества пасуют перед третьим вопросом: *какая задача?*

Закончив разбор, читатель видит, что игра не стоила свеч. Вычлененная мысль незначительна и незамысловата. Метафор и других тропов нет, звук беден, следовательно, вся художественность этого текста - в его намеренной затемненности (и в иронической максиме *повод к разлуке важнее разлуки*, не служащей повествованию). Не мало ли для двенадцати стихов? Не о таких ли стихах сказано: поэты мутят свою воду, чтобы она казалась глубже? Насмешка, которой так страшится Бродский, всеми способами избегая простоты, подстерегает его у другого выхода.

Скажут: критик раболепствует перед синтаксисом, не разглядел *гераклитовой метафоры*, где семантические элементы и не должны создавать статической нерархии, и т. п. Может быть, все это и верно. Но признаюсь: моя читательская мысль двигалась в противоположном направлении: не найдя поэзии, она кинулась искать *хотя бы* семантической стройности.

Дидактика и риторика также выступают у Бродского как форма избыточности и, в конечном счете, затемнения простых мыслей.

Воздух живет той жизнью, которой нам не дано
уразуметь - живет своей голубою,
ветренной жизнью, начинаясь над головою
и нигде не кончаясь.

Но, пока, существует обувь, есть
то, где можно стоять, поверхность,
суша.

Есть истинно духовные задачи.

Чем можно искупить комическую серьезность, скажем, последней сентенции? Только паясничаньем. Что мы и находим несколькими стихами ранее: "Их либе ясность. Я. Их либе точность". Но, кажется, здесь, говоря о духовных задачах, поэт, наконец, серьезен; он продолжает: "А мистика есть признак неудачи в попытке с ними справиться...". Это настолько верно (и так серьезно), что возникает искушение продолжить мысль автора путем распространительного толкования слова *мистика*: умышленные темноты (литературная мистика) часто являются признаком неудачи в попытке одушевить слово.

7

(Новое платье короля)

*Everybody knows that for about twenty years
the most important living Russian poet has
been Joseph Brodsky.*

TLS 12

Мысль о том, что Бродский - крупнейший из ныне живущих русских поэтов, не встречает у меня серьезных воз-

ражений. Наоборот, она кажется мне правдоподобной*. Но практически в ней содержатся два суждения, из которых второе часто подменяют первым. Согласно первому, Бродский - *талантливейший* поэт современности, *гений*; согласно второму, он величайший *мастер* поэтического слова. Первое суждение для меня столь же приемлемо, как и исходная мысль. Второе, по моему убеждению, должно быть отстранено как полностью безосновательное.

Словесная недостаточность, отсутствие свободы в обращении со словом, насилие над словом в духе орвелловской новоречи - обнаруживаются в лучших стихах Бродского. Происходит это не только от душевной переполненности, но и от непрекращающихся попыток поэта возвыситься над человеком, превзойти *слишком человеческое*. Отсюда туманности, изыски, экстравагантности, отсюда же и невладение простым, неброским, но внятным, идущим от сердца человеческим словом.

Поэтическое счастье и поэтическое несчастье Бродского имеют общий корень: безмерную самонадеянность. Она спасла талант Бродского там, где гибли тысячи талантов; она раздвинула нашу ойкумену. Но она же постоянно подчеркивает ограниченность Бродского. Несколько переиначив его известный стих, можно сказать, что поэт ограничен там, где он неорганичен.

Конфликт с родным языком наложил больший отпечаток на мировоззрение Бродского, чем любая из потерь в его печальной и блистательной судьбе. Сам поэт едва ли сознает это. Но внимательному читателю русской поэзии это представляется несомненным: душа певца, согласно излитая, разрешена от всех его скорбей...

* хотя и слегка комичной: кажется, что речь идет о шахматисте или спринтере. Комична и безапелляционность суждений типа вынесенного в эпиграф - оно словно бы взято из *Письма к ученому соседу*.

Выдающийся поэт не может не быть мастером поэтического слова, и Бродский, конечно, является таковым: одним из многих мастеров современности. Но представление о его беспримерном мастерстве целиком покоится на *комплексе голого короля*, на инерции мысли. Оно стало общим местом узкого кружка славистов, в основном живущих в эмиграции, и давно (может быть, и никогда) не подвергалось пристальному критическому рассмотрению. Упомянутый кружок почти полностью локализован в одном литературном поколении, и удерживаемые в нем умонастроения прекрасной эпохи, вместе с привязанностью к Бродскому как к одному из ее символов и выразителей, плохо понятны поколениям последующему и предыдущему.

Неблагодарную, неприятную мне роль критика я принял на себя не для того, чтобы пошатнуть заслуженную славу Бродского. Бродский предстает очень большим поэтом и в системе ценностей, не совпадающей с его собственной. Но мысль о его будто бы абсолютном владении словом не только не служит его славе, но прямо ставит ее под сомнение. В самом деле: те, кому очевидны внешние недостатки Бродского, но кому скучно вникать в чуждую им эстетическую систему и доискиваться достоинств внутренних, вправе заподозрить полное безмыслие у слишком восторженных поклонников поэта, напроочь отвергнуть их мнение, а с ним - и самого Бродского. (Это и произошло с неназванным собеседником О. Максимовой, сказавшим: "нет такого поэта Бродского, а те, кто... его любят, просто люди, лишенные вкуса..."².)

Мы и можем, и должны понимать и ценить наших лучших поэтов, не нарушая второй заповеди: не создавая (на советский лад) кумиров. Любовь не равнозначна идолопоклонству. Оставаясь убежденными приверженцами *своего* поэта, мы поступали бы дальновиднее, не отнимая воздуха

у ценителей других поэтов и, по возможности, не презирая их. Такая осмотрительность разумна еще и потому, что духовный опыт каждого поколения уникален и лишь частично, без обертонов, доступен другим поколениям (в этом смысле поколение подобно нации). Абсолютизация опыта той волны, гребнем которой тебе довелось стать, — черта обывательская.

Поскольку от сравнений все равно не уйти, да и простая корректность побуждает меня дать наглядный образ моего представления о современном поэтическом мастерстве, то я назову одного из поэтов, чье мастерство я ставлю выше мастерства Бродского. Это Александр Кушнер. Читатель увидит, что вопроса о *месте и таланте* Кушнера я, по мере сил, избегаю.

Не в связи с Бродским, а в связи с Кушнером (в целях язвительной критики последнего) наши современники вспоминают пресловутого Луиса де Гонгору, чье поразительное версификационное искусство принято противопоставлять его скромному поэтическому дару. Этот упрек, вероятно, не лишен оснований, — но в молве об аристократическом гонгоризме Кушнера нельзя не услышать нотки завистливого восхищения.

Как и о Бродском, о Кушнере спорят вот уже четверть века — и договориться не могут³. По видимости он уступает Бродскому и в эффектности, и в изобретательности, но его сторонники говорят, что в смысле этих качеств классический балет много уступает цирковой акробатике; что духовность им дороже физиологичности; и что поэту бываешь признателен не только за то, что он написал, но и за то, чего он *не написал*.

На первый взгляд труднее отвести упрек в том, что Кушнер будто бы зависит от Бродского. Но и эта трудность — мнимая. Бесспорно, что в известном смысле Бродский проложил дорогу Кушнеру (и не ему одному), — но из того факта, что, скажем, Дмитриев, Батюшков и Вяземский проложили дорогу Пушкину, никто не выводит несамостоятельности последнего, хотя этот последний вполне непринужденно заимствует у них всё, что ему необходимо. Бродский и Кушнер работают в разной мане-

ре, принадлежат к разным поэтическим школам: первый, как мы видели, тяготеет к московской школе (футуризм), второй знаменует собою крайнее на сегодня воплощение принципов петербургской школы (акмеизм).

Говоря же вообще, вопрос о самостоятельности несколько фетишизирован авангардизмом (и в этом виде подхвачен у него советской критикой). Вполне оригинальный поэт не только невозможен, но и не нужен. Аристотель видел основу поэзии в подражании. И тот же Батюшков не перестает преклоняться перед Тассо оттого, что находит у него прямые и пространные заимствования из Петрарки.

Третий стандартный упрек почти не заслуживает внимания. В отличие от Бродского, Кушнер номинально принадлежит к субсидируемой литературе и, по мнению некоторых, тем самым уже неполноценен. Не продолжая старого спора, замечу лишь, что свободным литераторам пора бы, наконец, и впрямь стать свободнее казенных в смысле разного рода предвзятостей. Серьезность и сознание своей правоты подсказывают им это. Русская литература пока еще едина во всех своих ареалах, - и всюду у писателя достаточно внешних ограничений, по-своему мешающих его труду.

Мастерство Кушнера не впервые противопоставляется мастерству Бродского. Т. Костина пишет: "Я думаю, что человеку, способному проделать этот труд [сравнение] без ослепления любовью и предвзятости, придется признать, что в части словесного мастерства, в смысле владения стихотворной формой, Кушнер намного опережает своего выдающегося современника, свободного от цензурных пут..."³ (цитирую по рукописи, предоставленной мне автором; в опубликованном тексте в этом месте имеется редакционное искажение).

*

Поэт интересен, если он нов, и нов, если нова его человеческая индивидуальность, - но новизна ни в малейшей степени не является целью поэзии, а сознательный

поиск новизны, закрепленный в уродливом слове *новаторство*, - унижает и губит искусство. Слово обновляется изнутри непрерывно, как самая жизнь. Скачкообразные (революционные) его изменения, которыми грезит авангардизм, тоже по временам неизбежны, как неизбежны потрясения социальные. Но одинаково безнравственны попытки их искусственного инспирирования. Режиссура в истории и культуре - худший вид атеизма.

*

Комплекс голого короля, владеющий современными "интеллигентными обывателями"* , заставляет вспомнить еще два имени, важные в контексте разговора о Бродском. Это Хлебников и Маяковский. За первым прочно удерживается репутация гения, второго называют великим поэтом, погубленным большевизмом. Эти соображения стали чем-то вроде символа веры в эстетствующих окололитературных кругах.

Перед нами любопытная метаморфоза: пример того, как пафос ниспровергательства, некогда нацеленный против пошлого консерватизма, застывая, оборачивается худшим консерватизмом: рабской несамостоятельностью, языческим суеверием. (Так и в политике: современность показала, что полностью неподвижная политическая система может покоиться на самых радикальных идеях и лозунгах.)

Эстетика либерального консерватизма никогда не отрицала прозренческих лингвистических находок Хлебникова и большой (хотя и вполне расхожей) поэтической одаренности Маяковского. Все, что можно было сказать об этих авторах существенного, сказали их современники: Бунин, Ходасевич, (ранний) Чуковский. Сказали они следующее: Хлебников очень талантлив, пусть даже гениален (т. е. одержим), но поэта Хлебникова нет, не получается, и

* Этот остроумный термин я заимствую у проф. Е. Г. Эткинды.

в этом смысле он - один из очень и очень многих, ибо в каждом поколении талантов тысячи, а поэтов - единицы; талантлив и Маяковский, и он - поэт, но человек он маленький, неумный и бездуховный, поэтика его более чем умеренна и ново лишь содержание: он первым среди русских поэтов стал певцом и глашатаем насилия и низости. Сказано это было вообще, мимоходом: речь шла о периферийном явлении в русской поэзии. Недавно Ю. Карабчиевский словно бы наложил лупу на эти мысли в своей книге о Маяковском⁷. Успех этой ~~Т~~объясняется тем, что Карабчиевский, несколько опережая всех нас, сказал именно то, что - после десятилетий бездумного угождения перед *левой* эстетикой - мы уже понимали и чувствовали сами. Он помог нам - и мираж рассеялся, обнажился муляж.

Ни Маяковского, ни Хлебникова не читают, не перечитывают десятилетиями - в этом, а не только в смутном видении молодого, революционным образом обновленного (и тем симпатичного) искусства, секрет их репутации. Это мумии, которые могут пролежать тысячелетия, но рассыпаются в прах от первого же человеческого прикосновения. Они сохраняют и впредь сохраняют интерес для исследователей, читателю же не нужны, и не оттого, что непонятны (как раз они слишком понятны), а оттого, что - каждый по-своему - бесчеловечны.

Подобная же судьба угрожает и Бродскому, хотя как поэт он много выше этих двоих. Беда Бродского не в отрыве от среднего современного или даже провиденциального читателя, не в сложности (он не сложнее Ахматовой), а в конфликте с *читателем идеальным*. Ложная, периферийная эстетическая установка и небрежно-фамильярное обхождение со словом могут сделать его стихи "консервами для доцентов литературы"⁸, как Б. Хазанов определил место авангардистов в современной русской словесности.

8

(Точность как служение)

Я родился и большую часть жизни прожил в городе, в котором университет называется ЛГУ, а архив - ЛГАЛИ.

Эти умопомрачительные аббревиатуры, закрепившие в моем родном языке ложь как норму, осеняли мое детство, напутствовали мое взросление. В них, точно в скобки, была заключена карикатурная действительность, где доминировало бесчеловечное и бессмысленное. В этой действительности нужно было как-то выжить, следовательно, что-то ей противопоставить. На минуту мне показалось, что поэтика футуристов, абсурдистов, вообще - авангардизма годится для подобного противопоставления (так, несомненно, шла эстетическая мысль обэриутов). Вскоре, однако, выяснилось, что это означало бы вышибать клин клином. Оказалось, что авангардизм и большевизм - близнецы-братья, братья-разбойники, повздорившие чисто породственному, но увлекающие человека в одни и те же тоталитарные потемки. И тогда мне обозначился другой путь, сводимый к одному ёмкому и воодушевляющему слову: точность. Это был ковчег в море лжи. Добро, истина, красота - всё умещалось в нем; любовь, совесть и сочувствие - тоже. Оказавшись внутри, я вскоре убедился, что в этом замкнутом пространстве с лихвой хватает места не только для жизни, но и для служения; что уже самое пребывание в его спасительном чреве побуждает к самоотречению и аскезе; что через спасенные от унижения слова открывается Слово.

Язык не только древнее государства, он древнее народа: народ зарождается и складывается при его посредстве во взаимодействии и взаимовлиянии с языком. Народ умирает - язык, легший в основу великой литературы, подобно душе, переживает его, бессмертен в истории и человечестве. Язык шире и выше этноса: это общий небосвод над подверженным эрозии и катаклизмам этническим рельефом. Народ меняет свой генофонд, перерождается, - язык живет, обеспечивая преемственность. Язык объединяет родственные и соседствующие племена, с их неизбежным притяжением-отталкиванием, веками, в крови и поту, мучительно и постепенно сливая их в одно целое.

Русские никогда не были народом в племенном, узком

смысле этого слова. Они были и остаются культурной общностью, в основе которой лежит язык. Они сохраняются, если сохранится язык, и рассеются, растворятся, подобно новым ассирийцам, в подвластных им народах, если язык не справится со своей объединительной функцией. Поэт, не может не преобразовывать языка, не может не быть по отношению к языку богоборцем. Но порывы благородного богоборческого безумия должны уравниваться благодарственным служением породившей его тверди, позитивно-нравственной работой в слове. Защищая язык, поэт защищает родину. В этом, быть может, единственный не унижающий его тип патриотизма.

*Август-сентябрь 1987
Иерусалим*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Интервью С. Волкова с И. Бродским. Часть речи № 1, 1980.
2. О. Максимова. Страна и мир № 7, 1986.
3. Т. Костина. Русская мысль № 3640, 26 сентября 1986.
4. М. Цветаева. Стихотворения и поэмы в пяти томах. Руссика, N.Y., 1980-83, т. 3.
5. О. Мандельштам. (Рец. на И. Эренбурга.) Гиперборей № 3, 1912.
6. В. Полухина. В кн.: Поэтика Бродского. Эрмитаж, 1986.
7. Ю. Карабчиевский. Воскресение Маяковского. Мюнхен, 1985.
8. С. Липкин. Декада. N.Y., 1983.
9. В. Ходасевич. О Маяковском. В кн.: Литературные статьи и воспоминания. N.Y., 1954.
10. И. Бродский. Муза плача. Страна и мир № 7, 1986.
11. Поэтика Бродского. Эрмитаж, 1986, с. 16-37.
12. G. S. Smith. Another time, another place. The Time Literary Supplement № 43956, June 26, 1987.
13. Б. Хазанов. Страна и мир № 8, 1985.

Владимир КАШНИКОВ

В России 1941-44 гг.

Во время событий, о которых пойдет речь, я был еще очень молод и потому стоит в начале немного рассказать о моей семье. Родители моего отца были старожилами Ярославской губернии, где у них было небольшое имение под Рыбинском. Они умерли еще до первой мировой войны, оставив шесть сыновей и одну дочь. В имении молодые разводили рыбу для метания икры; любимым же их занятием было разведение и дрессировка собак-волкодавов. Затем дочь осталась вести хозяйство, а сыновья поступили в разные военные училища. Самый младший, мой отец, поступил во Владимирское пехотное училище в Петербурге. После революции он попал, в чине поручика, в Третью армию генерала Врангеля, которая вместе с поляками воевала против Красной армии. После войны поляки военнослужащих Белой армии интернировали в лагере Щалково под Познанью.

Мать родилась в Николаеве Херсонской губернии, где ее отец был начальником станции на железной дороге. Он тоже рано умер, оставив двух сыновей и четырех дочерей. Мать окончила Рукодельное училище, кажется, в Одессе. Но работать ей долго не пришлось - с началом гражданской войны она поступила добровольцем в Белую армию, на канцелярскую должность. Когда поляки заключили мир с красными, она из южной Польши попала в тот же лагерь Щалково, где родители познакомились, повенчались и где я в 1923 году родился.

Со временем поляки отпустили мужчин из лагеря на заработки. Отец с группой офицеров организовал хор-

оркестр; они ездили по городам Польши, давая концерты. Потом жителям лагеря выдали т. н. Нансеновские паспорта бесподданных, с которыми они могли уезжать на постоянное жительство в любую страну, состоявшую в Лиге Наций. Мой отец принадлежал к группе оптимистов, уверенных в том, что коммунизм в России долго не продержится, и оставшихся жить в Польше с надеждой скоро вернуться домой. Все они жили форменным образом на чемаданах.

Отец переехал в Быдгощ и там научился делать всякого рода коробки: для лекарств, для обуви, бонбоньерки для шоколада. Со временем он устроился заведующим коробочной фабрикой, одновременно учась заочно в Варшавской духовной семинарии, чтобы в будущей России стать священником. Когда началась война Германии с СССР, он сдал экзамены и нелегально, так же, как и я, отправился в Россию; в Минске владыка Филофей рукоположил его в сан священника.

Пять братьев отца после революции пропали без вести; настойчивые попытки хоть как-то найти их след были безрезультатны. Бабушка со стороны матери умерла от голода в Николаеве в 1933 году. Я же стал учиться в польской гимназии в Варшаве и вступил в русскую скаутскую организацию.

Осенью 1939 года, после раздела Польши между Германией и СССР, в Варшаву нахлынуло много русских из занятых Красной армией восточных областей, и жизнь местной русской колонии сильно оживилась. Начался прилив новых людей в члены Русского комитета в Варшаве - организации, официально признанной немцами; в скауты-разведчики, которые работали "неформально" под прикрытием т. н. Национальной организации русской молодежи; и в НТС, который официально вообще не существовал. Его местным отделом руководил член Совета НТС Александр Эмильевич Вюрглер, который меня в 1939 году и принял в НТС. Среди других руководителей помню Кишковского, Кузьминского, супругов Виноградовых. Они

тоже энергично привлекали, - а то и просто набирали - новых членов в НТС. Все мы тогда были очень молоды - недаром нас звали нацмальчиками - и все мы горячо стремились в Россию. К сожалению, в нашей подготовке было слишком много теории и мало практического обучения. Молодежь, мне кажется, во все времена больше привлекают конкретные дела, чем философия. Это важно помнить и для сегодняшней работы НТС в России.

* * *

В июне 1941 года, когда началась война Германии с Советским Союзом, НТС призвал создать первую группу добровольцев-квартирьеров. Им была поставлена задача - найти квартиры, где смогли бы останавливаться следующие за ними в Россию группы НТС. Добровольцами явились: Николай Алферчик, старший группы - 26 лет; Владимир Кашников, переводчик - 18 лет; Георгий Соловьев, член группы - 17 лет. В это время в Свидре под Варшавой был летний лагерь скаутов-разведчиков, и там нам устроили торжественные проводы. На них присутствовали возглавитель НТС в Польше Александр Эмильевич Вюрглер, председатель Русского комитета Сергей Львович Войцеховский и скаутские руководители из НТС, в том числе Борис Борисович Мартино, Евгений Евгеньевич Поздеев, Ростислав Владимирович Полчанинов. После речей спели гимн НТС "Бьет светлый час...", затем прощание, слезы, большой подъем. Многие ребята кричали: "Я тоже хочу, я тоже хочу"!

После прощального вечера, в середине июля 1941 года был назначен отъезд группы. Документы у нас были очень простые - Fremdenpass (немецкий паспорт для иностранцев) и удостоверение личности от Русского комитета в Варшаве; последнее впоследствии особенно пригодилось. Первый этап: Варшава-Брест мы ехали поездом, без препятствий. Брест мы прошли незамеченными: там только-

только организовывалась граница между польским Генерал-губернаторством и оккупированной Россией и никакого досмотра не было. Ночевали мы в Бресте в семье членов Союза Монтвилловых, поели и поговорили. Отец Митрофан Зноско, у которого потом долгие годы был приход в Си-Клиффе под Нью-Йорком, нам отслужил напутственный молебен. Монтвилловы нам советовали дальше ехать не поездом, а на попутных грузовиках.

Мы их не послушались, а пошли на восточную окраину города выяснять, как лучше ехать в Минск. Нам посоветовали стать на железной дороге и прыгать в идущий товарный состав, когда он набирает скорость, выходя со станции. Поезда шли часто; некоторые быстро, а некоторые достаточно медленно. Встал вопрос - кто из нас лучший спортсмен. Выбор пал на меня: я занял первое место на нашей молодежной олимпиаде. Найдя подходящий момент, я побежал за пустым вагоном, и прыгнул в него. У каждого из нас был с собой рюкзак и один чемодан, их тоже бросили в вагон, затем в него без промаха прыгнули Алферчик и Соловьев. В пустом товарном вагоне мы доехали до Барановичей.

Вдруг в Барановичах останавливают поезд. Мы немного перепугались. Удирать опасно: могут пристрелить. Решили сидеть в вагоне. Появляются немецкие жандармы, с бляхами на груди. Трое, идут от вагона к вагону и заглядывают. Мы сидим, вроде как ни в чем не бывало, опираясь на пустые ящики. Подходят к нам. "Куда?" Мы говорим: "в Смоленск". Просят документы. Показываем наши Fremdenpass'ы и удостоверения Войцеховского, что мы "белые русские". Ни то, ни другое не производит впечатления. Нас задерживают и ведут в полевую комендатуру тут же, на вокзале.

Мы вошли, там сидит капитан. Спрашивает, куда едем, откуда и кто мы такие. Я перевожу: мы белые русские, едем в Россию помогать в борьбе с коммунизмом. Он переспрашивает: "Так откуда вы едете?" Я говорю: "Из Варшавы". "Так вы поляки?" "Нет, говорю, белые русские".

Так как по документам все мы родились в Польше, объяснить капитану, что мы русские, было очень трудно. Но в конце концов он понял. Подумал, посмотрел на нас и говорит: "А вы что нибудь для борьбы с коммунизмом везете?" Я говорю: "У нас литературы много", открыл чемодан и показываю. Литературы у нас, к сожалению, было жалкое количество, с литературой дело было поставлено слабо. Капитан смеется: "И этими брошюрками вы думаете бороться с коммунизмом?" Я говорю: "Ничего, приедем на место, там печатать будем". Капитан покачал головой, подумал, и говорит: "Ну, так и быть, валяйте!" Я спрашиваю, не даст ли он нам какую-нибудь справку, что он нас пропускает? Он отвечает, что никакой справки дать нам не может и, по правилам, должен был бы отправить нас под стражей обратно в Варшаву. "Смывайтесь, я вас не видел!"

Поезд тем временем ушел, и мы пошли расспрашивать у местных жителей, как ехать дальше. Нам посоветовали стать на шоссе и дожидаться попутной машины. Один порожний грузовик нас в конце концов взял. В пути выяснилось, что он свернет с дороги в семи километрах от Минска. Мы решили, что семь километров мы пройдем пешком. Пока мы шли, наступила темнота. Видим маленькое селенье, несколько домов, в одном из них горит свет. Мы постучали. Не открывая двери, отвечает какая-то бабка, белоруска. Мы спрашиваем, нельзя ли переночевать. "Ой нет, что вы, если я вас пущу ночевать, придет немецкий контроль и меня расстреляют". Напуганная бабка была: сколько ни просили - никак. Мы стали перед домом, закурили. Вдруг слышим, дверь открывается, она выходит. Внутри видно - чистая, простая хата, уборная во дворе. Мы снова ее начинаем уговаривать, что мы хорошие люди, а ночь холодная, мы на дворе простудимся. В конце концов она согласилась, что мы "славны хлопцы", и пустила нас. Только, говорит, покушать у меня кроме картошки ничего нет. "Ничего, бабка, у нас есть сало". Мы нарезали каждому по куску солонины, она сварила картошку, и мы

поужинали. Уложила она нас на русскую печь, на перину, и сверху положила перину, спать было невыносимо жарко. Утром встаем - наши портянки и носки постираны, вещи аккуратно сложены, сало с картошкой она нам дает, а себе - нет. "А ты, бабушка?" "Да нет, спасибо, вы далеко едете, вам надо, а я уже какнибудь картошечки покушаю, мне хватит". Мы всё же ей солонину оставили.

На третий день мы пришли в Минск. Первой задачей было найти квартиру; сделать это было нелегко, так как город был сильно разрушен. Обходя город, мы неожиданно встречаем на улице владыку Филофея. Я с ним был знаком с детства, он тогда еще был архимандритом и преподавал у нас в Варшаве Закон Божий. После начала войны многие из эмигрантского духовенства в Польше и Прибалтике отправились в Россию, восстанавливать разрушенную советскими гонениями церковную жизнь. Одним из первых был владыка Филофей, ставший епископом Минским и Белорусским. Из других помню епископа Дмитрия Черниговского, о. Игнатия в Лепеле, о. Г. Соловьева под Слуцком. Мой отец, о. Николай Кашников, поехал в Слуцк; из Риги поехала целая миссия, 15 священников.

Владыка Филофей, увидев нас, сразу пригласил нас к себе и предложил нам помочь мыть покои монастыря при бывшем архиерейском доме. Мы с радостью согласились, получив заодно место для ночлега там же, на полу. Помогли мы убирать и храм, который был в очень запущенном виде: на стенах виднелись только остатки росписи.

Владыка готовился к первой архиерейской службе 26 сентября - всенощной накануне праздника Воздвижения Креста - и попросил нас помочь оповестить население о предстоящем событии. Мы тем временем познакомились с местными девушками, которые где-то раздобыли бумагу и краски, и нарисовали плакаты. Мы просили их привести на службу как можно больше молодежи. Служба обещала быть очень торжественной. Сам владыка был красавец - жгучий брюнет; где-то были найдены великолепные облачения; к тому же, в Минске в момент оккупации застряла

московская опера, так что хор весь состоял из профессионалов. Народу начало прибывать очень много. Перед началом службы протодиакон, оперный артист с густым басом, подает мне стихарь иподиакона, чтобы я шел с ним под благословение к владыке. А я никогда не иподьяконствовал. Я прислуживал в церкви, но не иподьяконствовал. Я'ему это объясняю. Владыка слышит и говорит мне: ничего, все будет в порядке. Когда служба началась - церковь полна-полнехонька! Один хор чего стоил! Потом я больше такого хора не слышал. В момент, когда воздвигают крест - и "Господи помилуй, Господи помилуй" звучит то тише, тише, тише, то громче, громче, громче - сплошной плач стоял в церкви. После службы владыка благословлял всех и давал крестики, целый мешок которых он привез с собой из Варшавы. Люди подходили и к нам, иподиаконам, и просили: "Батюшка, благослови". Мы с трудом объясняли, что никакие мы не батюшки и благословлять нам не положено.

Как ни хорошо нам было при церкви - надо было ехать дальше, я рвался в Москву. Квартиру для союзных нужд с помощью наших знакомых девушек мы нашли. Она была довольно плохая - позже наши нашли лучшую, на Вокзальной улице, которая, можно сказать, вошла в историю Союза, там все побывали. К концу сентября на найденную нами квартиру прибыла следующая группа НТС, довольно большая. Познакомив их с положением в городе, в начале октября мы двинулись в Смоленск. Техника поездок - поездом или грузовиком - нам уже была знакома, доехали мы за два дня без препятствий; правда, немного поголодали.

В первый же день в Смоленске Алферчик нашел квартиру - на улице Декабристов номер 24. Это помещение оставалось за НТС до последнего дня перед приходом советских войск. Обосновавшись на новом месте, мы отправились посетить собор. Там служил местный священник. У него даже не было подрясника, и мы нашли группу людей, которые взялись сшить ему подрясник.

Собор был великолепен, хотя тоже в запущенном состоянии; при советской власти там был музей, в нем хранились знамена наполеоновских времен. Немцы собор портили, обламывая себе на память куски резьбы с иконостаса.

В Смоленске мы предприняли рискованный, но удачный визит в местную немецкую полевую комендатуру. Отсутствие проездных документов все время висело над нами угрозой, без *Marschbefehl*'а нас могли арестовать по любому пустяку. Мы решились обратиться к местному армейскому коменданту и объяснить ему наше положение. Мы прямо ему сказали, что мы - дети белых офицеров, хотим продолжать дело их борьбы политическими средствами, чтобы избавить Россию от коммунизма, и что нам нужны проездные документы. Надо сказать, что открытый и вежливый разговор на немцев производил впечатление. На наше счастье, полковник, к которому мы попали, оказался не только человеком порядочным, сочувствующим русскому делу, но и весьма образованным. Он был в России во время Первой мировой войны, знал историю нашей гражданской войны куда лучше нас и расспрашивал нас со знанием дела про наших отцов. В конце разговора он спросил, куда мы хотим ехать. Мы говорим - "В Москву!" Он повторил слова капитана из Барановичей, что по правилам обязан отправить нас обратно в Варшаву. Затем сказал, что движение его частей на Москву - не предусмотрено, что в том направлении будут двигаться части его друга, тоже полковника, которые стоят в Брянске. И выдал нам *Marschbefehl* через Брянск... в Москву!

В Брянск мы уже поехали без Алферчика. История с ним была следующая. Он в Варшаву приехал из Пинска, где осталась его семья. Его наскоро приняли в Союз, - ни он нашими идеями не успел проникнуться, ни мы его как следует не раскусили. Прибыв с нами в Минск, он съездил в свои родные места. В Пинске он не нашел ни брата, ни матери; их большевики вывезли, и он стал без разбору мстить за их гибель. В Минске связался с белорусскими

националистами-самостийниками Космовичем и Витушко. Эти двое, вопреки телефильму Бирюкова ("Камера смотрит в мир", Первая программа ЦТ 30 июля и 8 августа 1987 года), будучи самостийниками, никак в НТС состоять не могли, но действительно пользовались дурной славой за сотрудничество с Гестапо. Поведение Алферчика нам явно вредило, создавало Союзу плохое имя. Мы ему в Смоленске сказали: "Хочешь идти этим путем - дело твое, но это не наш путь" и порвали с ним. Сам он с Союзом тоже прекратил связь.

В конце октября 1941 года к нам в Смоленск прибыло пополнение - члены Союза Валентин Хасапов, Николай Кандин с братом и Олег Лопуховский, все из Чехословакии. Я съездил в Вязьму - город в некоторых местах еще догорал после боев, но ничего интересного там не нашел. (Позже там была создана группа НТС. См. Юрий Жедилягин "НТС в Вязьме 1941-42", "Посев" № 7, 1984).

Через три дня я вернулся в Смоленск. Оттуда мы втроем - Соловьев, Лопуховский и я - отправились в начале ноября 1941 года на попутных машинах в Брянск. Здесь нам очень пригодилась рекомендация от смоленского коменданта. Я с ней отправился к местному коменданту, который меня очень хорошо принял и обещал нам помогать так же, как и его друг в Смоленске. Всё это были боевые армейские офицеры, которые на нас смотрели совершенно иначе, чем СС или Гестапо.

Не прошло и двух недель, как к нам в Брянске присоединились Хасапов и братья Кандины. В Брянске мы нашли старушку, которая занимала довольно большой домик, к счастью, не разрушенный. Она поселила нас всех у себя. Она нам варила, стирала, штопала - мы же старались снабжать ее продовольствием, мыли посуду и рубили дрова, собранные в обгорелых домах. Доброта и забота этой старушки нас всех поражала. У нее было три сына на фронте в Советской армии, и она говорила, что им, наверно, кто-то делает добро, потому она и нам должна платить тем же.

В ожидании падения Москвы мы в Брянске временно устроились на работу. Хасанов стал заведующим городским хозяйством в городской управе, Н. Кавдин - заведующим городской столовой, а я - переводчиком при городской управе и конференсье при организовывавшемся театре. От местного полевого коменданта я получил разрешение посещать военнопленных и отбирать из них актеров для театра и специалистов, нужных для городского управления. Сами же мы думали о том, чтобы пополнить ряды НТС.

Приступив к работе в театре, я первым делом познакомился с его директором Николаем Гусем; это был тенор, певец оперетки. Балетмейстер Ольга Мышьякова стояла неподалеку, он познакомил меня с ней, сказав: "Вот у нас будет теперь конференсье". Начались обычные расспросы: кто вы, откуда? Этот последний вопрос задавали всегда; мы, приезжие, всё же сильно выделялись среди местного населения. Зачем приехали? Я отвечал открыто, что хочу помочь своему народу освободиться от коммунизма и строить новую Россию. Это лишь повышало интерес. Вечером после спектакля (в этот день я еще не выступал) Мышьякова пригласила Гуся и меня к себе на ужин; там была и ее дочь, балерина. Беседа продолжалась до поздней ночи. Я им оставил на несколько дней имевшуюся у меня литературу, в частности брошюрку НТС 1940 года "За новый строй".

Такие ужины в том же составе продолжались некоторое время почти через день. Со временем я им раскрыл, что я член НТС. В итоге первой вызвалась оказывать нам помощь Ольга Мышьякова. Она знала, что у нас слабо обстоит дело с размножением литературы, и дала идею писать тексты на больших листах бумаги и расклеивать их в городе, а также в районе, в местах, где уже начинало организовываться партизанское движение. Для размножения этих плакатов она привлекла своих балерин, служащих городской управы, и других добровольцев. После этого я предложил ей вступить в Союз; она и ее дочка

сразу согласились. Николай Гусь повременил недели две, а потом сам предложил свои услуги.

Валя Хасапов принял в Союз очень ценного человека из бывших военнопленных. Мы его взяли как пианиста в театр, но на самом деле он был врачом. Валя с ним подружился, и оба занялись привлечением в Союз людей из оставшейся в городе интеллигенции. Доктор также занялся организацией студенческих кружков с тем, чтобы студенты, не закончившие ВУЗов, сами пополняли свое образование. Я ему достал разрешение на посещение военнопленных, и там он подбирал студентов. Таким образом ему удалось освободить многих военнопленных. Наконец, он же занялся составлением текстов для наших плакатов. Это он делал очень удачно.

Первоначально тексты плакатов основывались только на выдержках и лозунгах из брошюр типа "За новый строй". Там говорилось, чем плох коммунизм и какой должна быть свободная Россия. О немцах там прямо не говорилось ничего - ни хорошего, ни плохого, а лишь подчеркивалось, что никто за нас нашего русского дела не сделает. Этого вскоре стало мало, так как обстановка менялась. Начало кипеть возмущение немецкими зверствами, и нам надо было четко показать, что мы не на немецкой стороне, что мы самостоятельная русская сила.

Очень эффективным оказалось опровержение немецких листовок, которые сбрасывались миллионами над занятыми территориями. Немцы сбрасывали два типа листовок. Одни - для городского населения, в них предлагалось ехать добровольно в Германию на работы, на заманчивых условиях. Другие - для Красной армии, в них предлагалось переходить на немецкую сторону, чтобы вместе с немецкой армией бороться против коммунизма. На наших плакатах мы писали, в какие условия русские рабочие попадают в Германии на самом деле и как немцы морят голодом попавших в плен, вместо того, чтобы искать среди них союзников. Отсюда мы делали вывод - победить коммунизм может лишь независимая русская сила. Копии

плакатов я отправлял по нашему союзному адресу в Варшаве Кишковскому или Родзевичу. Алеша Родзевич в то время был в Варшаве, потом появился в Минске. Конверты нам переправляли знакомые немцы.

На короткое время я выезжал в Курск и Орел, но никаких полезных знакомств там не завел. В общей сложности я в Брянске провел больше года. В начале 1943 года мне неожиданно представилась возможность съездить в Варшаву: из Брянска шел грузовик туда и обратно. Всей нашей группой было принято решение эту возможность использовать, чтобы доложить о нашей работе. Ехал я дня четыре, стояли еще сильные морозы. Проехав Смоленск, мы хотели посмотреть Катынский лес, но нас туда не пустили. (Раскопки могил польских офицеров там начались в марте.)

В Варшаве я сделал доклад председателю НТС В. М. Байдалакову и А. Э. Вюрглера, выступил перед членами Русского Комитета и его председателем С. Л. Войцеховским и в кружке русской молодежи, которым руководил Борис Марино. Но, по просьбе Вюрглера, я в Брянск не вернулся.

В ноябре 1942 года Совет Союза принял программный документ "Схема НТС", где говорилось, что для осуществления национальной революции в России необходимо "создание мощного Освободительного народного движения, оформленного в политическую организацию и опирающегося на вооруженную силу". Основу для такой вооруженной силы нам надо было искать среди существующих уже отрядов, в частности, партизанских и антипартизанских. Идея эта не была фантастической - "зеленые" партизаны, независимые от коммунистов, существовали во время войны и после нее в Литве и на Украине. Но проникнуть в районы партизанской деятельности было не просто.

С конца 1942 года у руководства Союза появилась возможность доставать проездные документы и обеспечивать ими членов Союза в районах партизанской деятельно-

сти, используя так называемый Sonderstab R. Это была секретная немецкая организация с центром в Варшаве, созданная для наблюдения за партизанским движением. Пользуясь своими связями в этом штабе, А. Э. Вюрглер (который сам был швейцарским гражданином) посоветовал направить меня в маленький городок Лепель, в середине треугольника Борисов-Витебск-Полоцк. Там Союз стремился распространить свое влияние как среди русских добровольческих отрядов, так называемых OD (Ordnungsdienst), так и среди самих партизан. Направление в Лепель мне дал полковник Шаповалов, из бывших советских офицеров, служивший в Sonderstab'e. Он вручил мне наган, большой пакет точных географических карт и добавил: "Вот тебе Marschbefehl, вот тебе Verpflegung (талоны на пропитание), а в остальном действуй по собственному усмотрению".

В помощники полковник Шаповалов мне назначил Сергея Зубарева, новоиспеченного члена Союза из Варшавы. Племянник генерала Ерогина, он был моим старым другом. Он помогал мне по хозяйству, помогал поддерживать связь и охранял меня.

Поездка в Лепель в марте 1943 года оказалась трудной. Весь район контролировался партизанами, и единственный путь лежал через Витебск и Бешенковичи. Двигаться по этой дороге разрешалось только колоннами, под охраной небольших броневиков.

В Витебске я и Сергей Зубарев познакомились с сержантом ОБ Ильей Лобутиным, из бывших военнопленных, который нам в будущем очень помог (не путать с Лобутиным из Эстонии, о котором говорится в книге Жадана!) Он устроил нам ночлег и ужин, и мы с ним проговорили почти всю ночь о судьбах России, о возможных исходах войны; я ему рассказал, сколько мог, о Союзе. Он был в восторге, сразу перешел на ты, обещал со мной вместе работать и в самом деле оказался человеком на редкость верным и бесстрашным. На следующее утро мы двинулись в путь. Один из грузовиков в нашей колонне подорвался

на mine, был один тяжело раненный, но остальные доехали благополучно.

В Лепеле Лобутин нам устроил ночлег у своих друзей. На следующий день мы через городскую управу получили маленький деревянный домик из одной комнаты с прихожей, но без кухни, с уборной на улице. Один из соседей соорудил нам небольшую каменную плиту. В этом домике мы с Зубаревым обосновались.

Пошли в церковь, очень благоустроенную, познакомились с местным священником о. Игнатием, как и мой отец, он был в прошлом офицером Белой армии и тоже приехал из Польши. Он помогал нам продовольствием. К сожалению, с местными жителями он был груб и популярностью не пользовался.

В церкви мы познакомились с дочкой начальника области Лидой Плюско. Она тут же после литургии пригласила нас к себе на обед. Познакомились с ее отцом Александром Павловичем Плюско и ее матерью Еленой. Семья их была очень интеллигентная, из Ленинграда, в Лепель они попали случайно. Александр Павлович и Лида поначалу заинтересовались моей жизнью в эмиграции и целью приезда в Россию. Я им сказал всю правду и на следующий день принес привезенную из Варшавы союзную литературу, а также несколько плакатов из Брянска. А. П. Плюско пригласил меня к себе в управу и познакомил со своими сослуживцами, там мы беседовали около часу. Вечером они с дочерью пригласили меня на ужин и спросили, чем могут быть полезны нашей организации. Я сказал, что он бы мог подыскивать единомышленников в городской управе; Лида загорелась идеей размножения плакатов. Я их обоих принял в Союз.

Лида была девушкой требовательной, характер у нее был крутой, но работала она усердно и привлекла к размножению плакатов двух подруг - Клёню и Маю. Плакаты они размножали действительно в "массовом" порядке. Илья Лобутин тем временем вел активную союзную работу среди персонала ОД. Все эти добровольцы были

очень антинемецки настроены и их надо было тормозить, чтобы они под флагом НТС не перешли к вооруженным действиям против немцев. Они начинали думать о том, чтобы мины подкладывать под немецкие машины и тому подобное. Такие действия привели бы только к разгрому нашей организации, и мы себе их позволить не могли.

В середине мая 1943 года я отправился в Оршу на несколько дней. Там я познакомился со старшиной городской управы Ивановым. Он пригласил меня к себе на обед и познакомил со своей дочерью Ниной и ее подругой Вайлей. За обедом выпили по несколько рюмок очень вкусного самогона. Я им рассказывал про Союз, и на следующий же день все трое дали обещание членов НТС. Девушки взялись за размножение плакатов, сам Иванов - за распространение идей Союза среди своих сослуживцев. Надо сказать, что война поставила русских людей перед невозможным выбором: помогать Сталину сохранить власть коммунистов над Россией или помогать Гитлеру завоевать власть над Россией. Потому, когда русские люди находили Союз, который стремился создать русскую власть, писал на своих листовках "За Россию!" - или "даешь Россию!", как выражались ребята Ильи Лобутина, - то общий язык найти было просто. Важно было одно: говорить честно, уважая своего собеседника. Большинство членов Союза с этой задачей справилось; в Варшаву из России поспешил вернуться лишь Юра Саватюк, "не найдя общего языка" с народом. Впрочем, он среди ребят всегда слыл "пижоном".

Другая моя поездка из Лепеля была в Слуцк 19 ноября 1943 года, на свадьбу моей сестры. Она выходила замуж за члена Союза Игоря Юнга, и венчал их мой отец. Там было много членов Союза - Зеленский (приехавший из Смоленска), Родзевич, Неуронов, Сережа Зубарев, Дмитрий Васильевич Шульгин, добрейшей души человек, друг моего отца, он вместе с Юнгом вел союзную работу в Слуцке. Позже, уже в США, он преподавал в университете русский язык и женился на своей студентке - слепой американке.

Вернувшись в Лепель, я узнал о предстоящих там пе-

ременах: об уходе немецких властей и приходе из Локтя (Брянской области) бригады Бронислава Владиславовича Каминского, так называемой РОНА (Русской Освободительной Народной Армии). В середине декабря 1943 года я отправился в Варшаву с докладом о положении в Лепеле. Вюрглер меня выслушал и посоветовал связаться с Каминским, чтобы выяснить возможности его объединения с Власовым. Через два дня, 23 декабря 1943 года Александр Эмильевич был убит на улице Варшавы.

После похорон А. Э. Вюрглера я вернулся в Лепель. Туда начали прибывать первые части бригады Каминского. Я сразу отправился к Каминскому, чтобы ему представиться. На встрече присутствовал начальник бригадной разведки капитан Капкаев. Я изложил свою официальную версию, что я от Sonderstab'a в Варшаве, и заговорил с Каминским о партизанах, чтобы выяснить, чем он дышит и что он собирается делать. Из его ответа стало ясно, что он вовсе не намерен привлекать партизан на свою сторону, как стремились мы, а просто хочет их истреблять. Я попытался образумить его и добавил, что большим авторитетом и популярностью пользуется Андрей Андреевич Власов и что ему, Каминскому, следовало бы к Власову присоединиться, чтобы создать единую русскую антикоммунистическую армию. "Я воюю здесь, кровь проливаю, а он там сидит в Далеме [предместье Берлина, где немцы держали Власова под домашним арестом], пьет и с бабами возится! Пусть он мне подчиняется, а не я ему!" Я возразил, что всё же Власов - популярная личность, настоящий генерал. Каминский же - этого я ему не сказал - был инженером без военного образования и хам невероятный. По происхождению он был поляк - и, быть может, потому с поляками обращался особенно жестоко. На мой вопрос, почему он так ненавидит поляков, он ответил матом. Как известно, впоследствии немцы Каминского расстреляли. Но я, хотя и начал с того, что вступил с ним в спор, почему-то ему понравился, и он стал регулярно приглашать меня к себе на ужин. Необходимость ежедневно в

течение трех месяцев выслушивать густой поток его матерщины была не из приятных, но в моем положении мне не следовало портить с ним отношений, да и ужины у него были сытные. Мои уговоры, чтобы он примкнул к Власову, были заведомо тщетны; к ним больше прислушивался его начальник разведки Капкаев, человек политически более интересный, но скрытный.

Надо сказать, что в районе Лепеля у Каминского настоящих боев с партизанами не было просто потому, что партизаны были сильнее его. Все его вылазки обычно кончались неудачей. Однажды советская авиация совершила налет на Лепель, и сильно разбомбила этот маленький городок. Было несколько десятков убитых среди гражданского населения. Но бригада Каминского не пострадала, так как она в то время была в лесах в поисках партизан.

Из немецких учреждений в Лепеле после прихода Каминского осталось только Гестапо и городская комендатура, которой подчинялись добровольческие части ОД. С патрулями ОД я часто ходил в партизанские районы. Эти патрули обычно состояли из одиннадцати человек. Шли пешком, у всех были винтовки, только у одного, что шел сзади, был ППШ; редко у кого были десятистрелки. Были и гранаты. Однако, ни патрули эти никогда не вступали в бой с партизанами, ни партизаны с ними. Когда я ходил с ними, то прямо говорил, что вступать в бой запрещаю. Я не имел на это никакого права, но добровольцы считали меня как бы пропагандистом, состоявшим при них. Непосредственно приказы им отдавал Лобутин.

Однажды весной 1944 года мы с таким патрулем попали в деревню, куда приходили и партизаны. Местные жители почему-то в большом количестве вышли на улицу. Я набрался смелости и решил сказать им пару слов. Я сказал им: я знаю, что вы терпите невероятные тяготы, что вас все время грабят, днем немцы, а ночью - партизаны. Но если мы перетерпим, то вместе с партизанами мы сначала победим коммунизм, а потом победим и немцев. Они обрадовались, многие прослезилась, "откуда вас Бог послал".

Моя речь вызвала неожиданные последствия. Дня через два ко мне пришёл посланник от партизан. Я его знал: как-то раз меня вызвали в Гестапо, чтобы переводить, когда он был арестован. Когда они его начали бить, я сказал, что если будут его бить, я ничего переводить не буду. Бить перестали и потом его выпустили. Теперь он приходит ко мне и говорит: "Наш областной начальник товарищ Кислов хочет с вами побеседовать". Я расспросил подробнее, кто такой этот Кислов, и согласился. Еще через два дня он приносит мне пропуск, подписанный уполномоченным Витебского областного комиссариата Кисловым.

В условленное время он приехал за мной на телеге и повёз в лес. Ехали мы довольно долго, часа полтора. Вдруг он останавливается и говорит: "Вот они". Смотрю - три человека лежат вокруг догоревшего костра, и рядом с каждым - ППШ. А у меня - наган. Спрыгнул с телеги, подхожу и рукой трогаю самого старшего. Тот просыпается, я представляюсь: "Кашников". "А, - он говорит и протягивает мне руку. - Кислов". Он в настоящей военной форме, другие двое - младшие чины, по-видимому, из студентов. "Садитесь, господин Кашников!" Угощает меня советскими папиросами "Теннис", я им даю немецкие сигары. И они, и я закуриваем с удовольствием. Я им сразу раздаю остатки литературы НТС, что у меня были, в частности песенник.

Затем Кислов начинает разговор. "Вы знаете, вас не должно бы уже было быть на этом свете." "Почему?" говорю. "Потому что, когда вы выступали, я сидел в кустах и взял вас на прицел. Но потом у вас проскользнула такая фраза, что победив коммунизм, мы вместе победим и немцев. Тогда я курок не спустил. И захотел выяснить: как вы себе это представляете?"

Я говорю: "Очень просто; посмотрите, что коммунизм сделал с Россией! Я родился за границей, но я русский всей душой. И мне жалко смотреть, до чего советская власть довела мою страну! Поезжайте за границу, посмотрите."

рите, как люди нормально живут. А у нас - как свиньи. Так вот, надо сначала избавиться от коммунизма, а тогда - никакие немцы Россию не одолеют, слишком у нас большая страна. А сейчас вы партизаниите и только собственное население грабите. Сами питаетесь, а их голодом морите!" Он отвечает: "Мы собственное население не грабим, это вам могут подтвердить. Мы получаем снабжение по воздуху или люди нам сами приносят; они это тоже делают ради России. А как вы себе представляете борьбу?" - Я ему на это: "Лучший путь - это Власов!" "Но ведь Власов с немцами идет, против России!" - "Неправда, - говорю, - Власов - патриот России, и именно поэтому немцы его боятся и не дают ему ходу. Но они вынуждены будут развязать ему руки, и тогда мы с вами сможем вокруг него объединиться. Тогда вся Россия за ним пойдет!" - "Ну, это тогда, а сейчас что?"

Встал вопрос о Каминском: "Ну, к этой сволочи мы и подавно не пойдем!"

Тут пришел какой-то мужик и сказал: обед готов. Кислов объяснил мне, что костер в лесу жечь нельзя, и мы отправились в хату, стоявшую на опушке. Обед был простой, деревенский, но из свежей баранины, и водка была с "большой земли". Кислов и двое молодых стали мне задавать вопросы о том, как живет за границей, об образовании, какие заработки, какие цены. Все трое оказались очень милыми людьми, ни малейшей грубости, которой я опасался, не было, а что касается советской власти, то "после войны мы обязательно добьемся перемен". Я говорю: "А может быть мне с вами остаться?" "Нет, - говорят они, - вам лучше все-таки не оставаться". Но предложили переночевать тут же, в хате. Я положил наган под подушку и от волнения долго не мог заснуть.

На следующий день они говорят, что хотят мне показать весь округ. Предложили сесть на лошадь, но я верхом, особенно без седла, ездить не привык, так что снова мне дали телегу. Показали несколько деревень вокруг Лепеля, в одной из них была их сапожная мастерская, точнее

небольшая фабрика. Пока мы объезжали деревни, снова стемнело, и они оставили меня у себя на вторую ночь. Выяснилось, что было две категории партизан: первая, это настоящая армия, причем армия прекрасно обмундированная и обученная, заброшенная по воздуху. А вторая - это перебежчики из вспомогательных частей, из ОД и других немецких служб, даже из Гестапо. Например, переводчик Гестапо в Лепеле Попов, которого я знал, и сам с женой и ребенком ушел к партизанам, и караульного с собою увел.

Вот одна из трагедий прошлой войны: те, кто с самого начала пошли сотрудничать с немцами, потом "искупили свою вину" перед Сталиным, перейдя на сторону партизан, а тех, кто вместе с Власовым до самого конца ждал создания независимой русской силы, Сталин после войны расстреливал или морил в лагерях.

Лишь на третий день партизаны меня подвезли на той же телеге к Лепелю, и мы распрощались. По существу, мы ни о чем не договорились. Надо, конечно, принять во внимание мою молодость и то, что я к такому серьезному разговору был мало подготовлен. Но в той обстановке, думаю, и более ответственный деятель НТС на моем месте большего бы не добился. Я был рад, что показал партизанам наше желание - быть с ними, что не побоялся к ним пойти и что они мне как члену НТС оказали доверие. Правда, был и один практический результат: они мне стали регулярно доставлять довольно свежие номера "Правды" и "Известий". Советская пресса с немецкой стороны фронта была тогда большой редкостью. Я знакомил с ней Лобутину и других друзей, а потом отправлял Родзевичу в Минск.

Через некоторое время я сам поехал в Минск - доложить союзному руководству о моей встрече. По возвращении в Лепель меня ждали неприятные новости. Илья Лобутин арестован Гестапо, Клёня и Мая - тоже. Оказывается, Илья так вдохновился моей речью про то, как мы, победив коммунизм, будем бить немцев, что начал ее открыто повторять. На него донесли. Потом Гестапо вызвало на до-

прос и меня. К счастью, не в связи с моей вылазкой, а в связи с какой-то книгой, которую Лобутин забыл у меня на кровати в мое отсутствие. Мне гестаповцев удалось убедить, что в книге этой ничего крамольного не было. Попутно они пытались вызвать меня на сотрудничество с ними, но я им доказывал, что это не входит в мои обязанности. Меня отпустили; я видел Лобутина и двух девушек, как они стояли во дворе Гестапо под охраной. Увы, я ничего для них сделать не мог. Сергей Зубарев меня встретил и сказал, что вторичного ареста мне не избежать. Он принес мне мои вещи, чтобы немедленно ехать в Минск. Мы нашли место в первой же колонне, которая туда шла, и уехали.

К тому времени, после убийства А. Э. Вюрглера, *Sonderstab R* был немцами расформирован, но нашим друзьям в Минске удалось создать на его месте другую "лавочку" подобного типа, новое "бюро путешествий", дававшее возможность доставать проездные документы в места, куда без бумаг проникнуть было невозможно. Официальное ее задачей, как и задачей *Sonderstab'a*, было - следить за движением партизан. На местах мы делали отметки на картах, и посылали их в центр. Но сведения на этих картах были полностью липовые, мы их брали с потолка. Если мы узнавали, что партизанская часть заняла такое-то место, мы показывали совершенно другое. Партизанам мы не вредили, а немцев - дезориентировали. А если мы и посылали реальные сведения, такие, которые немцы могли проверить, то бесполезные: например о том, где найдены листовки, которые сами же немцы сбрасывали со своих самолетов. Получали мы за это только продовольствие и путевки, обо всем остальном надо было заботиться самим.

Игорь Юнг и Алеша Родзевич, узнав о всем происшедшем, направили меня из Минска в Молодечно. Поезд был битком набит, и я расположился в полупустом вагоне с надписью "только для офицеров". Пришел контроль полевой жандармерии, все с теми же бляхами. Мои проездные документы их удовлетворили, но, поскольку я был штат-

ским, то из вагона для офицеров они меня выпроводили, на мое счастье. Не доезжая до Молодечно раздался сильный взрыв, поезд остановился. На mine подорвался вагон "только для офицеров".

Был июнь 1944 года, немецкое отступление было в полном разгаре. Спустя несколько дней через Молодечно прошел поезд, в котором ехали почти все, подлежащие эвакуации члены Союза из Минска с семьями. Их было много. Они предлагали мне ехать с ними. Я отказался, я хотел остаться. Еще дня через два - советские танки были уже совсем близко - является ко мне Роман Редлих и говорит: "Ты что?" Я говорю, "Роман Николаевич, я хочу здесь остаться". - "Никаких! Драпай!". Поскольку путь прямо на запад был уже отрезан, я двинулся на север - через Вильно до Кёнигсберга и оттуда в Варшаву. Там я взял родителей и соединился с большой союзной группой около Сосновиц, в Силезии, в лагере Kaltvorwerk. Оттуда нам вскоре пришлось пешком отступать в Бреславль, бросив все вещи. Погибли и дневники, которые я тщательно вел в России.

Из Бреславля мы переехали в Австрию, в лагерь Санкт-Йоханн-ам-Вальде, о котором писал П. В. Жадан в своей книге "Русская судьба". Там было человек сто членов Союза, руководил им Игорь Юнг. Его помощник - Роман Тагезен, по прозвищу Пыж - погиб напрасно. Нас там охраняли литовцы из СС - сволочь невероятная. Роман, подвыпивши - были не то его именины, не то день рождения - вытащил у одного из них пистолет, так, что тот не заметил. Поднялся скандал, Роман угодил в тюрьму, и там был убит во время бомбежки. Игорь Жедилягин тоже погиб во время бомбежки; он спрятался под цистерну, которая взорвалась, и он сгорел вместе с ней. Когда в марте 1945 года немцы Санкт-Йоханн закрыли, одна группа членов Союза ушла через фронт на восток, примкнув к словацким партизанам. Большинство же попало в разные части формировавшейся тогда Второй дивизии РОА. В последние два месяца войны во Второй дивизии у меня было

много острых переживаний - однажды мне пришлось поставить двух пулеметчиков и угрожать немецким железнодорожникам расстрелом, если они не подадут нам паровоз и не вывезут состав с 1500 чинами дивизии на запад. Но это уже отдельная тема*.

* * *

В заключение несколько слов о дальнейших судьбах людей. Олег Лопуховский не был удовлетворен политической работой НТС. Он хотел сражаться с оружием в руках и, страдая от несчастной любви, мечтал умереть в бою. Он поступил добровольцем в ОД и был убит в стычке с партизанами под Лепелем. (Тогда же, в бою с партизанами, был убит Воскобойников, возглавитель "Лепельской республики", предшественник Каминского.) Георгий Соловьев ушел из Санкт-Йоханна на восток вместе с группой членов НТС, примкнувшей к словацким партизанам. Его брат Анатолий вернулся в Польшу позже. Оба сменили фамилии, под видом поляков получили высшее образование, женились, весть от них получила их мать, поступившая в монастырь под Парижем. Валентин Хасапов, бывший старшим группы в Брянске, коротко встретился со мной под Зальцбургом летом 1945 года. Он эмигрировал в Аргентину и в 1955 году ушел из НТС. Вместе с ним в Аргентину попал и один член брянской группы из советских граждан; но большинство последних, по-видимому, остались в России; точных сведений ни о ком из них, ни о братьях Кандиных нет.

Александра Павловича Плюско из Лепеля с дочерью я встретил после войны в беженском лагере под Мюнхеном; его жена умерла от рака во время эвакуации. Вероятно, Иванов из Орши тоже эвакуировался - немцы вывозили с

* Об НТС во время войны на территории России см. также: П. В. Жадан "Русская судьба" (изд. "Посев", 1989) и "НТС. Мысль и дело" (изд. НТС, 1990).

собой большинство служащих городских управ. Но достоверных сведений ни про него, ни про Нину и Валю нет. О Лобутине, Клёне и Мае я после их ареста во дворе Гестапо ничего не слышал; зная их характер, не исключаю возможность, что немцы перед отступлением их расстреляли.

После войны, в 1945 году, я женился. Моя жена поступила в Зальцбурге работать переводчицей у чилийского консула. Таким образом Алексей Родзевич, Олег Минаев, Борис Миллер, Сергей Зубарев, Игорь Юнг (за которого вышла замуж моя сестра) и другие члены Союза, как и моя семья, выехали в Чили. И там оказались интересные возможности союзной работы. Так, преподавая русский язык (а заодно описывая жизнь при коммунизме), несколько членов НТС завязали связи среди чилийского офицерства. Когда военные в Чили пришли к власти, наши подали им в 1973 году идею обмена политических узников в СССР на арестованных чилийских коммунистов. После сложных переговоров обмен Владимира Буковского на Луиса Корвалана в декабре 1976 года состоялся. Но к этому времени многие члены Союза из Чили уже разъехались. Миллер уехал в Лондон и стал видным деятелем НТС по связям с советскими гражданами за границей. Родзевич еще в 1961 году уехал в США и был до 1976 года председателем Северо-Американской организации НТС. Я с семьей уехал в США в 1965 году и, продолжая работать в текстильной промышленности, был казначеем местной группы НТС в Нью-Джерси до 1987 года.

Первые мемуары

Уже когда были написаны эти заметки, прочитал в "Новом мире" воспоминания Н. Е. Штемпель "Осип Мандельштам. Последние творческие годы". И ахнул! - Вот какая она была, моя Марья Венъяминовна! - Пусть эти строки встанут вместо эпитафия к рукописи. И эпитафией М. В. Юдиной. Нам бы такую эпитафию: "... Познакомил меня Осип Эмильевич и с известной пианисткой Марией Вениаминовной Юдиной, об этой встрече у меня осталось смутное воспоминание, помню только, что Осип Эмильевич очень любил ее исполнение классической музыки. (До этого Мария Вениаминовна специально добивалась гастролей в Воронеже, чтобы увидеться с Мандельштамом. ОНА НЕ ПОБОЯЛАСЬ ПРИЙТИ К НЕМУ В ГОСТИ И ИГРАЛА ДЛЯ НЕГО В СВОБОДНОЕ ОТ КОНЦЕРТОВ ВРЕМЯ)".

...С первых слов хочу предупредить Вас, что страницы эти совершенно не юбилейные.

В молодости жизнь кажется бескрайней, без начала и без конца (что в сущности и верно). Дни рождения близких со временем запоминаешь, а вот годом рождения не интересуешься вовсе. Подсчеты эти уже потом приходят, со страхом конца. Ну и, разумеется, не знаешь годы рождения знакомых. Даже самых-самых близких, почти родных. Приезжают, приходят - это так естественно. Вдруг слышишь: умер, умерла... А вот это странно. Непонятно, неестественно. Думаешь: казалось, они будут где-то рядом

всегда. Как деревья, снег и солнце. Но нет, человек - только бедный жилец на этом свете... Вот это грустно. Только подумаешь так, и опять живешь себе дальше. И дату конца тоже не запоминаешь. Нет в твоей молодости у знакомых ни начала, ни конца. Только то, что посередине. Поэтому не буду сегодня ничего присочинять. Не знал я, когда родилась Мария Вениаминовна. И не помню, когда умерла. И сколько лет ей было - тоже никогда не думал...

Анатолий Михайлович обронил на днях: 17 лет тому... Давно-о!..

Но начну по порядку.

Получив от Анатолия Михайловича Кузнецова, удивительно страстного, многолетнего и целеустремленного поклонника и биографа творчества и личности великой пианистки Марии Вениаминовны Юдиной, предложение написать воспоминания о своем знакомстве с ней, я был чрезвычайно удивлен и смущен. Во-первых, - кто я такой? На это Анатолий Михайлович мягко заметил, что вообще-то в данном случае речь идет все-таки не обо мне. Во-вторых, воспоминаний в чистом виде мне пока еще писать не приходилось; правда, как у всякого пишущего человека, многое, безусловно, рождалось именно из воспоминаний, но то была как бы их "игровая" форма, - выдуманные имена, опосредованные события... С другой стороны, мне почему-то всегда казалось, что в те времена я был весьма и весьма юн, - на проверку это оказалось большущей натяжкой. Признался я Кузнецову и в том, что с впечатлениями ранней поры жизни я не совсем в ладах и всегда просто отчаянно завидовал воспоминателям, которые споро, бодро и размашисто писали, например, так: "Как сейчас помню, ранней весной 1911 года, когда мы с отцом выходили из Летнего сада, к нам подошел поэт Блок. Было мне тогда от роду ровно семь годков..." В общем, так или иначе, я продолжал отнекиваться. Анатолий Михайлович, как я уже упоминал, тактично уговаривал, убеждал, потом, помрачнев немного от моего редкого упрямства, начал настаивать. В этот самый момент совершенно не ожи-

данно я вспомнил: О Боже! ведь в одном из эпизодов с Марьей Веняминовной (Мария - труднопроизносимое в разговорной речи имя, особенно в сочетании с отчеством; поэтому я буду называть здесь Юдину так, как при обращении называл ее я и как было принято говорить в нашей семье) я был уже чуть ли не женат!.. Все же основной свой козырь Анатолий Михайлович, как оказалось, приберег напоследок: Если Вы любили Марию Вениаминовну (а я ее обожал!), то это Ваш долг перед ее светлой памятью. И я сдался.

В действительности, если говорить как на духу, несмотря на некоторую хаотичность и фрагментарность, - особенности моей памяти, - я и без Анатолия Михайловича, других влияний и без каких-либо видимых причин часто и, как говорится, "воочию" вспоминал Марью Веняминовну. Сейчас я думаю, что причина этому - необыкновенные личностные и человеческие качества Марьи Веняминовны. В самом деле, в полной мере оценить Юдину как необыкновенную пианистку, а тем более - великого музыканта я все-таки тогда не мог, - и я сам, и время было другое. Дело в том, что пора моей юности была прямо-таки насыщена музыкальными, да и не только музыкальными, событиями и корифеями. Многие из них были в настоящем зените мастерства, опыта; я уж не говорю о славе. Мне посчастливилось (подумать только!) "вживую" слушать самого Артуро Тосканини! Правда, было это по радио, из Нью-Йорка, - одна из последних трансляций на весь мир знаменитой "Симфонии в эфире" (1). Тут уж и я могу написать: "Как сейчас помню наш старенький "Сименс", чарующие звуки сквозь потрескивание далекого эфира и ту волшебную зимнюю предрождественскую ночь (или вечер)..." Кажется, в те далекие уже времена почти что каждую неделю в нашем провинциальном, тихом тогда городке гастролировали знаменитые ныне на весь мир солисты и дирижеры - Зак, Флиер, Гаук, Ростропович, Рихтер, Гинзбург, Зандерлинг, Ойстрах, Юдина... Приезжали хотя бы изредка и выдающиеся иностранцы, например,

Стерн, Себастьян. "За" Стравинским, Бернштайном, выбирающими более крупные населенные пункты, мы всей семьей ездили в близлежащий Питер... Милиция, толпы, мраморное величие "Европейской", оглушительные овации... А у себя ходили слушать и горячо обсуждали молодых тогда Ваймана, Маркова, Арановича, Безродного, Гутникова, Климова, Светланова, Дударову. Почти все они бывали у нас дома, многие неоднократно. Особенно торжественные приготовления велись обычно к приходам Давида Федоровича Ойстраха и Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. И хотя общественная репутация у Дмитрия Дмитриевича в те послевоенные времена не всегда была вполне безупречна, но именно к его посещениям местные музыкальные деятели чаще всего предлагали "напрокат" свои сервизы и разносолы из хорошо нам знакомых "потемкинских деревень" - распределителей. Впрочем, в конце сороковых - начале пятидесятых таких смельчаков почти что не было. С едой, деньгами дома бывало по-разному. Но во все нередкие на Отечестве трудные времена с самым большим удовольствием и аппетитом "вкушал" Дмитрий Дмитриевич вареную "в мундире" картошку вместе с праной балтийской килечкой. Так и остался он у меня в памяти чистящим желтую дымящуюся картофелину "йыгева коллане" (лучший местный сорт). В последний приезд Шостаковича в Таллинн наконец-то прозревшие от многолетней борьбы со всяческими "...измами" местные власти встречали Д. Д. Шостаковича как высокого государственного деятеля - черные лимузины, "королевская" резиденция, приемы, милиция. Уж не знаю, как там себя чувствовал скромнейший, стеснительнейший Д. Д.; к нам его тогда уже не подпустили. А ведь буквально до этого самого времени, без малого три десятилетия подряд, бегал мой отец, известный эстонский дирижер, в ЦК за разрешениями на каждое исполнение Шостаковича, а также Стравинского, Шёнберга, Веберна, Хиндемита... И даже (а почему, собственно, "даже"?) самого Баха! И ведь чаще всего не разрешали. Или сначала разрешали, а накануне или прямо в

день концерта отменяли; как-то отменили даже за час до начала, - и такое помню... Да что вспоминать! Сколько десятилетий бился отец за разрешение исполнить великую ораторию Генделя "Израиль в Египте" и ведь до сих пор не добился, - название, говорят, не то...

В общем, так получилось, что и в коротких штанишках, и в длинных внимал я на концертах и в непринужденной домашней обстановке многим замечательным музыкантам и интереснейшим людям, а ближе всего, роднее Марьи Веняминовны никого не оказалось, не было. Теперь сам себе задаю вопрос: почему? - и сам пытаюсь ответить. Да, конечно, Марья Веняминовна была чрезвычайно проста и тепла в обращении. Но ведь и Д. Д. был образцом демократичности, сердечности, отзывчивости. Никто в нашей большой дружной семье никогда не забудет, какое горячее участие принял Дмитрий Дмитриевич в попытках (кстати, безнадежных) выволить моих бабушку и дедушку из сибирской ссылки кошмарных сталинских времен. Какие письма в самые высокие инстанции он писал и подписывал. А ведь это требовало необыкновенного личного мужества... А Давид Федорович Ойстрах!.. И многие другие. Подавляющее большинство. И опять-таки почти все гости интересовались моими детскими занятиями, увлечениями, школьными успехами. И делали это действительно заинтересованно, не формально. А вот Марья Веняминовна ни о чем таком никогда не расспрашивала. И мне, краснея и запинаясь, не приходилось отвечать на ее подобные вопросы и при этом обходить нередко острые углы. Она просто всё обо мне знала. Откуда уж, я не знаю. Скорее всего, от отца. Или от мамы. Заранее знала; значит, интересовалась. Может быть, мне это сейчас кажется, но она входила к нам в дом, как к себе, говорила: Уф! Запарилась совсем, - и становилось по-домашнему просто и уютно. Не было гостей, не было хозяев - была одна чуть увеличившаяся семья. И начинался праздник. Внеочередной, не календарный. Торжественные, веселые папа и мама, нарядная сестра, вкусный стол, не обыденные, интересные разговоры. По

моему тогдашнему разумению, Марья Веняминовна была бедна, сильно нуждалась. Гораздо больше, чем мы. А ведь мы жили более чем скромно. Сейчас трудно сказать, на чем основывалось это мое детское впечатление. Очевидно, все-таки на одежде. Ведь принято считать, что по одежке встречают. Так вот, одёжка на Марье Веняминовне действительно всегда была, мягко говоря, неважная. Во всяком случае, так мне казалось. Какие-то темные платья-балахоны и всегда один и тот же многолетний "бурдовый" ветеран-пыльник сверху, над которым мы порой даже уже подшучивали, а М. В. шутиливо защищалась. И еще платки, на мой взгляд, - совершенно деревенские, которые как-то очень сложно наворачивались на голову и шею и закалывались английской булавкой (удивительно: до сих пор почему-то называющейся "английской"). Большущие платки!.. А почему, собственно, "платки"? Скорее всего тоже один и тот же платок... Нет, не только "по одежке". Еще впечатление о вечной нужде Марьи Веняминовны складывалось у меня, очевидно, из разговоров взрослых. Упаси Бог! - сама Марья Веняминовна никогда не жаловалась. Она вообще была необыкновенной оптимисткой, может быть, даже в чем-то наивной оптимисткой. Всё ей виделось в более розовом цвете, чем, как я уже втайне подозревал, жизнь была на самом деле. А между тем я был и остаюсь тоже оптимистом, правда, теперь уже более реальным оптимистом. Занятная деталь: в денежных разговорах, - а при Марье Веняминовне, как при члене нашей семьи, запретных тем не было, - мне всегда чудилось, что у Юдиной какое-то несуразное представление о масштабе денег и соотношении цен. Скажем, Марья Веняминовна запросто могла бесхитростно спросить маму: Асенька, почем это платье брали? И когда мама называла какую-то сумму, как я понимал, достаточно и по тем временам скромную, рублей эдак в 30-50, - Марья Веняминовна трагически всплескивала руками и восклицала: Ах ты, Боже мой, бедная моя Асенька! И другое: я знал, что Юдина - профессор (поскольку никаких других званий у М. В. никогда не

было, это печаталось на афишах). А профессора в те времена еще считались людьми не самыми бедными, не то что сейчас; например, мой отец при жизни М. В. профессором, по-моему, еще не был. Но из домашних разговоров я так же знал, что Юдина помогает материально многим безответным людям: с несчастной судьбой, больным, просто с нищенскими рублевыми пенсиями. Случалось, я слышал, как по возвращении из Москвы, где папа всегда посещал Марию Веняминовну, он говорил маме: Ты знаешь, Юдина опять была совсем без денег, и я оставил ей всё, что у меня оставалось. Обычно это было рублей 10, может, 20 - папа Крезом, к сожалению, тоже никогда не был.

Из домашних разговоров я также знал, что М. В. с юности очень дружна с К. Г. Паустовским (2) и Б. Л. Пастернаком. Сама она о них никогда не заговаривала, кроме, по-моему, случая с Нобелевской премией. Но я иногда немножко расспрашивал ее о них; я тогда уже начинал немного пачкать бумагу и одновременно был заядлым книголюбом; кстати, тоже не без участия, а может быть, и с легкой руки Марьи Веняминовны. Как-то совершенно случайно в какой-то книге или в книгах мне попались фотографии, где Юдина была снята вместе с молодым Шостаковичем, Мейерхольдом, Маяковским и Прокофьевым (3). Знакомство Юдиной с Шостаковичем меня не удивило, я его уже несколько раз видел за нашим столом. Мейерхольд и Прокофьев тоже почему-то не поразили мое воображение. Но связь Марьи Веняминовны с самим (!!) Маяковским, помню, меня всего просто сотрясла! Наверное, при следующей нашей встрече мне пришлось приложить немало усилий, чтобы соотнести несоотносимое: нашу Марию Веняминовну и - Маяковского, а теперь... - меня!! Впрочем, не думаю, что эти затруднения с лицами и эпохами продолжались у меня во время нашей следующей встречи более пяти минут, - при душевной теплоте и "домашности" Марьи Веняминовны это было не удивительно.

Теперь об участии Марьи Веняминовны в моем книжном образовании и интересе к литературе. Не все, навер-

ное, теперь помнят, что "хрущевская оттепель" началась не с отечественной литературы, а с зарубежной; окрыленные наши писатели еще усаживались за свои письменные столы, только начал мерцать ночной огонек в Рязани, а журнал "Иностранная литература" уже печатал вещи ранее просто непостижимые, удивительные. Думаю, здесь нет особой нужды распространяться о том, какой знаток и ценитель литературы, особенно родной, была Юдина, сколько вещей до сих пор неостребованных нашей печатью или вовсе неведомых публике она прочитала еще в относительно свободные, плодотворные для писателей 20-е годы, а современные - в авторских рукописях или в зарубежных изданиях. Издалека, но определенно припоминаю, что ее основным интересом были все-таки достижения и драмы российской словесности; после ее приездов в нашей квартире всегда начинали вполголоса звучать такие странные и таинственные новые имена: Бродский, Солженицын, Тарсис... Сегодня с ними непросто. Но и во времена оттепели конца 50-х с "новыми" было сложно. Как-то Марья Веняминовна поинтересовалась при мне у родителей: А Марик выписывает журнал "Иностранная литература"? Там теперь появляются очень необычные вещи. - Папа и мама дружно объяснили Юдиной знаменитую папину теорию о том, что как раз для этой цели и существуют публичные библиотеки. Марья Веняминовна приняла это объяснение без тени сомнения, как должное; просто чуть позже как бы вскользь заметила: Там это теперь трудно доставать. - И по возвращении в Москву вскоре прислала папе квитанцию годовой подписки на "И. Л.". Папа вошел ко мне в комнату, сказал весело: Смотри, какой роскошный подарок тебе сделала М. В.! - И стали приходить незнакомые толстые книжки, где на обратной стороне почтовым карандашом были вписаны лично мои инициалы. (Сейчас фамилию и инициалы на почтах не отмечают, а тогда писали. То ли потому, что квартира у нас была коммунальная - еще 5 семей, - то ли просто в "старые добрые времена" так было принято...) Так продолжалось несколько

ко лет подряд. Мама смеялась: Марья Веняминовна в тебя влюбилась! - Эти книжки и сейчас у меня на полке. Потеряв несколько во внешнем блеске и глубине содержания, они год от года полнятся моей любовью и благодарностью к незабываемой "бедной" Марье Веняминовне.

А теперь о Нобелевской премии. Передаю своими словами рассказ М. В. Юдиной: ...Вскоре после присуждения Борису Леонидовичу Пастернаку этой почетной международной награды за неизвестный в нашей стране и тем не менее уничтожаемый прессой роман "Доктор Живаго" в Москву с официальным визитом приехал английский премьер-министр Гарольд Макмиллан. К тому времени о трудной судьбе Пастернака писали на Западе самые невероятные и противоречивые вещи. Поэтому не удивительно, что высокий английский гость выразил Н. С. Хрущеву свое желание посетить новоявленного лауреата. Макмиллан, очевидно, был человек не без хитрецы. Он весьма здраво рассудил, что как бы ни сложилась к тому времени жизнь писателя (возможно, предполагая худшее!), от этого визита ему должно стать существовать легче. Хрущев, тоже человек с хитринкой и не без гуманистических наклонностей, охотно согласился, полагая заодно придать слухам о Пастернаке желаемую направленность. И на всякий "пожарный" случай напросился в гости сам. Уполномоченные на то лица срочно созвонились с писателем, условились о дне и часе визита столь высоких и столь же неожиданных гостей. Между прочим, поинтересовались: не нужно ли чего раздобыть и доставить?.. - Весьма растерянный и напуганный таким оборотом событий Борис Леонидович ответил, что нет, ничего не нужно, в доме всё есть... - Всё в порядке, всё договорено. И вот в назначенное время кортеж автомашин остановился у дома в Лаврушинском. Правда, уже поначалу случилась одна накладка - в этот день в доме как назло не работал лифт. Пыхтя и чертыхаясь, высокие гости полезли наверх. А на лестничной площадке уже всюю трезвонили в дверь Пастернаков "мальчишки", стремглав забежавшие вперед. Дверь не отпира-

лась. "Мальчики" начали нетерпеливо постукивать увесистыми кулачками, потом стеснительно забухали ногами. Гости неловко топтались по площадке, боясь взглянуть друг на друга. Наконец на шум и гвалт выглянули соседи, увидели знакомые по газетам лица, страшно сконфузились, сдрейфили и еле слышно пробормотали (вышло это, как в плохом театре), что Борис Леонидович и Зинаида Николаевна еще днем вышли куда-то с чемоданами. - Какой страшный конфуз! Просто международный скандал!! Вот подлец! Напугался английских расспросов и сбежал, а нас перед всем честным миром опозорил! Что он-то, англичанин этот, обо всем думает?.. Опять, наверное, гадости всякие про этот спектакль, лагеря и тюрьмы?.. - наверное, приблизительно такой был внутренний монолог у Никиты Сергеевича. Но вслух он сказал твердо: Отыскать! Звоните, ищите, езжайте в Переделкино, или как там его?.. Чтoб через час нашли, - и добавил, как обычно, почти беззлобно. - Головы оторву!.. - А вот что думал английский премьер, с ехидной, страшно вежливой улыбкой спускаясь назад по крутой лестнице, я даже в страшном сне не могу себе вообразить.

Самые тщательные поиски по всей Москве и Подмоскoвью результатов никаких не дали. Пастернаки словно сквозь землю провалились. Потом, когда все было уже вполне бесславно окончено, выяснилось, что они просто-напросто сбежали в Ленинград к знакомым, чтобы избежать тягостной необходимости говорить то, что не думаешь. - Отплатил-таки Борис Леонидович Хрущеву за "Живаго", - смеялась Марья Веньяминовна, рассказывая за столом эту историю по горячим следам. - Испортил-таки советско-британские переговоры! А что ж, и поделом. Не плюйте, Никита Сергеевич, в писателей, - пригодится водицы напиться!

Чуть-чуть о внешности Юдиной для тех, кто не видел ее хотя бы на фотографиях. Судя по ним, Марья Веньяминовна не была хороша собой и в молодости. Даже - совсем не хороша. Простецкое, очень круглое лицо, прическа безо

всяких женских затей, всё те же вечные балахоны. С возрастом, к моему знакомству с ней, ее лицо и фигура еще более расплылись, как-то совсем "обабились". Правда, всё это моментально забывалось, когда Юдина сидела на сцене за роялем. Это было с рождения ЕЁ место! Крупная, просто монолитная, как собственный памятник, она высекала из инструмента звуки и - хочется добавить - искры такой неиссякаемой, даже уже какой-то не мужской силы, что это казалось просто невероятным. А ведь тогда было с кем ее сравнивать! Кроме того, почему-то мне в голову всегда приходило сравнение Юдиной с Бетховеном. Да, наверное, и не мне одному. Таким могучим, упорным, бесстрашным был в моем представлении великий глухой маэстро. И эта же "стальная" мужеподобная женщина ворожила на концертной эстраде такую мягкость, неиссякаемую нежность, такую щемящую боль и тоску, что просто хотелось плакать.

Мне сейчас тяжело слушать Марию Веняминовну на пластинках, пленках, на всех этих музыкальных "консервах". Должно быть, ее отсутствие, сознание вечности и непоправимости этой утраты вызывает у меня теперь этот горький бессильный протест. А может быть, и инстинктивное воинствующее неприятие кратковременности, почти мгновенности нашего земного бытия. Я ведь неверующий, и мне, к сожалению, очень трудно вообразить себе дорогую Марию Веняминовну пьющей чай за другим столом или играющей на рояле где-то далеко за пределами моих земных представлений. А Мария Веняминовна была верующей. Я это хорошо помню, хотя вопросы эти за общим столом и не поднимались, потому что однажды в отсутствие М.В. на мой непосредственно-детский вопрос: Еврейка ли Юдина? - папа ответил: Что ты, она же верующая! - Признаться, я тогда так и не понял, какая связь между верой и национальностью, переспрашивать постеснялся, но память этот момент запечатлела. Вообще я был крайне застенчивым, стеснительным пареньком, что-то от этого сохранилось и в более зрелые годы. Я уже говорил о том,

что Марья Веняминовна выглядела, мягко говоря, странно. Однажды, в один из последних приездов Юдиной в Таллинн, я получил от папы задание встретить ее после репетиции (по-моему, сольного концерта, без сопровождения оркестра) и проводить к нам домой. Дело было днем, на улицах, как обычно, была масса народа. Признаться, перспектива появления на людях со столь эксцентричной, необычной спутницей меня не очень обрадовала. Я предпочитал в те времена показываться публично более с молодыми и эффектными особами. Но делать было нечего, и я печально отправился выполнять отцовское задание. Удивительное дело - до сих пор я не могу вполне убедительно объяснить свое последующее состояние. Более легко, приятно, светло, одухотворенно я не чувствовал себя ни с одной самой симпатичной и оживленной подружкой. Я с огромным удовольствием и гордостью гулял бы с Марьей Веняминовной по самым людным таллиннским улицам и площадям не день и не два. Путешествие же наше было, к сожалению, очень непродолжительным - чуть больше прямого пути от Филармонии до дома. "Чуть больше" потому, что мы шагали зигзагами - от одного автомата с газированной водой до другого, иногда между ними было всего метров 30. Я, конечно, знал, что у Юдиной сахарный диабет, но никогда не предполагал, что эти больные так часто и так много пьют. Мы быстро исчерпали совместные запасы копеечек и разменивали их во всех попадающихся на пути газетных киосках. Помню, что, приведя Марью Веняминовну к нам домой, я сказал отцу очень взволнованно: Ты знаешь, папа, Марья Веняминовна сейчас совсем больна, ей тяжело ходить и она непрерывно пьет воду из газированных автоматов! - Я знаю это, сынок, - печально ответил папа. В этот или совсем уже в последний приезд Марья Веняминовна, тоже на улице, упорно пыталась вручить мне 3 рубля, чтобы я купил своей невесте духи (!). При этом Марья Веняминовна сказала, что она понимает некоторую недостаточность этой суммы, но, к сожалению, больше у нее сейчас нет. Я мягко, но упорно отговаривал

Марью Венъяминовну от этой затеи, памятуя, кроме всего прочего, о ее бедности. Уверял, что деньги у меня есть (что скорее всего была неправда), что моя невеста не душится советскими духами (что была чистой воды правда), наконец, что у нее полно французских духов (правда весьма относительная). Тем не менее напор и упорство милой и всегда такой мягкой Марьи Венъяминовны были на этот раз необыкновенными, невероятными. - Я хочу сделать ей подарок! - упрямо повторяла Юдина. - Я этого хочу! - Марья Венъяминовна, ну давайте в следующий раз, - отговаривал я ее. - У меня следующего раза может не быть, - не отступала Юдина. В смысл невероятного подтекста я, конечно, тогда не поверил. А сейчас не помню, к сожалению, чем кончился этот наш уличный поединок (4). Во всяком случае, смятая зеленая бумажка много раз переходила из рук в руки. Вообще, зная мою будущую жену абсолютно поверхностно, Марья Венъяминовна называла ее необычайно нежно, ласкательно, подчеркивая это всем - и интонацией, и суффиксом "...чка". Беседуя о ней наедине со мной (о ней - только наедине!), всегда пыталась или добрым словом, или каким-то немудреным советом содействовать моей намечающейся семейной жизни. Помня эти такие короткие, но важные уроки Марьи Венъяминовны, я на всю жизнь взял себе за правило: людей только сводить, потому что разойдутся они всегда сами.

Помню длинную, чуть ли не многолетнюю историю с одним сольным концертом Юдиной в Таллинне. Конечно, мы всей семьей были на нем. Во время исполнения Марья Венъяминовна почувствовала себя неважно (очевидно, было что-то ей хорошо знакомое, диабетическое), и какую-то небольшую часть объявленной программы она не смогла доиграть. Я особо подчеркиваю - очень небольшую часть. После этого печально незавершенного концерта мы, как всегда, сидели все вместе у нас дома на Пярну-маантээ. Марья Венъяминовна сказала, что концерт она должна переиграть. - Ну, переиграть, так переиграть. Кто же откажется еще раз пойти на концерт Юдиной? Да и просто

видеть ее в нашем доме было для всех одно удовольствие. - На том и порешили... Затем заочно происходили какие-то долгие переговоры между нашей Филармонией и Юдиной. Что-то не получалось, не выкраивалось у Филармонии, что-то у Марьи Веняминовны. - Концерт всё откладывался и откладывался. А тем временем деньги за концерт непрерывно путешествовали из Таллинна в Москву и обратно в Таллинн: Юдина их категорически не принимала. Филармония так же категорически не могла их не заплатить. Звонили из Филармонии папе: Уговорите Юдину принять деньги, мы не знаем, что нам с ними делать! - Писала папе из Москвы Марья Веняминовна: ...Я эти деньги НЕ ЗАРАБОТАЛА!!! - письма с массой выделенных, подчеркнутых слов, вопросительных и восклицательных знаков. Не помню уже точно, чем вся эта история закончилась. И даже не помню, состоялся ли повторный концерт или нет. Помню только, как папа убеждал Юдину (то ли по телефону, то ли в моем присутствии в Москве): Марья Веняминовна, Вы не доиграли всего каких-то 15 минут программы, возьмите эти несчастные деньги, войдите в их положение. Они ведь действительно не знают, что с ними делать! - (А денег, из-за которых такой сыр-бор - всего-то рублей 40-50). - Нет! Я не могу их принять, я обманула публику, не доиграла программу. - Помилуйте, Марья Веняминовна, и публики-то было всего человек сто, не больше... (Грустно вспоминать теперь, но это правда. Когда-то в Таллинне сольные концерты даже САМОЙ Юдиной собирали обычно человек 70-100 слушателей, особенно на программах из новой, "серийной" музыки, которую Марья Веняминовна чуть ли не единственная во всей стране в то время очень любила популяризировать; больше - крайне редко. Справедливости ради должен сказать, что на выступления солистов с оркестром ходили тогда хорошо. Избалованы, но и воспитаны были тогда таллиннцы первоклассными гастролерами. Сейчас картина, увы, другая, и гораздо печальнее - 20-30 человек на сольных и человек 70 на симфонических концертах. Легче всего винить в этом,

конечно, публику. Но ушли из жизни великие колоссы прошлого, и до сих пор некому их заменить.) - На это Марья Веняминовна ответила так: Даже если бы был один человек!.. - Такая чудная была эта незабываемая женщина.

Всего дважды бывал я дома у Марьи Веняминовны. В первый раз папа долго вез меня по Москве куда-то в район Тимирязевской академии (теперь я живу здесь неподалеку). Помню мрачный деревянный дом, совершенно деревенский, скрипучую лестницу на второй этаж, бревенчатые стены. Низкий потолок, довольно большую комнату. Единственную. Кривые подслеповатые окошки. Чуть ли не рукомойник на стене... (И веселый возглас Марьи Веняминовны: Марик, Вы разве не знаете, Москва - это ведь просто большая деревня!) И - каким-то чудом затесавшийся сюда большой черный рояль. Кажется, даже "Бехштейн". Сейчас чудится мне, что была в комнате еще приветливая пожилая женщина (несмотря на всю ее приветливость, я сразу определил ее про себя, как "учительницу") - секретарша Марьи Веняминовны. По-моему, через очень короткое время она извинилась и ушла куда-то по делам, и мы остались втроем. С этой самой секретаршей была у меня раньше маленькая история. Помнится, услышав как-то раз у нас дома о том, что у Юдиной есть секретарша (у папы секретарши не было, у Давида Федоровича Ойстраха - тоже вроде бы нет, у самого Д. Д. - опять нет, а у Марьи Веняминовны - есть!..), я выразил свое крайнее удивление: Она ведь такая бедная, откуда у нее может быть секретарша? - Родители мне тогда объяснили, что это только так называется - "секретарша", на самом деле это какая-то далекая бедная родственница, которой Юдина помогает жить. А та, в свою очередь, в благодарность за это ведет ее дела и хозяйство. - Такое объяснение вроде бы меня немножко успокоило... По-моему, комната была тогда перегороджена раздернутой при нас ситцевой занавесочкой, а у одного окошка стояла тщательно застеленная металлическая кровать. Кровать была явно с "панцирной" сеткой, - мне такие очень не нравились. В воздухе сильно

пахло кошками, две или три представительницы этого не самого любимого мной племени лениво бродили по полу посреди каких-то мисочек и блюдец с молоком и остатками еды. Еще две-три кошки сидели или слонялись по комнате и лестнице. Я еще задолго до этого визита был наслышан, весьма заинтригован чуть ли не двадцатью кошками, живущими у М.В. Но всех в тот день в наличии не было. Сначала секретарша, а затем, когда она ушла, сама Марья Веняминовна предлагали "собрать чаек". Папа решительно отклонил это предложение, твердо заявив, что мы только что пообедали (чего на самом деле не было; и опять я четко определил про себя: не хочет "разорять" М. В.). Затем Юдина и папа принялись в подробностях, по клавирам, обсуждать какие-то сонаты, по-моему, Хиндемита, а чтобы мне не было скучно, Марья Веняминовна предложила мне посмотреть несколько книжек. Книжки были маленького, "карманного" формата, изданные за границей. Со стихами. По-моему, Гумилева, Мандельштама и Ходасевича, может быть, и еще кого-то. Книжки эти меня не слишком заинтересовали, - стихами я тогда еще не очень увлекался, - немножко полистал для приличия и отложил. - Стихи мы в школе "проходили". От нечего делать начал осматриваться в комнате и прислушиваться к разговору папы с Марьей Веняминовной. Они довольно громко, взволнованно обсуждали "серийную" музыку...

Несколько слов о Хиндемите, Шёнберге, Берге, Веберне и других новых тогда в нашей музыкальной жизни композиторских именах. До самого конца своей жизни Марья Веняминовна увлекалась современной музыкой. Когда началось у нее это увлечение, - не знаю, думаю, что задолго до моего с ней знакомства. Хочу еще раз напомнить тем из вас, кто, возможно, не вполне серьезно оценил мое предыдущее предостережение: интерес, а тем более пропагандирование сочинений этих композиторов ни к чему хорошему у нас тогда не приводили; это в полной мере, как и Юдина, испытал и мой отец, причем, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Самое удивительное во всем

этом, что те, кто не занимался никогда конъюнктурой, не "колебался вместе с политикой партии" - по замечательному выражению Д. Д. Шостаковича, и всегда рисковал не только хлебом насущным, но и самой своей судьбой в долгие десятилетия жесточайших сталинских репрессий и так называемого "периода застоя", по-настоящему не реабилитированы до сих пор. Я говорю сейчас и о мертвых, и о тех, кто пока еще жив. И то, что несмотря на всю свою поистине всемирную славу, великая пианистка Мария Веняминовна Юдина явно не поощрялась при своей жизни всяческими ничтожными администраторами и политиками от искусства, как это теперь принято говорить - имела *не ту* "общественную репутацию", во многом, если не во всем, следствие этих ее музыкальных пристрастий и симпатий. С другой стороны, сегодня я очень сильно подозреваю, что в какой-то степени Марья Веняминовна особо благоволила к этим, безусловно, весьма замечательным, но все же не столь великим, как вечные классики, именам в пику тем, кто так упорно претендовал, да и сегодня еще пытается претендовать на истину в последней инстанции. Вы знаете, что эта черта в характере Марьи Веняминовны мне сегодня особенно дорога и даже завидна. Многие ли из нас, простых людей, могут быть так бесстрашно-самоотверженны, так стойко равнодушны к бесчисленным благам обеспеченной жизни, даже если и полагают, что наш земной путь - это только часть всего пути?.. - Вряд ли... А, может быть, Марья Веняминовна думала о посмертном величии, о той вечной славе, которая к ней все-таки прикоснулась уже своим краешком и которая еще впереди? - Уверяю Вас, что нет. Она и о земных-то таких глупостях нисколько не думала.

С ранней юности Марья Веняминовна дружила с Игорем Стравинским и, когда стало возможным переписываться с заграницей не, так сказать, теоретически, а более-менее безопасно - так, приблизительно года с 57-го, начала получать от него и многих известных музыкальных издателей Запада все последние новинки. Тогда это опас-

ливо называлось "серийной" или "додекафонической" музыкой. Я в ней, честно говоря, мало что понимал и не очень ею интересовался, хотя запретный плод, как известно, сладок. Но с общими принципами такого рода сочинений был отцом по моей просьбе ознакомлен. На мой, не слишком просвещенный взгляд, музыка эта была весьма неблагозвучна и резковата, хотя, скажем, "Последний из Варшавы" Шёнберга, сочинение, которое папа исполнил первым в стране, на меня произвело-таки сильное впечатление. Но высидеть целый концерт из произведений Хиндемита или, скажем, Веберна (не путать с Вебером!) для меня было, мягко говоря, нежелательным. То ли дело - Бетховен! Или Шуман! А это - действительно - "Сумбур вместо музыки" (извините, - сталинский термин). Не могу сказать, что к сегодняшнему дню я в этом смысле сильно перестроился. Но, пожалуй, начал уже понимать, что искусство - это не значит обязательно "красиво". Знаете, такой яростный мещанский вопль: "Сделайте нам красиво!!" Вообще, многолетние установки на красоту в искусстве (неважно, в живописи, кино, музыке или в литературе) принесли всем нам гораздо больший вред, чем до сих пор принято считать. И не только в духовной сфере или в сознании. Появился и все более увеличивался мощный разрыв между реальной жизнью, где, к сожалению, не все так благополучно, красиво, - и искусством. Искусства перестали отражать жизнь в ее многообразии, превратились в какую-то сказку для детей, даже не для взрослых. А потом и в прямой обман. В конечном же счете - в самообман. Перестали в действительности быть нужны нашему народу. Переродились в нечто наподобие алкоголя - для забвения, отвлечения, какого-то "кайфа", дурмана. Как наркотики.

Конечно, обращение Юдиной к так называемой современной музыке было в те времена, с одной стороны, протестом против ограничивания творчества "от сих - до сих". Но, с другой стороны, - попыткой большого художника найти в этой вроде бы некрасивости, неправильности

какой-то "шифр", свои собственные законы; а также скрытое очарование, мелодику, важные и нужные современные мысли. Решить своего рода авторский ребус, некую музыкальную математическую шараду. Не могу судить вполне квалифицированно, но думаю, что всем этим композиторам должно было быть ясно (разумеется, тем из "новых", которые были еще живы), что с таким интерпретатором своих сочинений, как Мария Юдина, им необычайно повезло. Такое необыкновенное везение имело помимо удовольствия для слушателей и науки для будущих интерпретаторов совершенно уже конкретное музыкально-историческое содержание: эта авангардистская музыка впервые зазвучала по-настоящему интересно, ярко. Мария Вениаминовна Юдина извлекла из нее лежавший под спудом максимум. В этих ранее абстрактных "математических" рукописях послышалось современникам то разумное, доброе, вечное, о чем, возможно, не догадывались даже авторы этих сочинений, когда их писали. Рискну утверждать, что большую часть своих коллег-скептиков Мария Юдина своей "серийной" музыкой убедила. Убедила она и моего далеко не такого уж легковверного отца, воспитанного последовательно в Таллиннской, Берлинской и Ленинградской консерваториях прежде всего на образцах высокой классики.

И начались долгие годы отчаянной отцовской борьбы теперь уже "за додекафонию". За Хиндемита, Шёнберга, Веберна, Берга, нашего молодого Пярта. И за Стравинского. Конечно, Стравинского сегодня никто не называет додекафонистом. Вообще-то, в своем более чем полувековом творчестве, как и почти все композиторы нашего века, он какое-то время действительно увлекался "серийностью" и даже написал несколько произведений в этом стиле. Но в те времена, о которых я говорю, слово "додекафонист" не имело прямого отношения к манере письма, музыкальному языку композитора. Это было просто-напросто ругательство. Ругательство очень крепкое, да к тому же с опасным политическим душком. Почти тот же донос. Если бы Игорь

Федорович жил у нас, ему скорее всего сильно не поздоровилось бы; - как? - затрудняюсь даже вообразить, - вариантов для "неверных" было у нас множество. А так - просто облаивали через границы: "додекафонист!", "модернист!", "эмигрант!". Иногда даже с приставкой - "бело..."! И тем не менее впервые в СССР отцу с невероятным трудом и даже риском удалось пробить и исполнить "Весну священную" Игоря Стравинского - самое знаменитое его произведение, "визитную карточку" нового века. Это был настоящий праздник русской и советской Музыки! А затем - и многое-многое другое. Хорошо помню в "Советском искусстве" (или газета уже называлась "Советская культура", - переименование в своем роде тоже знаменательное) гневный ответ редакции известному американскому дирижеру и композитору Леонарду Бернштайну (вообще-то - Бернштейну), который в своей лекции на публике перед началом концерта в зале Ленинградской филармонии посмел заявить, что-де советским слушателям музыка Игоря Стравинского вообще неизвестна. - Газета сердито отчитывала именитого зарубежного маэстро, что он или клеветает на СССР, или глубоко заблуждается, что, мол, в частности, совсем недавно, и не где-нибудь, а в каком-то провинциальном Таллинне под руководством дирижера Романа Матсова была исполнена его "Весна священная"... Всё правда. Кроме одного "пустяка" - "в частности". Потому что исполнение это было первое и тогда вообще единственное в нашей стране. И к тому же, если бы Вы только знали, какой кровью!!.. - В общем, влияние Юдиной на музыкальные интересы отца было неоспоримым. Поверьте, одними словами здесь убедить невозможно. Юдина убеждала своим исполнительским и музыкальным гением.

Прошли годы. И вот мы с отцом опять в гостях у Марьи Веняминовны. Новый адрес. Новая квартира. Высокий, огромный дом на Смоленской набережной. Если подойти к окну, то далеко-далеко внизу и наискосок - видна Москва-река. Этаж, по-моему, был восьмой. А квар-

тира... Ну что ж, квартира как квартира. Современная, неинтересная. И тоже однокомнатная. По-моему, была она в то время еще не совсем обжита. Как ни безразлична была всегда Мария Веняминовна к одежде, еде, бытовым удобствам, мебели, а - соответственно - и к деньгам, но какой-то определенный уют ей, безусловно, хотелось иметь. - Женщина все-таки. Я ведь хорошо помню, как восхищалась Марья Веняминовна нашим домом, как восклицала каждый раз: Асенька! Как у вас мило, уютно! Вы просто домашняя кудесница! - Такой ей казалась наша более чем скромная обстановка. И ведь говорила это Марья Веняминовна не только для того, чтобы сделать маме и всем нам приятное. Лукавить Марья Веняминовна не любила.

Здесь уюта не было. Не было даже минимального внешнего достатка. Помню, что когда мы пришли, у Марьи Веняминовны были в гостях сын композитора Прокофьева Олег и двое его детей. Затрудняюсь сейчас сказать, сколько лет было тогда мальчикам, - может быть, 5 и 8? Одного из них звали в честь знаменитого деда - Сережей. Олег Прокофьев по профессии художник; насколько я в курсе, живет он сейчас в Англии. Марья Веняминовна со всей страстью неистраченного материнского сердца обхаживала мальчишек. Секретарши в этот раз я уже не помню, по-моему, ее не было в живых.

Большая, одинокая, гениальная женщина медленно уходила в вечность.

И еще несколько слов.

Прошелестела у нас в последнее время прелюбопытная дискуссия: нужны ли нам почетные звания, лауреатства, награды? - На Западе-то их почти что и нет. То есть нужны ли в нашем варианте поощрения за труд, талант, новаторство?.. А почему бы и нет? Разве умеем мы благодарить друг друга как-то иначе, оценивать заслуги, осуждать подлецов? Разве живем мы без вечной нужды, купаемся в услугах и комфорте? - Но! - И вся беда в этом, - кто и как считает эти заслуги. Ведь ошибаемся-то сплошь и рядом.

Если так и дальше пойдет - закричу: Нет! Не нужны! - Много лучше оставить без наград сто человек, чем обойти хотя бы одного достойного.

А совсем уж недавно уважаемое Министерство культуры изобрело просто изумительную новацию: не давать почетные звания "за выслугу лет", к юбилеям и так далее. - Ничего остроумнее не смогли придумать! Разве же в этом дело, дорогие товарищи? Дело в том, КАКАЯ это "выслуга". Дело в том, ЧЕЙ это юбилей. Служил ли честно человек народу нашему или, напротив, прислуживался. Интересно, как могли считать себя члены СП писателями и тем более поэтами, когда сам Борис Леонидович Пастернак таковым "не считался". Как могут считать себя наши музыканты народными артистами, когда Мария Вениаминовна Юдина не была даже заслуженной.

Впрочем, есть одно спасительное средство. Примите его как мое предложение: давать почетные звания даже не за "выслугу лет", а просто-напросто ПОСМЕРТНО. Дают же так ордена и медали, лауреатства и Героев. Почему же не ввести в действие статус народного артиста тоже посмертно. Когда совесть наша не чиста, тогда всех нас бередит чувство неудовлетворенности собой - то ли собственной слепотой, глухотой, то ли безвкусицей. А может, и трусостью. Сколько наворочали мы ошибок в оценке собственных явлений культуры, - трудно даже вообразить. Сколько бессмертных наших гениев ходили под топором политиканов или с клеймами "упадочничества", "космополитизма", "аполитичности". Перестройка - это перестройка и памяти. Восстановление истории страны немыслимо без восстановления истинной истории культуры.

Музыковеды часто вспоминают анекдотичный случай из истории музыки, когда в Консерваторию, кстати, носящую теперь имя Джузеппе Верди, сам Верди не был принят. Литературоведы - еще более близкую и более грустную для нас историю о том, как в начале 50-х годов в Литературном институте им. Горького работал в качестве дворника мало кому тогда известный Андрей Платонов, как

стало совершенно ясно после недавних публикаций - один из величайших гениев Земли Русской.

Не думаю, чтобы сегодня эти невероятные случаи бросали тень на Консерваторию или Институт. Тень падает на всех современников, на всю страну.

И еще одна маленькая история, уже из моей памяти. Как раз в те годы я часто приезжал с родителями в Москву и жил тут в Собиновском переулке в трех кварталах от так называемого Дома Герцена (тогда и поныне - Литературного института). До сих пор не могу избавиться от тягостного ощущения, что я видел во дворе маленькую, согбенную, закутанную в шарф, зябко кутающуюся в ветхое пальтишко фигуру немолодого человека с метлой и совком в руках, еле прикрытых дырявыми нитяными перчатками. Это смутное, неясное воспоминание часто берет душу. Как будто в этом часть и моей вины.

Вот и все то небольшое, что сохранила о Марье Веняминовне Юдиной и вокруг нее неверная память и что я попытался как-то поведать Вам.

И последняя деталь: пианисткой М. В. Юдиной у нас все-таки так крепко дорожили, что ни разу не разрешили ей концерттировать или хотя бы просто поехать за границу.

Москва, ноябрь 87 г.

Р. С. Прочитал эти заметки мой отец и сказал, что он трижды пытался своими возможностями "вывезти" Марию Юдину за границу; три раза с интервалом в годы ставил ее в программы своих зарубежных гастролей. Первый раз - в Румынии на рубеже шестидесятых, в первую "оттепель". Тогда Госконцерт отправил в Бухарест вместо пианистки Юдиной виолончелиста Хомицера. Второй раз - в Германии (ГДР). Госконцерт вторично без каких-либо объяснений произвел замену, причем в самый последний момент, - отец не помнит на кого. Третий раз - в Польше. Юдиной опять не разрешили выезд. Вместо нее играла польская пианистка. Зато по нашей стране отец и Мария Вениами-

новна гастролировали часто и много - от западных окраин и до самого Хабаровска.

А Анатолий Михайлович Кузнецов по этому же поводу рассказал мне, как долго и упорно, чуть ли не месяц, рекламировались по всему Парижу предстоящие гастроли великой Юдиной; чуть ли не десять концертов подряд. И как за неделю до начала выступлений все афиши были заклеены длинными бумажными полосками с надписью: "Из-за болезни Юдиной концерты отменяются". Об этом рассказывали побывавшие в это время во Франции советские музыканты. А сама Юдина в силу своего крайнего нелюбопытства узнала об этих намеченных и затем отмененных концертах несколько месяцев спустя и притом совершенно случайно. - Комедия!.. В связи с этим вспоминаю совершенно аналогичную историю с отцом. В конце пятидесятых годов с великим трудом бдительные "инстанции" дали, наконец, согласие на его первую поездку за границу, кстати, в Социалистическую Румынию. Должны были ехать вместе отец и наш замечательный баритон Тийт Куузик. За несколько дней до отъезда загранпаспорт получил один Куузик. Он и поехал в Бухарест на единственный оставшийся у него сольный концерт. А по возвращении рассказал, что все афиши их совместных с отцом выступлений были заклеены всё теми же полосками с сакраментальной надписью: "Из-за болезни Матсова - отменяются". - Ну что тут скажешь? - Берегут наши творческие кадры, ох как берегут! Человек даже не подозревает, что он болен, а соответствующие органы об этом уже знают.

Р. Р. S. Затем прочитала рукопись мама и сказала: С теплотой и сочувствием написано. - С сочувствием к кому, мама? - переспросил я. - С сочувствием к Марье Веняминовне, конечно! - Очень я тут удивился: Я же совсем не об этом писал, мамочка! Не с сочувствием к Марье Веняминовне, а с восхищением! Чему же тут сочувствовать? Таланту, душевному дару? - Не-е-ет, что ты... - бедности.

Ну и тому, что Париж так и не повидала... - Мама, ведь ты же прекрасно знаешь, что не страдала Марья Веняминовна от бедности. Она была ВЫШЕ этого. И без Парижа не скучала... - Да, но все-таки... - Значит, что-то не получилось у меня. Я ведь хотел, чтобы сочувствие вызвали мы сами, не умеющие ценить своих гениев, создавать им приемлемые условия для работы, для долгой творческой жизни. На благо всех нас! Об этом я пытался написать. Только об этом! А если не получилось, наверное, в этом моя вина... И еще мне очень, просто очень хотелось, чтобы воспоминания эти не были обращены в прошлое, а устремлены в будущее. Умным людям учиться на своих ошибках никогда не поздно. Даже через 70 лет...

ПРИМЕЧАНИЯ (или сноски под страницами для ленивых):

1. "Симфония в эфире" - официальное название созданного в конце 30-х годов в Нью-Йорке великим итальянским дирижером Артуро Тосканини оркестра Эн-би-си специально для первых в истории всемирных радиотрансляций произведений мировой симфонической и оперной классики.

2. Из биографических материалов М. В. Юдиной, собранных А. Кузнецовым, следует, что начало знакомства и дружбы М. В. с К. Г. Паустовским относится к первым послевоенным годам; разумеется, юностью Юдиной и Паустовского это время назвать никак нельзя. В свое оправдание хочу заметить, что в детских моих впечатлениях (очевидно, как и у многих) времена и даже целые эпохи несколько смещены со своих законных мест, и события 40-х годов показались мне такой седой древностью, что безусловно свидетельствовали о юности героев.

3. По свидетельству А. Кузнецова, в иконографии М. В. Юдиной таких фотографий, к сожалению, нет. Скорее всего, в данном случае со мной произошла зрительная абберрация. Прочитав в каком-то издании (дети, как и женщины, чрезвычайно подвержены эмоциональному воздействию печатного слова) о знакомстве Юдиной с молодыми Шостаковичем, Мейерхольдом, Маяковским и Прокофьевым, я был настолько увлечен этой "картинной", что нарисовал ее в своем воображении в виде не просто текста, а вполне реальных фотографий.

4. Рассказал "...очке" про "Воспоминания" о М. В. "...очка" спросила: А про свечку написал? - Нет, а что за свечка? - Марья Веняминовна мне однажды свечку подарила, церковную. - А когда это было? - Года я не помню. Она мне тогда еще духи, кажется, хотела подарить, но ты отказался. Вот тогда она и подарила свечку... - Действительно, что-то такое припомнил... Стало быть, от трехрублевой ассигнации я все же отбился и вместо духов М. В. подарила "...очке" свечку. Свеча была, очевидно, не простая, а "освященная". Или из какого-то знаменитого московского храма. Будучи последовательно - пионером, комсомольцем, просто "советским человеком", а значит - атеистом (воинствующим - никогда не был и в детстве вместе с тетей Катей частенько посещал храм Божий; пионером, правда, - уже отказывался), к церковным реликвиям я относился равнодушно, даже если они и были от М. В. Поэтому и не запомнил этого. Сейчас припоминаю, что М.В. несколько раз присылала мне с отцом церковные просфорки, я их еще с тетей Катей пробовал, не понравились - совершенно пресные, безвкусные. Очевидно, передавались просфорки и для "...очки".

Михаил НАЗАРОВ

Эмиграция и война*

II.

Но вернемся к эмиграции - к той ее части, которая сочла невозможным уклониться от военного участия в Русском Освободительном Движении и разделила его трагедию.

Если в "Русском корпусе", в РННА и у Хольмстона-Смысловского командный состав состоял в основном из старых эмигрантов, то среди офицеров РОА подавляющее большинство было недавними советскими, поскольку они вообще количественно преобладали. К тому же эмигранты, "пожилые офицеры, в большинстве своем отстали от последних достижений военной науки, а переучиваться им было нелегко"¹, - отмечает Хоффманн.

Тем не менее, Власов ценил политический опыт эмигрантов и ввел их в свое ближайшее окружение: полковника И. К. Сахарова (сделав своим адъютантом) и подполковника А. Д. Архипова - оба они имели опыт войны у ген. Франко. Начальником личной канцелярии Власов назначил полковника К. Г. Кромиади (полковой командир царской армии), офицером для особых поручений - М. В. Томашевского (во избежание упреков в карьеризме он отказался от звания майора РОА). Комендантом штаба некоторое

* Продолжение. Главы из книги "Миссия русской эмиграции" (готовится к печати в московском издательстве "Столица"). См. ч. I в "Гранях" № 161 (3), 1991.

время был полк. Е. В. Кравченко; начальником отдела кадров штаба вспомогательных войск - Шоколи (полковник царской армии). Известный военный историк ген. Н. Н. Головин незадолго до своей смерти разработал Устав внутренней службы РОА. Медицинским отделом руководили проф. В. Н. Новиков и А. Р. Трушнович (оба из Югославии).

В штабе военно-воздушных сил РОА "находился генерал-майор царской армии П. Х. Попов с группой эвакуированных из Югославии кадетов младших классов "1-го Русского имени Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса", из которых старший лейтенант Фатьянов сформировал взвод особого назначения [для охраны. - *М. Н.*]. При назначении на командные посты генерал-майор Мальцев руководствовался исключительно интересами дела, не проводя никаких различий между бывшими советскими офицерами и офицерами царской или добровольческой армий времен гражданской войны, предложившими свои услуги РОА. Штаб должен был приступить к работе в ближайшее время - поэтому большинство вакансий заняли старые эмигранты, хотя среди боевых офицеров они составляли меньшую часть. Среди эмигрантов выделялась группа бывших царских офицеров, которые в промежутке между войнами служили в армии югославского короля, а затем - в Русском корпусе: полковники Л. И. Байдак и Антонов, подполковник Р. М. Васильев, майор Шебалин, командир авиационного полка югославской армии, а также старшие лейтенанты Филатьев, М. А. Гришков, Лягин, Потоцкий и другие. Майор Альбов был корреспондентом лондонской газеты "Дейли Мейл" и американского агентства "Ассошиэтед Пресс" в Белграде. Майор М. Тарновский жил в Чехословакии"².

В начале 1945 г. стал считать себя частью РОА эмигрантский "Русский корпус" под командованием ген. Б. А. Штейфона, покинувший Югославию. Как уже говорилось, этот "охранный корпус" применялся в боях против партизан Тито и лишь с 1944 г. - против наступавших советских

войск. Хоффманн пишет, что "В сражениях корпус отличался безудержной отвагой, что привело к большим потерям. ...в этих боях погиб цвет эмигрантского офицерства. Остатки сильно поредевшего корпуса, около 4 тысяч человек, осенью 1944 года прорвались из Сербии в Хорватию и с радостью восприняли известие о создании КОНР и формировании русских национальных сил"³.

К Освободительному движению присоединились руководители РОВСа генералы Архангельский и А. фон Лампе (вошел в КОНР), В. В. Крейтер (тоже вступил в КОНР и символически передал ему остатки средств Белой армии Врангеля), А. М. Драгомиров⁴, а также казачьи генералы, о взаимоотношениях которых с Власовым следует сказать особо, прежде всего о позиции, занятой казачьим вождем - ген. П. Н. Красновым.

Попытки привлечения Краснова, по поручению Власова, предпринимались через К. Г. Кромиади еще в 1943 г., но безуспешно: Краснов отстаивал самостоятельность политики казачества. Поскольку Розенберг, согласно своим расчленительным планам, обещал выделить автономную область "Казакию" с особыми привилегиями, Краснов выступал за протекторат Германии над казачьими территориями и требовал признания РОА частью немецкой армии. Власов возражал: "Мы никогда не отрицали, что состоим в союзе с Германией, но мы не перестаем повторять вновь и вновь, что мы равноправные союзники и боремся за наше независимое отечество, которое не может существовать под чьим-либо протекторатом или защитой, но должно стать свободным и совершенно самостоятельным"⁵.

Однако другие казачьи руководители повели себя иначе: в ноябре 1944 г. после провозглашения Пражского Манифеста генералы Донского войска Ф. Ф. Абрамов и Е. И. Балабин вступили в КОНР. Хоффманн подчеркивает, что "Этот поступок вполне отражал настроения большинства казаков, которые вопреки утверждениям так называемых "казацких националистов" всегда считали себя русскими.

Вскоре и другие казачьи руководители - атаман Донского войска генерал-лейтенант Татаркин, генерал-лейтенант А. Г. Шкуро... генералы С. К. Бородин, Голубинцев, Морозов, И. А. Поляков, Б. И. Полозов и другие, а также атаман Кубанского казачьего войска генерал-майор В. Г. Науменко - выступили в поддержку Власова"⁶.

Один из соратников ген. Краснова сожалеет, что тот не изменил своей позиции "до последних дней своего пребывания на посту Начальника Главного Казачьего Управления", поэтому пришлось "принять меры к его насильственному устранению"⁷ с должности. Однако из этого же свидетельства видно, что сепаратистом ген. Краснов не был. Его поведение во многом объяснялось тактическими соображениями: оставаясь главой казачества, он предотвращал возвышение более рьяных самостийников, поощряемых Розенбергом.

В последние дни войны присоединившиеся (формально) к 50-тысячной РОА казачьи части удвоили ее численность: бригада под командованием эмигрантского генерал-майора А. В. Туркула (5200 человек), Казачий Стан генерал-майора (не эмигранта) Т. И. Даманова (8700 человек) и 15-й Казачий корпус под командованием немецкого генерал-лейтенанта фон Паннвица (от 30 до 40 тысяч)⁸. Присоединились к РОА и "остатки 1-го полка белорусской дивизии 'Беларусь' " (около 800 человек)⁹.

Но были русские части, не присоединившиеся к Власову. Прежде всего следует назвать формирование Хольмстона-Смысловского: "Рассеянное по всему Восточному фронту", оно "официально получило статус союзных вооруженных сил, но тактически и организационно подчинялось вермахту". В феврале 1945 г. оно получило название "Зеленая армия особого назначения", а в марте 1945 года было переименовано в "1-ю Русскую национальную армию". Из 6 тысяч человек ее состава 80% были советскими военнопленными и перебежчиками, однако, "все более или менее важные руководящие посты занимали старые эмигранты: начальник штаба - полковник Разнянский, первый

офицер штаба - подполковник Моссер, второй офицер - майор Климентьев, третий офицер - подполковник Истомин, офицер разведки - майор Каширин, начальник снабжения - подполковник Кондырев, командир штаб-квартиры - подполковник Колубакин, командир 1-го полка - полковник Тарасов-Соболев, командир 2-го полка - полковник Бобриков. Как и генерал Краснов, Хольмстон-Смысловский считал, что русский народ невозможно освободить от большевизма без помощи извне, то есть, в первую очередь, без немецкой помощи. Поэтому, хотя внешне у РНА установились вполне хорошие отношения с РОА, никаких шагов для соединения с армией Власова не предпринималось. В апреле 1945 года в телефонном разговоре с Власовым и генерал-майором Трухиным Хольмстон-Смысловский отклонил предложение соединиться с частями РОА в Богемии, тем более что мысль о сотрудничестве с чехами вызывала у него ассоциации с судьбой адмирала Колчака. Вместо этого он, очевидно, в силу секретного соглашения, повернул на юго-запад и повел свою часть, состоявшую из штаба и двух полков и насчитывавшую 73 офицера и около 400 рядовых, в большинстве своем бывших красноармейцев, в княжество Лихтенштейн, где они были интернированы¹⁰.

Из других частей, не вошедших в РОА (то есть оставшихся в немецком подчинении), по данным Хоффманна, самой крупной была русская 599-я бригада, сформированная в январе 1945 г. под командованием ген. фон Хеннинга (13 тысяч человек), около 30 русских, украинских и казачьих полков, 14 саперных батальонов и "неисчислимое множество отдельных рот и других боевых единиц. Следует назвать также 14-ю гренадерскую дивизию Ваффен-СС, наполовину состоявшую из украинцев с советской Украины и Польши, которая в качестве 1-й дивизии Украинской освободительной армии... номинально подчинялась генералу П. Шандруку, председателю Украинского национального комитета, созданного 12 марта 1945 года, но в действительности находилась под командованием генерал-майора

Ваффен-СС Фрайтага. Разумеется, Власов охотно включил бы все эти формирования в РОА, то есть в ВС КОНР, но осуществить это не удалось. Его беседа с генералом Шандруком не дала никаких результатов из-за разницы во мнениях, прежде всего по национальному вопросу¹¹. Не вошли в РОА и те кавказские, туркестанские и татарские части, которые считали себя "национальными армиями своих народов".

..Однако и в РОА "полностью преодолеть пропасть между старыми эмигрантами и новыми добровольцами не удалось, и противоречия между ними принимали порой самые причудливые формы"¹², - пишет Хоффманн, - а "к 1945 году можно говорить уже о намеренном оттеснении старых эмигрантов. Особенно настороженно относился к ним начальник штаба генерал-майор Трухин", не принявший поначалу ген. А. В. Туркула, "опасаясь связывать РОА с именем этого генерала, прославившегося во время гражданской войны в качестве командира Дроздовской дивизии врангелевской армии"¹³. Туркулу пришлось сформировать отдельную казачью бригаду (где в командном составе преобладали старые эмигранты). Врангелевскому генерал-майору Б. С. Пермикину также пришлось уйти из 1-й дивизии РОА к Туркулу. Неприязнь проявлялась и с другой стороны: "Например, бывшие члены Русского корпуса образовали внутри зенитного полка особый круг, в который не допускались другие офицеры"¹⁴. В подобных трениях в РОА между старыми русскими офицерами и недавними советскими военнослужащими играло роль и разное воспитание - и, конечно, разное мировоззрение.

О последнем следует сказать особо, перейдя к роли эмигрантов в идейном формировании РОД. Первое место здесь, бесспорно, принадлежит НТС - Национально-Трудовому Союзу (так в годы войны стал называться НТСНП), который "выполнил ценную службу для членов РОД: не столько тем, что дал им схему программы, сколько предложив им такие идеи и взгляды, которые стали импульсом при разработке политической альтернативы советской

государственности. Очевидно, что идеология и программа РОД были отчасти реакцией на те идеи, с которыми оно столкнулось в эмигрантской среде"¹⁵, - пишет Е. Андреева.

Первым из членов НТС осенью 1942 г. с Власовым познакомился А. Казанцев и сразу же устроил встречу генерала с руководством Союза. Е. Андреева отмечает, что "Когда Власов попал в Берлин осенью 1942 г., одним из первых его желаний было получить тексты всех эмигрантских политических программ как исходную точку для выработки своей. Единственной действующей, хотя и нелегально, политической организацией был в то время НТС, и Власову немедленно передали одну из его программ, а также сообщили детали программ других организаций. Власов вернул программу НТС с комментариями и поправками на полях. К сожалению, этот экземпляр, видимо, не сохранился и оценки Власова неизвестны; но НТС в целом определенно имел большое влияние на Русское Освободительное Движение". Многие из ведущих его участников вступили в НТС: например, ген. Ф. И. Трухин, ген. М. А. Меандров, А. Н. Зайцев (Артемов), Н. Г. Штифанов. "Члены НТС были хорошо знакомы и с другими эмигрантскими взглядами по некоторым ключевым вопросам, касавшимся СССР. Все это помогало членам НТС оживлять прения и предлагать такую идеологическую схему, вокруг которой их советские соотечественники, имевшие меньше опыта с разнообразием политических взглядов, могли строить собственные воззрения"¹⁶.

По словам Кромияди, Власов придавал старой русской эмиграции "большое значение. В предстоящей антикоммунистической борьбе он отводил ей место как носительнице старых традиций русского народа и его моральных устоев, культурных и религиозных идей, попранных коммунистами. В его представлении старая эмиграция должна была служить связующим звеном между прошлой исторической Россией и теперешней. К тому же привлечение старой эмиграции на борьбу против большевиков вместе с новой означало использование всех наших возможностей, ибо

практически в общем деле обе эмиграции дополняли друг друга"¹⁷.

Некоторое психологическое препятствие было в том, что многие из бывших советских офицеров (Власов, Малышкин и др.) воевали в гражданской войне на стороне красных, а теперь им приходилось выступать вместе с бывшими противниками, белыми. В этой связи, "...обращаясь к старой эмиграции, Власов говорил: "Во время гражданской войны мы воевали друг против друга, но тогда каждый из нас защищал свою правду, как он ее понимал. В результате вы войну проиграли и вынуждены были покинуть родину, а мы ее хотя и выиграли, но очутились в положении не лучше вашего. Коммунисты обманули нас и, захватив власть, утвердили над нами свою невыносимую диктатуру. Иначе говоря, и белые, и красные одинаково гражданскую войну проиграли. Давайте забудем прошлые обиды и, как братья, как дети одной матери пойдем освобождать наш народ от постигшего его несчастья"...". Но тут же он добавлял, что "история вспять не идет. Не за реставрацию и возвращение старых порядков мы идем; мы боремся за народные права, завоеванные февральской революцией и отнятые коммунистами в октябре"¹⁸.

Такое же упоминание "прав, завоеванных... в народной революции 1917 года" после "свержения царизма", мы находим и в Пражском Манифесте - и вряд ли это выглядело столь бесспорным достижением в глазах старых эмигрантов. Показательно осторожное отношение к Манифесту генералов Бискупского ("он монархист и поэтому ничего сказать не может") и фон Лампе ("он обязан доложить сначала о тексте начальнику Союза генералу Архангельскому")¹⁹.

Видимо, поэтому некоторые старые эмигранты, большей частью монархисты, "не могли принять и не принимали "красного генерала" как руководителя всего движения... отказывались понять, что борьба против Сталина может вестись только советскими гражданами и что перед старой эмиграцией стоят иные, но не менее важные задачи

в сфере культуры, политики, экономики”, - пишет Штрик-Штрикфельдт. Однако, например, сын царского генерала С. Ю. Жеребков “сразу поверил, что Власовское движение может сыграть большую роль в освобождении родины. Он сознавал, что старые эмигранты, десятки лет не имевшие связи с русским народом, не смогут, в данной обстановке, взять на себя руководящую роль в борьбе за свободу на русской земле. Но они, благодаря знанию западного мира, могли бы оказать очень ценную помощь”²⁰.

Все же наличие конкретного врага отодвигало подобные разногласия на второй план - в среде военных. Тем более что с детства верующими были генералы Трухин, Меандров и сам Власов, который до революции учился в духовной семинарии (Власов сразу нашел общий язык с митр. Анастасием, получив от него благословение на свою деятельность). Но в редакционной работе “родимые пятна” недавних советских людей нередко приводили к непреодолимым разногласиям с эмигрантами. “Антибольшевизм эмиграции более принципиален и идеен”, эмигранты прекрасно понимали, как функционирует вся пирамида коммунистической власти, тогда как “подсоветские люди, бывшие сами составной частью этой пирамиды, не могли видеть ее структуру так отчетливо, как это было видно со стороны... Они редко отрицали систему в целом”²¹, - так это описывал А. Казанцев.

Прежде всего он имел в виду М. А. Зыкова, игравшего важную роль в выработке многих документов РОД и выступавшего против привлечения старой эмиграции. “Зыков и окружавшая его немногочисленная группа молодежи были правоверными и убежденными марксистами... Будущее Освободительное Движение им представлялось как борьба за исправление искаженной Сталиным партийной линии и за возвращение на путь, завещанный Лениным”; они требовали принять красный флаг, были “воинствующе неверующими”²², - читаем у Казанцева. Кромиади тоже не удержался: “...да простит мне читатель это мое заявление о покойном, да еще власовце: мне он не нравился. От него

на расстоянии чувствовалась советчина в самом худшем значении этого слова"²³. (Зыков был, по всей видимости, похищен и убит немцами. Точные данные о его личности до сих пор, к 1991 г., не опубликованы. Считается, что он, будучи евреем, утаил свое настоящее имя; есть указания на то, что в прошлом он был заместителем главного редактора "Известий" Н. И. Бухарина. Из-за этой таинственности кое у кого даже возникали предположения, что Зыков был советским агентом²⁴ - но большинство очевидцев считает это подозрение безосновательным. В этом можно видеть лишь пример того, до какой остроты могла доходить мировоззренческая несовместимость между старыми и новыми эмигрантами.)

Кромиади пишет и о ген. Жиленкове, что несмотря на "очень ценные человеческие качества" - он был "чистой воды коммунистическим продуктом" в мировоззрении и практических приемах...

Следует отметить, что в Пражском Манифесте, в целом удивительно демократичном для той ситуации, отразились не только упомянутые "родимые пятна", но и давление немецкой стороны, например, фраза о "силах империализма во главе с плутократами Англии и США". Кромиади объясняет, что Гиммлер потребовал дополнить Манифест двумя пунктами: "первый - антиеврейская борьба и второй - борьба против плутократов. По первому пункту Власов ответил, что КОНР не может внести в текст Манифеста антиеврейский вопрос, поскольку в Советском Союзе все народы равны. Вопрос же о борьбе против плутократов пришлось внести, поскольку он никакого практического значения не имел... Власову и КОНРу пришлось отдать дань времени, чтобы не вступить в конфликт с Гитлером"²⁵. К тому же сами "плутократы" прибегали к столь жестоким ковравым бомбардировкам городов, что очевидцы, "когда приходилось наблюдать за страшными делами их рук, не делали никакой разницы между ними и наци. Уж чересчур много ужаса и горя причинили тогда они совершенно и ни в чем не повинным людям"²⁶, - свиде-

тельствует тот же Кромиади... (В Дрездене за один день погибло народу не меньше, чем в Хиросиме; безжалостным налетам подвергались не только немецкие города, но и Пильзень, Белград - на православную Пасху...).

Уже из сказанного можно видеть, что без опыта эмиграции идейный фундамент РОД был бы беспомощным. В основу программной части Пражского Манифеста был положен документ НТС - "Схема национально-трудового строя". Из 49 человек, первыми подписавших Манифест, 12 были старыми эмигрантами, в их числе: ген. Ф. Абрамов, Г. А. Алексеев (руководитель социального отдела "Народная помощь"), ген. Е. Балабин, Ш. Балинов, Ю. С. Жеребков (начальник отдела иностранных сношений), А. Лисовский (Б. В. Прянишников), Д. А. Левицкий, А. С. Казанцев, Ф. фон Шлиппе.

Позже КОНР разросся до 102 членов и многие эмигранты либо вошли в КОНР (ген. А. фон Лампе, В. В. Крейтер), либо активно участвовали в работе различных отделов, как, например, Ю. К. Мейер, В. А. Ларионов из Парижа (участник взрыва партклуба на Мойке), герцог С. Н. Лейхтенбергский (первый председатель НСРМ - предшественника НТСНП). С. Фрелих привлек к работе в службах КОНРа и в канцелярии Власова многих друзей из Риги²⁷, в их числе (помимо члена КОНР Д. А. Левицкого) были: Л. А. Рар, Конради-Кондрашев, Н. Н. Рышков, А. П. Никаноров (юрисконсульт), Н. Кавас (начальник Административно-хозяйственного отдела), А. Фрейберг (секретарша), барон В. Розенберг; из Риги был также проф. И. Д. Гримм (начальник Юридического отдела). В газете КОНРа "Воля народа" имя ген. Жиленкова как редактора стояло номинально; ее делал А. Казанцев - редактор довоенного органа НТСНП "За Россию", и из восьми членов редколлегии шестеро были членами НТС, в том числе трое из старых эмигрантов²⁸.

Влияние НТС осуществлялось и через школу пропагандистов РОА в Дабендорфе (март 1943 - апрель 1945), которая стала "поистине духовным и организационным цент-

ром рождения РОА, "сердцем и душой освободительного движения народов России". Находясь официально под немецким контролем [который осуществляли единомышленники: В. К. Штрик-Штрикфельдт, Н. фон Гроде, Э. фон Деллингсхаузен, С. Б. Фрелих, Е. Дюрксен. - М. Н.], центр в Дабендорфе фактически занимал автономное положение"²⁹. В числе преподававшихся предметов были история русского народа и развитие русской государственности; особое значение придавалось возрождению традиций русской армии, что отразилось в брошюре "Воин РОА. Этика, облик, поведение". Через школу прошло около 5000 курсантов. В свою очередь, через эту школу отбиралось пополнение НТС, а также через лагеря по "переквалификации" советских военнопленных для работы "на Востоке", например, через лагерь в Вустрау (где работали члены НТС В. Д. Поремский, Д. В. Брунст, Р. Н. Редлих, К. А. Евреинов и др.).

При такой активности неудивительно, что летом 1944 г. Гестапо произвело массовые аресты среди членов НТС (около 150 из них к концу войны находились в концлагерях, десятки там погибли). Было арестовано Исполнительное бюро (Байдалаков, Поремский, Вергун и др.), затем - подготовленное на этот случай запасное бюро (Г. С. Околович, М. Л. Ольгский), члены редакции "Нового слова" (Е. Р. Островский и С. П. Рождественский); не член НТС Деспотули был посажен под домашний арест; его "Новое слово" вскоре перестало существовать. Еще до этого за "антинемецкую деятельность", не связанную с Власовским движением, были расстреляны гитлеровцами более 30 членов НТС на территории оккупированной России³⁰...

Власов пытался помочь³¹ арестованным руководителям НТС сразу же после встречи с Гиммлером в сентябре 1944 г. (когда был дан зеленый свет на создание КОНРа). Меандров и А. А. Тенсон (из Эстонии) готовили группу офицеров РОА для нападения на тюрьму. Но освобождения удалось добиться лишь в апреле 1945 г. Поэтому под Пражским манифестом нет подписей главных руководи-

лей НТС (членами НТС среди подписавших были Трухин, Меандров, Зайцев, Лисовский-Прянишников, Тензоров, Казанцев, Д. А. Левицкий).

Однако, если "национализм НТС отвечал националистическим настроениям последователей РОА", то все же "в публикациях РОД практически нет и следа некоторых центральных моментов мировоззрения НТС: влияния христианства, в частности, русского Православия, и господства правопорядка", - замечает Е. Андреева. Правда, второй пункт Пражского Манифеста называет послекоммунистический строй в России "национально-трудовым, но... Члены РОД принимали формулировку "национально-трудовой" только по контрасту с интернациональной и партийной установками коммунистической идеологии", а не в значении НТС³².

Поэтому "...в том, что советские граждане, вступившие в РОД, нашли точки соприкосновения с более правым крылом эмиграции", - Е. Андреева видит некий парадокс, который сама же объясняет. "На первый взгляд могло казаться, что эмигранты старшего поколения, стоявшие на левых позициях, с большей симпатией отнесутся к тем, кто был продуктом советского строя и, в общем, не хотел отвергать этот строй огульно. Однако эти эмигранты не были склонны даже сочувственно прислушаться к своим советским соотечественникам, настроенным против Сталина; эти эмигранты видели конфликт между Третьим Рейхом и Советским Союзом в черно-белой окраске - как конфликт между фашистами и антифашистами. Оказалось, что младшее поколение эмиграции (члены НТС) более способно вникнуть в новые обстоятельства и понять позиции своих советских соотечественников, которые волей судьбы очутились в тисках между Третьим Рейхом и Советским Союзом. Эти молодые эмигранты понимали, что черно-белое определение конфликта неправильно, поскольку оно не учитывает реальной обстановки"³³.

Основой взаимопонимания здесь был все же не возраст, а действенный решительный патриотизм и отстаива-

ние национально-государственных интересов России - это помогало сглаживать и упомянутые идейные расхождения. У левого же фланга эмиграции в отношении к РОД оказалась общая ущербность либерально-космополитического мировоззрения, в узкой схеме которого ("фашизм - антифашизм") для подлинного патриотизма как духовной ценности не было места. И хотя с началом войны либералы (вспомним цитаты из "Нового журнала") заменили в своих изданиях слово СССР на "Россию" или писали не о советской, а о "русской армии" - именно из-за такого неразличения народа и режима их патриотизм выглядит поверхностным. В таком виде он нередко появляется на либеральном фланге для оправдания "прогрессивных" политических целей "интересами России" (так было и в Первой мировой войне). В сущности, либералы смотрели на события не русскими глазами, поэтому нападки на Русское Освободительное Движение со стороны этого фланга (Г. Я. Аронсон, Б. Л. Двинов) в "Новом журнале", "Новом русском слове" и "Социалистическом вестнике" - не "ошибочны", а закономерны.

В годы войны, вопреки запрету Гитлера, граница между Россией и эмиграцией размылась, и "идея общей судьбы" осуществлялась на Востоке в небывало драматическом варианте. Критики за океаном, уйдя от этой ответственности, отказались от участия в общей судьбе с Россией - поэтому вряд ли они вообще имели право на осуждение РОД.

*

Таким образом, миллионы участников Освободительного движения - это все-таки больше, чем три тысячи русских во французской армии и несколько сот в Резистансе. Однако и в той части русской эмиграции, которая сочла меньшим злом Гитлера, можно видеть широкий политический спектр позиций:

- Эмигранты, связавшие себя с гитлеровской идеологией и служившие нацизму; как правило, общая юдофобия

у них превалировала над всеми разногласиями (примеры: С. В. Таборицкий, вступивший в национал-социалистическую партию; Г. Бостунич, превратившийся в Шварц-Бостунича; члены Российского национал-социалистического движения). Однако таких были единицы. Даже У. Лакер, пытающийся доказать "русские источники национал-социализма", делает это, ссылаясь на таких "русских эмигрантов", как А. Розенберг и другие балтийские немцы (бывшие до революции российскими подданными), в то же время признавая, что по расовым причинам эти "русские источники" подлинных русских, даже крайне правых, не жаловали. Программа Розенберга, "более антирусская, чем антибольшевистская, сделала большинство русских его противниками". Например, поначалу связанный с национал-социалистами ген. Бискупский уже в 1920-е годы обвинял одного из них "в поддержке украинских сепаратистов в ущерб великороссам"³⁴, а в 1944 г. он был причастен к антигитлеровскому заговору, связывая с ним надежды на перемену германской политики в отношении России, и даже предпринимал шаги по формированию будущего Российского Национального Правительства из эмигрантов (включив в список В. В. Орехова и С. Л. Войцеховского)³⁵.

- Бискупский и Войцеховский принадлежали к тем многочисленным эмигрантам, которые считали, что только иностранная сила, в данном случае Германия, в состоянии справиться с большевизмом, и не верили в возможность "третьей силы", способной бороться на два фронта. Таковы были, видимо, взгляды ген. Краснова и Смысловского-Хольмстона (этим объясняются его разногласия с Вюргле-ром в отношении к партизанам). Некоторые эмигранты по этой причине даже противодействовали созданию "третьей силы" (по сведениям Б. Прянишникова, один из чинов "внутренней линии" РОВСа, капитан К. А. Фосс, пошел на службу в Гестапо и преследовал членов НТС на оккупированной территории)³⁶.

- Были и такие немцы, в прошлом - подданные Россий-

ской империи и даже царские офицеры, которые критически относились к национал-социализму и, служа в немецкой армии, сыграли огромную роль в помощи РОД. В. К. Штрик-Штрикфельдт, воевавший во время Гражданской войны у Юденича, в начале советско-германской смог добиться отмены приказа расстреливать всех коммунистов и комсомольцев (в приказе остались только комиссары): "Так один росчерк пера спас жизнь множеству русских людей..."³⁷. Такие офицеры, как Н. фон Гроде, считали себя представителями русских интересов у немцев, а не наоборот; некоторые, как барон Э. К. фон Деллингсхаузен и православный С. Б. Фрелих, продолжали считать себя "русскими офицерами немецкого происхождения" и пытались делать все возможное против антиславянской политики Гитлера. Граф Г. Ламздорф в этой связи демонстративно рапортовал немецкому начальнику: "Унтерменш граф Ламздорф прибыл по вашему приказанию!". Русский эмигрант барон Каулбарс, доверенное лицо адмирала Канариса и германского "абвера" в русских вопросах, принял участие в антигитлеровском заговоре военных 20 июля 1944 года.

- И, наконец, русские эмигранты - участники Освободительного движения, стоявшие на позиции "третьей силы" и вместе с миллионами соотечественников (которых не заметил Лакер в книге "Германия и Россия") стремившиеся к максимальной независимости от немцев, к созданию русского правительства. Здесь тоже можно выделить разные виды деятельности эмигрантов в РОД: военное участие (бывшие царские и белые офицеры, члены РОВСа), идейно-организационное (НТС, различные общественные деятели), духовное окормление (Зарубежная Русская Православная Церковь).

Церковь, конечно, не могла остаться в стороне от событий, в которых участвовали миллионы русских людей, она не могла быть равнодушной к их надеждам и усилиям, к их выбору меньшего зла. И, разумеется, поддержка политических и тем более военных движений всегда требует

от духовенства большой мудрости. Этот аспект следует затронуть, поскольку позже раздавались упреки в "сотрудничестве" Зарубежной Церкви с гитлеровцами".

Эти упреки не подтверждаются фактами. Самым "компрометирующим" шагом считается благодарственное письмо митр. Анастасия (1938 г.) Гитлеру как главе германского правительства - за постройку православного собора в Берлине (взамен приобретенного у Церкви здания). Но не нужно забывать, что это было еще до начала Второй мировой войны, что правительство Гитлера было законно избрано и признано всеми правительствами мира, что в таких случаях принято выражать официальную благодарность. А что касается признания тогда же германским судом за Русской зарубежной Церковью единоличных прав владеть дореволюционным имуществом Русской Церкви в Германии, то суд исходил из следующего: СССР от этого имущества отказался, а митр. Евлогий, отделившись от Русской зарубежной Церкви, превратился в нерусскую юрисдикцию и потерял права владения. После войны это решение было признано естественным и оставлено в силе³⁸.

В то же время, стараясь помочь преследуемым евреям, "Архиепископ Берлинский и Германский Тихон приходивших к нему с просьбой русских евреев крестил и выдавал им свидетельства о крещении. К сожалению, это им не помогло, а Гестапо потребовало от Синода убрать Тихона из Германии. В результате архиепископ Тихон был отозван в Сремские Карловцы, а ближайшие его сторонники репрессированы... В. Левашов был посажен в тюрьму, граф А. Воронцов-Дашков предупрежден, что если не успокоится, то будет выслан из страны, а у К. К., представителя от германской епархии на заграничный собор в Сремских Карловцах, Гестапо отобрало документы с запретом покидать страну и с угрозой быть арестованным"³⁹, - свидетельствует К. Кромияди (обозначив себя инициалами).

На оккупированных советских территориях немцы не препятствовали возрождению религиозной жизни. К тому же Розенберг считал, что христианство делает славян

более послушными, но при этом поощрял антирусские сепаратизмы и делал ставку на искусственное создание независимых Белорусской и Украинской Церквей (впрочем, с малым успехом; уйдя в эмиграцию, большинство из белорусских и украинских епископов-автономистов присоединилось к Русской Зарубежной Церкви). Разумеется, Зарубежной Церкви было запрещено помогать своему народу на оккупированных территориях, но она пыталась это делать в меру возможностей - прежде всего религиозной литературой и антиминсами для тысяч вновь открытых храмов и 16 монастырей. Находившаяся в Словакии Обитель преп. Иова Почаевского печатала в значительных количествах Евангелия (100.000 экз.), молитвенники (60.000) и другие издания для нелегальной переправки в Россию (в том числе через солдат-словаков)⁴⁰. В этой же монастырской типографии печаталась программа ("Схема") НТС.

Возглавление Зарубежной Церкви во время войны оставалось в Сербии, и как позже говорил сербский патриарх Гавриил: "Митрополит Анастасий с великой мудростью и тактом держался при немецкой оккупации, был всегда лояльным к сербам, из-за чего не пользовался доверием немцев и несколько раз подвергался оскорбительным обыскам"⁴¹.

*

Конец РОД был трагичен и символичен.

Поражение Германии ни у кого не вызывало сомнений. 28 марта 1945 г. руководство КОНРа приняло секретный план о сосредоточении своих вооруженных сил в районе Альп, чтобы позже соединиться с югославскими национальными отрядами Д. Михайловича, Д. Льетича и Недича для партизанской борьбы против коммунистов. Руководители РОД полагали, что союз западных демократий со Сталиным - чисто тактический и временный; что после падения Германии англо-американцам понадобятся части РОА - для

противодействия режиму, принципиально враждебному демократии. Поэтому с самого начала КОНР пытался установить контакты с западными державами и объяснить им свои цели.

Активные усилия в этом направлении были предприняты уже упоминавшимся эмигрантом Ю. С. Жеребковым. Став министром иностранных дел КОНРа, он наметил "скорейшее назначение официальных или официозных представителей КОНР в нейтральных странах" из числа "старых эмигрантов, проживающих на территориях этих государств. На их обязанности лежало создание контактов с правительственными и политическими кругами, а также с прессой. Они должны были регулярно информировать вышеприведенные круги о целях и задачах Движения"⁴². Но осуществить этого не удалось.

В феврале 1945 г. Жеребков передал представителю Международного Красного Креста меморандум КОНР с просьбой обратить внимание союзных держав на политический характер Освободительного движения и предоставить захваченным в плен солдатам РОА традиционное в западных странах политическое убежище. В меморандуме указывалось, что в случае выдачи в СССР солдат РОА ожидает смерть. Устный ответ председателя МКК из Швейцарии был уклончивым: "ввиду деликатности и сложности положения КОНРа... необходима какая-то крупная услуга, какой-то факт, могущий оправдать в мнении западных союзников самое существование Освободительного движения". В виде такой услуги председатель МКК попросил предотвратить уничтожение немцами узников концлагерей - и Жеребков обещал, что КОНР сделает все возможное (ген. Власов настойчиво просил об этом Гиммлера, но большего сделать не мог)⁴³.

На 25 апреля 1945 г. было подготовлено обращение Власова по Пражскому радио к народам всех государств, представители которых собрались в Сан-Франциско в связи с созданием ООН, - но немецкие власти воспрепятствовали этому.

В самом конце войны Жеребков пытался лично пробиться в нейтральную Швейцарию для установления связи

с англо-американцами - но швейцарские власти отказали ему в визе. Нелегальный переход границы был пресечен пограничниками и Жеребков был интернирован американцами... Были и другие попытки установить контакт с Западом через Швейцарию (с помощью митр. Анастасия и философа Б. П. Вышеславцева). Швейцарский журналист Брюшвайлер пытался напечатать в "Нойе цюрхер цейтунг" серию статей о РОД (но, видимо, не пропустила цензура)⁴⁴.

Безуспешно пытался установить такие контакты и НТС, в котором всегда существовало течение, не верившее в изменение немецкой политики и считавшее необходимым более сильную ориентацию Союза на Запад. Такого мнения придерживался М. А. Георгиевский, остававшийся во время войны в Югославии и практически не участвовавший в РОД. Еще до начала советско-германской войны под его руководством планировалось создать представительство НТСНП на Западе - о чем была достигнута договоренность с представителем польского правительства ген. Сикорского в Лондоне⁴⁵; но стремительный захват немцами Югославии в 1941 г. помешал этому. Остававшиеся в Париже члены Совета НТС Р. П. Рончевский и А. П. Столыпин тоже должны были установить контакт с союзниками: "оправдать работу Союза на занятых немцами русских территориях и по-новому наладить борьбу за Россию"⁴⁶. "Но эти попытки не дали ничего существенного. К нам серьезно не отнеслись"⁴⁷, - вспоминал Столыпин. Как признавал американский историк Г. Фишер, "западные настроения были такими, что никакое дипломатическое искусство членов НТС в западных столицах на них повлиять не могло"⁴⁸.

В последние дни войны "по мере продвижения союзных войск, на западе, по распоряжению Власова, за линиями англо-американцев оставлялись лица, снабженные письменными полномочиями КОНРа. Эти лица должны были добиваться приема в военных штабах и вести переговоры о капитуляции частей РОА, с единственным условием - невыдачей их Советам"⁴⁹. Например, парламентариями к американцам были посланы Штрик-Штрикфельдт и ген. Малышкин (выдан в СССР); к англичанам - В. Д. Порем-

ский и М. К. Мелешкевич, которых вместо переговоров посадили в лагерь (Мелешкевича тоже выдали). Попытки спасения русских предпринимали и немецкие военные, используя свои довоенные связи⁵⁰...

Кое-где сами англичане распространяли обнадеживающие листовки, заверяя русских, что "перебежчикам гарантируется" "свободная и независимая жизнь". 900 членов РОА в Намюре сдались, поверив этому обещанию⁵¹. Впрочем, все части РОА, не сделав ни единого выстрела, сдались англо-американским войскам. Однако натолкнулись на полное непонимание идеи "третьей силы" и даже на враждебность. У англо-американцев к этому была конкретная причина: русские батальоны, использованные немцами на западном фронте. Руководители РОА пытались объяснить, что КОНР к этому отношения не имел и не мог этого предотвратить. Они просили для РОА политического убежища и выражали готовность объяснить перед судом, почему оказались союзниками немцев...

Власов, Меандров, а также старые эмигранты ген. С. К. Бородин (командир полка в группе Туркула), ген. П. Н. Краснов писали меморандумы. Объясняли, что сталинское правительство не имеет полномочий от народа, который постоянно боролся против большевиков (гражданская война, восстания), и РОА продолжает эту борьбу. Поэтому не Сталин должен быть союзником демократий, а РОА. Были коллективные письма королю Георгу VI, в Лигу Наций, в Международный Красный Крест, архиепископу Кентерберийскому, госпоже Рузвельт (отмечалось, что при сталинском режиме было убито около 20 миллионов человек). Меандров напоминал о приказе № 270 от 16 августа 1941 года, по которому сдавшиеся в плен советские солдаты считались изменниками и заочно приговаривались к смерти, а их семьи к аресту.

Меандров подбадривал своих солдат, объясняя, что "Соединенные Штаты, поборники свободы и демократии, сумеют отличить бандитов от идейных борцов и возьмут последних под свою защиту"⁵². Этим поддерживалась дисциплина, некоторые части приняли участие в восстановительных работах. Кое-кто из старых эмигрантов надеялся на повторение "галлиполийского чуда"...

Никто из них не знал, что их участь была давно пред-

решена союзными правительствами. Первые группы вездесущих русских в немецкой форме были захвачены англо-американцами в Северной Африке и тихо выданы в СССР через Египет и Иран, по устной договоренности, еще в 1943 году. В 1944 г. так же стали поступать с пленными, захваченными в Европе. 11 февраля 1945 года эта договоренность была зафиксирована в Ялте подписанием секретного соглашения между демократиями и Сталиным о выдаче в СССР всех советских граждан по состоянию границ на 1 сентября 1939 года, независимо от их согласия. (Генерал де Голль заключил со Сталиным свое "ялтинское соглашение" 29 июня 1945 года⁵³...)

Выдачи были произведены в разное время, но всегда - обманным путем и с большой жестокостью. Освободители Праги (1-я дивизия), Власов и его штаб были выданы американцами уже 12 мая: в распоряжение обезоруженных власовцев были впущены советские танки, которые расстреливали бегущих людей... Казаки с семьями были выданы англичанами, с сотнями жертв, в мае-июне. 2-я дивизия РОА (уже лишившаяся Трухина, Боярского, Шаповалова, Зверева) под командованием Меандрова была интернирована и ей предстояла депортация в СССР порциями (из нее спаслась десятая часть)...

Таким образом, отказавшись от спасения своих пленных в ходе войны, советское правительство потребовало назад выживших. И теперь уже не только Сталин и Гитлер, но и западные демократии игнорировали Женевскую конвенцию 1929 года по обращению с пленными, по которой правовое положение пленных "определялось единственно внешним признаком - формой, которую они носили в момент пленения, а не их национальностью" (РОА имела немецкую форму с русскими знаками различия). Хоффманн отмечает, что западные державы придерживались этого принципа во время войны, поскольку "в армиях Великобритании и США воевало множество представителей других стран, в том числе стран Оси (немецкие и австрийские эмигранты, среди них было много евреев), и их следовало уберечь от опасностей, связанных с пленом... Но война шла к концу, опасность ответных мер уменьшалась и союзники

проявляли все меньше склонности соблюдать Женевскую конвенцию". А по окончании войны они стали рассматривать власовцев "как предателей союзной державы"⁵⁴ - вопреки Конвенции, без всякого разбирательства и суда.

Старые эмигранты пытались спасти соотечественников. Перед выдачей остатков 2-й власовской дивизии в Платлинге (февраль 1946 г.) "поднялась на ноги почти вся мюнхенская эмиграция. Некоторые горячие головы предлагали совершить нападение на лагерь с разных сторон, но это значило бы бросить вызов американской армии и дать ей повод расправиться со всеми русскими... В лагерь ввозились сотнями ножицы, чтобы прорезать проволоку, и лопаты для подкопа, а для беглецов были приготовлены документы и местожительство. К сожалению, беглецов было мало, и несколько человек было подстрелено", - писал К. Кромиади.

С. Фрелих, находившийся тогда в Мюнхене с подложными документами, развернул большую активность в сотрудничестве с молодежью НТС и с Зарубежной Церковью. Именно Фрелих готовил побег из Платтлинга, переправив в лагерь ножицы и лопаты. Подкоп был готов, но раскрыт охраной накануне побега⁵⁵.

"Большую энергию и оперативность проявили тогда члены организации молодежи при КОНРе - супруги Крыловы, Кружин, Комар, Русанов", - отмечает Кромиади. В Мюнхене "главными пунктами сосредоточения власовцев были квартира инженера К. Попова, квартира К. Крылова, лагерь Шлейсхейм, где образовалась целая сеть, помимо власовцев... то же происходило на севере, где обосновался НТС, и во французской зоне, где колоссальную работу проделал полковник Сахаров со своими людьми"⁵⁶.

Наиболее распространенной формой спасения было изготовление фальшивых документов, дававших статус "старых эмигрантов": югославских, чешских, польских. Этим активно занимался С. Фрелих, семья Н. А. Цурикова в Мюнхене, униатский "епископ" (ненастоящий) Автономов⁵⁷, а НТС собирал беглецов по всей Германии, свозя в лагерь Менхегоф, в фургончике с отпугивающей надписью "Тиф"⁵⁸. Но выдавать себя за старых эмигрантов не везде

удавалось: англичане устраивали языковые проверки с привлечением СМЕРШа; в спорных случаях - выдавали людей; при попытке к бегству был приказ - убивать⁵⁹.

Хоффманн отмечает действия Зарубежной Церкви. В августе 1945 г. "митрополит Анастасий заявил протест генералу Эйзенхауэру, и это, несомненно, повлияло на решение приостановить выдачи", но лишь на время. Накануне выдачи в Платтлинге "в феврале 1946 года папа Пий XII, откликнувшись на мольбу Православной церкви за рубежом о помощи, заявил протест против репатриации людей помимо их воли и отказа в праве убежища". Секретарь Синода "протоиерей граф Граббе и полковник Кромиади по поручению Синода посетили штаб-квартиру во Франкфурте, тщетно пытаясь добиться отмены приказа. Их отослали к правительству в Вашингтоне, а оно ответило на послание Синода лишь 25 мая 1946 года, когда все уже было кончено"⁶⁰.

Уже в процессе самих выдач священники с крестами в руках становились перед английскими и американскими солдатами, пытаясь их остановить, вразумить - их, бывало, сметали с дороги прикладами и резиновыми дубинками...

Митр. Анастасий в письме американскому главнокомандующему Эйзенхауэру описывает такую выдачу в Кемптене: американцы "нашли всех эмигрантов в церкви, горячо молящихся Богу, дабы Он спас их от депортации. ...они были силой изгнаны из церкви. Женщин и детей солдаты волокли за волосы и били... Священники всячески старались защитить свою паству, но безуспешно. Одного из них, старого и уважаемого священника, выволокли за бороду. У другого священника изо рта сочилась кровь, после того, как один из солдат, стараясь вырвать из его рук крест, ударил его в лицо. Солдаты, преследуя людей, ворвались в алтарь. Иконостас, который отделяет алтарь от храма, был сломан в двух местах, престол был перевернут, несколько икон были брошены на землю. Несколько человек было ранено, двое пытались отравиться; одна женщина, пытаясь спасти своего ребенка, бросила его в окно, но мужчина, который на улице подхватил этого ребенка, был ранен пулей в живот..."⁶¹.

Англичане действовали особенно коварно, заверяя, что

"выдачи несовместимы с честью Великобритании" - так было в Австрии, в лагере Пеггец близ Лиенца (там остановился Казачий стан ген. Доманова - полувоенное поселение). Сначала всех разоружили (под предлогом "замены вооружения"). Затем 28 мая 1945 г. (якобы "на конференцию") были вывезены и переданы СМЕРШу офицеры. А 1 июня был предпринят штурм лагеря (более половины его составляли женщины и дети) - во время богослужения под открытым небом, под тысячегласное пение "Отче наш"; в молящихся стреляли, кололи штыками, били священников, перевернули престол... Десятки трупов, окровавленные иконы и хоругви остались на площади... В следующие дни англичане вместе со СМЕРШем устроили совместную охоту на беглецов в горах - общее число жертв было не менее 150...

Если бы казаки знали, что их обманут - они защищались бы и предпочли бы погибнуть с оружием в руках. Но, как писал ген. Науменко: "Русские офицеры привыкли верить слову офицера, и они не допускали, что англичане способны на такое"⁶². (Главная роль обманщика в Лиенце выпала майору Дэвису.)

Англичане тогда даже перевыполнили Ялтинские обязательства: "Тысячи беженцев, никогда не живших в Советской России, покинувших свою страну в 1919 году в качестве союзников англичан и американцев и, соответственно, не имевших отношения к Ялтинским соглашениям, были переданы в Австрии СМЕРШу по договоренности столь секретной, что до сих пор принимаются самые исключительные меры для сокрытия следов этой операции"⁶³, - пишет Н. Толстой.

Так, "по ведомостям Казачьего стана, не меньше 68% офицеров Доманова, или около 1430 человек, были старыми эмигрантами"; не меньше их было среди рядовых и членов семей. В числе не подлежащих выдаче были хорошо известные англичанам союзники по Первой мировой и Гражданской войне генералы Краснов, Шкуро (награжденный английским орденом Бани), Султан-Гирей Клыч (предводитель кавказцев). "Никак нельзя сказать, что старые эмигранты не старались привлечь внимание к своему ста-

тусу. Султан Гирей прибыл в лагерь в Шпиттале в полной форме царского офицера, генерал Кучук Улагай размахивал... албанским паспортом. В Пеггее многие показывали майору Дэвису нансеновские паспорта и паспорта различных европейских стран". Вообще у англичан "могло создаться впечатление, что у казаков заправляют делом исключительно старые эмигранты"⁶⁴.

Однако полученный английским бригадиром Мессоном "устный приказ полностью исключал всякую возможность не выдавать казаков, не являющихся советскими гражданами". Другой английский офицер свидетельствует: "...мне было приказано сообщить белоэмигрантам в наших лагерях, что им предстоит перевод в другие лагеря русских пленных. Затем мне надлежало погрузить их всех, в том числе женщин и детей, на грузовики, вывезти в советскую зону и передать советским представителям"⁶⁵.

В других местах старым эмигрантам в основном удавалось избежать выдачи. "...создается впечатление, что казаки в долине Дравы оказались в особой категории. Они являли собой наименее военное из всех русских формирований, содержащихся в Австрии, они единственные не воевали на восточном фронте, среди них, как было известно, исключительно большой процент составляли не советские граждане - и несмотря на все это, они были выданы". Н. Толстой приходит к выводу, что "...передача офицеров в Лиенце вообще и Краснова со Шкуро, в частности, была не ошибкой, ...но тщательно спланированной операцией". "Главная документация по этому делу до сих пор засекречена", часть документов вообще исчезла из архивов⁶⁶... (Лишь несколькими десятками выданных эмигрантов удалось в 50-е годы вернуться на Запад, как, например, внучатому племяннику ген. П. Н. Краснова - Н. Краснову, рассказавшему о пережитом в книге "Незабываемое"⁶⁷.)

В 1947 г. в "Правде" появилось сообщение о казни "главарей вооруженных белогвардейских частей в период гражданской войны атамана Краснова П. Н., генерал-лейтенанта белой армии Шкуро А. Г., командира "Дикой дивизии" - генерал-майора белой армии князя Султан-Гирея Клыч, генерал-майора белой армии Краснова С. Н. и гене-

рал-майора белой армии Доманова Т. И., а также генерала германской армии фон-Паннвиц Гельмута" - из них лишь один ген. Доманов, будучи советским гражданином, подпадал под Ялтинское соглашение. В эту группу он включен, поскольку тоже был казачьим командиром, а к "белой армии" причислен, видимо, чтобы одним "изменником" не портить картины из "белогвардейских главарей" и иностранца, которые "проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР". О казни главных советских "изменников", "агентов германской разведки" - Власова А. А., Малышкина В. Ф., Жиленкова Г. Н., Трухина Ф. И., Закутного Д. Е., Благовещенского И. А., Меандрова М. А., Мальцева В. И., Буняченко С. К., Зверева Г. А., Корбукова В. Д. и Шатова Н. С. - было сообщено раньше⁶⁸.

Выдали нескольких старых эмигрантов и американцы: в 1946 г. в числе лиц из лагеря в Дахау, переданных СМЕРШу в Хофе, "находились старые эмигранты из Русского корпуса, такие как полковники В. Колесников и В. Болов, капитаны И. Малышев и Л. Богинский, переводчик лейтенант граф Шереметьев и другие"⁶⁹.

Из Финляндии, помимо советских пленных, в мае 1945 года министром внутренних дел по советским спискам были выданы 121 человек из старых эмигрантов, в их числе ген. С. Добровольский (издатель журнала "Клич", казнен), С. Петриченко (бывший руководитель Кронштадтского восстания 1921 г., умер в советской тюрьме), Кузьмин-Караваев (зам. председателя Комитета по делам русских беженцев)⁷⁰...

"...выдачи производились во всех районах Германии и Австрии, занятых союзными войсками, а также во Франции, Италии, Северной Африке, Дании, Норвегии и других странах. Даже нейтральная Швеция неукоснительно проводила депортации интернированных и беженцев из Прибалтики. Швейцария, чтобы избавиться от русских, прибегла к методам психологического воздействия. Только княжество Лихтенштейн сумело противостоять всем настояниям советского правительства и находившейся в стране советской репатриационной комиссии, не допустив нару-

шения государственных законов и христианских заповедей любви к ближнему"⁷¹, - пишет Хоффманн. Эта конституционная монархия (ею тогда правил Франц-Иосиф II) площадью в 157 кв. км и с вооруженными силами в 11 полицейских была единственным государством, которое отказалось присоединиться к всеобщему демократическому предательству.

В Лихтенштейне спаслись остатки "1-й Русской национальной армии" ген. Хольмстона-Смысловского; с ними прибыл и вел. кн. Владимир Кириллович, насильно увезенный немцами при их уходе из Франции (однако ему пришлось вернуться из Лихтенштейна в Австрию). Около 200 человек поддались советским уговорам и репатриировались в СССР. Остальные содержались и потом эмигрировали в Аргентину за счет княжества при единодушной поддержке населения. Советский генерал угрожал, что "если они не будут выданы, Советский Союз никогда не установит ни дипломатических, ни экономических отношений с Лихтенштейном". Глава княжеского правительства А. Фрик ответил: "Ну что же, это дело ваше, но я не хочу, чтобы мои внуки когда-либо могли сказать, что их дед был убийцей"⁷².

Англо-американцы тоже прекрасно знали, что ждет выдаваемых: в Мурманске, Одессе, Любеке расстрелы производились чуть ли не на глазах у англичан, и они об этом писали рапорты. В главном пункте передачи казаков, в Юденбурге, "несколько дней и ночей... работали расстрельные команды, постоянные залпы глушились запущенными для этой цели двигателями"⁷³. Все это еще в 1944 г. предвидел особенно настаивавший на выдачах британский министр иностранных дел Э. Иден: "если мы сделаем так, как хочет советское правительство, ...мы многих из них пошлем на смерть"; но "нам они здесь не нужны". "4 сентября Военный Кабинет одобрил предложение Идена после короткой дискуссии"⁷⁴. У американцев дискуссия была более продолжительной, но с тем же результатом.

При встречах с репатриационными комиссиями многие власовцы заявляли, что сознательно взяли оружие, чтобы бороться против преступной власти; что они не верят ста-

линскому "прощению" и предпочитают выдаче смерть. Таких "смутьянов" англичане старались репатриировать в первую очередь, прилагая стенограммы их заявлений...

Самоубийства среди выдаваемых были столь обычным явлением, что, например, в 1947 г. при выдачах из Италии "каждый состав включал в себя и вагон-морг", поскольку советские представители соглашались "принять мертвых и засчитать каждого из них за выданного пленного"⁷⁵. Когда надежды не оставалось - многих охватывало отчаяние. Страх заглядывал в их душу "гипнотизирующими глазами удава... Страх не наказания, не физической смерти, а страх за дерзость выступления, за вызов на единоборство многолетнего и, опять оказалось, несокрушимого врага", от которого они лишь временно освободились. "...двадцать лет культивируемого ужаса и бессилия вступали в свои права... Из страха перед этим страхом люди тогда кончали самоубийством"⁷⁶, - пишет Казанцев. Другие боялись, что не выдержат пыток и им придется предать те идеалы, за которые они боролись... Группа офицеров в Дахау покончила с собой, чтобы "вразумить" американцев - и этим спасти остальных (не помогло...).

Митр. Анастасий разрешил совершать отпевание таких самоубийц: "Их действия ближе к подвигу святой Пелагии Антиохийской (8 окт.), выбросившейся из высокой башни, чтобы избежать поругания, нежели к преступлению Иуды"⁷⁷. На местах особо кровавых выдач Русская зарубежная Церковь ежегодно проводит панихиды, на которые съезжаются русские люди из разных стран...

Н. Толстой пишет, что многие англо-американские военные, в том числе высшие чины - фельдмаршалы Александер и Монтгомери, генерал Эйзенхауэр - пытались прекратить выдачи⁷⁸, но даже они не смогли противостоять давлению своих правительств. Некоторые военнослужащие (чаще американцы) нарушали приказ и допускали побег. Особенно тяжело приходилось исполнителям-солдатам: при виде отчаянного сопротивления и самоубийств они были в состоянии шока, на грани неповиновения - их приходилось заменять... Иногда осуществление "репатриации" передавалось самому СМЕРШу.

Н. Бетелл называет три причины, побудившие демократии пойти на этот шаг: "необходимость обеспечить безопасность английских и американских военнопленных, находившихся в советских руках; опасения вызвать подозрения советского правительства и тем повредить ведению войны; страх перед трудностями, которые вызвала бы необходимость устройства и расселения на Западе большого числа советских граждан"⁷⁹.

Однако Н. Толстой считает, что первые два аргумента никто всерьез не принимал, к тому же они быстро отпали, а выдачи продолжались. Английский "МИД прекрасно знал о том, что Советы боятся огласки", но не воспользовался этим для ведения более твердой политики. Не воспользовались англо-американцы и тем, что СССР сам нарушал условия едва ли не всех подписанных с ними соглашений, в том числе Ялтинских⁸⁰. Значит, главной причиной все-таки было: "Нам они здесь не нужны"...

*

А где же в это время была демократическая пресса? Почему не отстаивала свои принципы гуманизма? Бетелл пишет: "прессе "посоветовали" не оглашать этого дела. Время было еще военное, и журналисты поступили так, как им было сказано". Правда, появлялись статьи со злорадствующими заглавиями, как, например: "Самоубийство красных изменников в Дахау" (при этом армейская газета "Старс энд страйпс" сравнивала их с "животными")⁸¹...

Кроме того, правительства тщательно скрывали информацию. После выдачи в Лиенце был издан приказ по 78-й дивизии: "...известно, что союзники во время операций широко применяют методы маскировки и обмана... Чрезвычайно важно, чтобы ни в какой форме не была обнародована практика союзников в этом и подобных вопросах... циркуляция приказа должна быть строго ограничена теми, кто знает о методах обмана"⁸².

"Во Франции, Швейцарии и других странах... меры по репатриации тоже скрывались от общественности... Но были в Европе две страны, где проблемы насильственной

репатриации обсуждались и решались совершенно открыто... в газетах и по радио" - с прямо противоположными результатами. Речь идет о Лихтенштейне (о котором уже сказано) и о Швеции - где не было военной цензуры и замолчать проблему не удалось. Несмотря на протесты шведских христиан, "правящая социал-демократическая партия, профсоюзы и левая пресса единодушно поддерживали выдачу"; согласно опросу общественного мнения, не менее 71% населения высказались за отправку интернированных "домой". Речь шла о 167 прибалтийцах, служивших в немецкой армии. Выдача прошла с самоубийствами...⁸³

Лишь небольшой части власовцев удалось спастись. Повезло группе ВВС ген. Мальцева (5.000 человек): из них была выдана лишь десятая часть (и сам Мальцев). "Командир транспортной эскадрильи майор Тарновский... будучи старым эмигрантом, не подлежал выдаче, но он настоял на том, чтобы разделить судьбу своих товарищей"⁸⁴. Сам Власов отклонил возможность побега в Испанию на самолете; ни он, ни Меандров не воспользовались и намеками американских офицеров на возможность побега, решив до конца разделить судьбу своих солдат. Так же поступил немецкий генерал фон Паннвиц.

Остаткам "Русского корпуса", благодаря усилиям полковника У. Линга (бывшего британского офицера связи с Деникиным и Врангелем)⁸⁵, лишь с трудом удалось доказать, что они не подлежат выдаче. Учитывая родословную Корпуса, они были прямыми преемниками армии Врангеля - и в какой-то мере им удалось повторить "галлиполийское сидение". Перешедшие в Австрию 4.500 человек сохраняли образцовую дисциплину и называли место своего интернирования в Келлерберге - "Белый русский лагерь". Последним командующим корпуса стал полковник А. И. Рогожин (после смерти ген. Штейфона 30 апреля 1945 г.). За годы войны через Корпус прошло 17.090 человек, в том числе 32 генерала; потери: убито и умерло 1.132, ранено 3.280, пропало без вести 2.297...⁸⁶.

Влиятельные защитники нашлись у украинской дивизии СС "Галиция" (переименованной в "1-ю Украинскую"). Ее командующий П. Шандрук бежал в американскую зону,

а сама дивизия (10.000 человек) из района Австрии, где шли выдачи казаков, была переведена в Италию. На Потсдамской конференции Сталин лично потребовал ее выдачи. К тому же, "в отличие от казаков Доманова, люди Шандрука яростно воевали против советских войск" и были формально дивизией СС. Тем не менее было выдано только 112 человек, остальные были объявлены "польскими гражданами" (Н. Толстой считает, что половина ими не была). Летом 1947 г. их перевезли в Англию, где они даже получили работу (вероятно, сыграло роль заступничество польского ген. Андерса и римского Папы; а также опасение, что на сей раз не удастся сохранить операцию в тайне)⁸⁷.

Ялтинское соглашение предусматривало выдачу не только власовцев и военнопленных, но также "остовцев" и беженцев. Вот как это происходило в обычном лагере для перемещенных лиц под Бременом:

"...около 2-х часов ночи, у обнесенного проволокой лагеря остановились английские и советские военные машины. ...разом включились все прожектора, ярко осветив лагерь. Его обитатели в панике бросились из своих жилищ - их встретил пулеметный огонь советских охранников. На глазах майора Вольфа и его солдат с десятков мужчин, женщин и детей были убиты на месте. Раненых было много больше...". Майор Вольф "присутствовал при нескольких массовых расстрелах. В ответ на его рапорт полковник Питер Лейн из разведки ответил, что такова политика британского правительства и ничего поделать тут нельзя"⁸⁸.

Все это происходило в то самое время, когда союзники-победители торжественно подписывали Устав ООН (26. 6. 45) и когда на Нюрнбергском процессе (20. 11. 45 - 1. 10. 1946) судили побежденных за - "тягчайшие преступления против человечества"... Н. Толстой пишет, что и выдачи советских граждан на явную смерть "трудно назвать иначе, как военным преступлением"⁸⁹.

Среди перемещенных лиц были беженцы, спасавшиеся от ареста за "сотрудничество с оккупантами" (а "сотрудничал" каждый, кто работал по своей специальности и не помогал партизанам). "Большинство беженцев успевало

отходить от родных мест на десятки, самое большое сотни километров - их настигал фронт... Беззащитные, малоподвижные даже для самосохранения, сгрудившиеся на проселочных дорогах многотысячные толпы женщин, стариков, детей, с подводами, нагруженными домашним скарбом, иногда ручными тележками - были хорошей мишенью... Все стратегические операции танковых частей Красной Армии... проходили, прежде всего, по живому телу беженской массы. Большая часть ее была захвачена еще в пределах Советского Союза, меньшая часть вышла за его границы".

"...глухими проселками Польши, Венгрии, Румынии с востока на запад тянулись бесконечным потоком караваны подвод, запряженных лошадьми, на юге нередко волами, сопровождаемые на многие километры растянувшимися лентами пешеходов. Караваны идут в темную даль, в неизвестность, идут не куда-нибудь, а "оттуда". Идут не с немцами, а уходят от большевиков. Сколько их? к чему они стремятся? Никто, в том числе и они сами, не смог бы ответить на эти вопросы..."⁹⁰.

Большинству из них тоже не удалось стать эмигрантами. Сколько их было - никто не считал.

Но добычу с чужих территорий считали. По сообщению советского уполномоченного по делам репатриации генерал-полковника Ф. И. Голикова, только к 7 сентября 1945 г. западными союзниками было выдано 2.229.552 человека⁹¹.

Эта цифра не окончательная, поскольку выдачи продолжались (правда, уже в меньших количествах). Согласно другой советской цифре, опубликованной в том же 1945 г. (и, следовательно, тоже неполной), "освобождено и репатрировано было 5.236.130 советских граждан" (сюда включены не только выданные Западом, но и захваченные в советской зоне оккупации). "Бывший офицер НКВД, имевший доступ к досье этой организации", сообщил, что в 1943-1947 гг. "было репатрировано около пяти с половиной миллионной русских"⁹².

Хоффмани считает, что около 30% власовцев и военнослужащих "восточных батальонов" были расстреляны,

остальные (выданные позже) получали меньшие сроки (чаще всего 10 лет) или посылались на тяжелые работы - их преступление состояло в том, что они заглянули на "другую сторону луны" и уже не могли слепо верить советской пропаганде...

Главное же, почему советская сторона настаивала на выдачах - чтобы не укреплять эмиграцию свежими силами и не выпускать в западный мир миллионы свидетелей своих преступлений. Ялтинское соглашение как ножом разрезало ту общность судьбы миллионов русских людей из России и Зарубежья, которая возникла в военные годы. Лишь небольшой части советских граждан удалось спастись, став "второй эмиграцией" (около полумиллиона человек). Ее политическим костяком были участники Русского Освободительного Движения.

...В аннотации издательства "Посев" к книге А. Казанцева "Третья сила" сказано: "Из исторической перспективы попытка создания независимой "третьей силы" на гитлеровской территории во время войны может показаться еще безнадежнее, чем это выглядело тогда. Но не пришлось ли бы всем нам еще больше стыдиться... если бы этой попытки не было?"

Вспоминая о том выборе меньшего зла, который стоял перед русским Зарубежьем в начале войны, можно видеть, что в своих надеждах жестоко обманулись обе части эмиграции: ни Гитлер, ни демократии не были заинтересованы в свободной России. Гитлер погубил в концлагерях миллионы противников коммунистического режима, а Запад после войны выдал уцелевших на расправу Сталину - тоже миллионы (об этом В. Варшавский, говоря на тему выбора, не упомянул). Обманулись и те - как в эмиграции, так и в СССР, - кто надеялся на либерализацию режима после победы...

Однако годы войны наглядно показали существование в России национально-освободительного потенциала - проявившегося, несмотря на все разрушения и потери. И

лишь состояние мира было таково, что этот потенциал не мог реализоваться - в этом причина спорных и сомнительных сторон явления РОД.

Вторая мировая война стала экстремальной ситуацией, в которой обнажилась духовная суть всех сил, противостоящих в расколотом мире: капитализма, коммунизма, фашизма. К осмыслению их сущности мы еще вернемся, но уже сейчас виден главный политический урок тех лет. Они окончательно показали, что ключ к освобождению и возрождению России - только в самой России; что освобождение снаружи - вряд ли возможно, ибо в эгоистическом мире у русского дела нет друзей. А против врагов россияне способны бороться даже при таком режиме.

Послевоенный период характерен тем, что в мире остались только две из этих сил, в конфликте между которыми, грозившем новой мировой войной, предстояло жить и действовать политической эмиграции - помня о полученном уроке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хоффманн Й. История Власовской армии. Париж, 1990. С. 29.
2. Там же. С. 88-89.
3. Там же. С. 69-70.
4. Там же. С. 28-29; Кромиади К. За землю, за волю... Сан-Франциско, 1980. С. 175, 202.
5. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 63-64.
6. Там же. С. 63.
7. Никонов В. О казачьих делах / "Часовой". Брюссель, 1950. № 298. С. 20-21; № 302. С. 17.18.
8. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 68-69.
9. Там же. С. 97.
10. Там же. С. 71.
11. Там же. С. 72.
12. Там же. С. 90.
13. Там же. С. 29.
14. Там же. С. 90.
15. Андреева Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. Лондон, 1990. С. 223-224.
16. Там же. С. 251-251.

17. Кромиади К. За землю, за волю... С. 113.
18. Там же. С. 113.
19. Там же. С. 172.
20. Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Франкфурт-на-Майне, 1975. С. 255, 276.
21. Казанцев А. Третья сила. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 166-167.
22. Там же. С. 176.
23. Кромиади К. За землю, за волю... С. 157.
24. Алымов А. Тайна майора Зыкова / "Часовой". 1950. № 302. С. 19-20. См. также: "Часовой" № 315. С. 20; Андреева А. Указ. соч. С. 117-126.
25. Кромиади К. За землю, за волю... С. 173.
26. Там же. С. 21.
27. Фрелих С. Генерал Власов. США, 1990. С. 100-102.
28. Казанцев А. Указ. соч. С. 265, 273.
29. Хоффмани Й. Указ. соч. С. 9.
30. НТС. Мысль и дело. Франкфурт-на-Майне, 1990. С. 17.18.
31. Кромиади К. За землю, за волю... С. 167.
32. Андреева Е. Указ. соч. С. 252-253.
33. Там же. С. 253-254.
34. Laqueur W. Deutschland und Russland. Berlin, 1965. S. 10, 84, 97-98.
35. Орехов В. Из недавнего прошлого / "Часовой". 1948. № 276. С. 24; Войцеховский С. Так было. / "Часовой". 1948. № 280. С. 22-24; 1949. № 285. С. 20-21; Елизаров В. Так было. / "Часовой". 1949. № 291. С. 17.
36. Прянишников Б. Незримая паутина. Нью-Йорк, 1979. С. 384. Должен заметить, что в 1976 г. в устном разговоре К. А. Фосс назвал НТС "единственной организацией, которая что-то делает против большевиков".
37. Штрик-Штрикфельдт В. Указ. соч. С. 12.
38. Seide G. Verantwortung in der Diaspora. München, 1989. S. 122-130.
39. Кромиади К. За землю, за волю... С. 23-24.
40. Православная Русская Зарубежная Церковь. Монреаль. (Листовка-брошюра). Без года. С. 16-17.
41. Там же. С. 17. См. также: "Русско-Американский Православный Вестник" № 1, 1946.
42. Жеребков Ю. Попытки КОНРа установить контакт с западными союзниками / "Зарубежье". Мюнхен, 1979. № 1-2-3. С. 17.
43. Там же. С. 18-19.
44. Там же. С. 20-21.
45. Прянишников Б. Новопоколенцы. Силвер Спринг (США), 1986. С. 152-153.
46. Там же. С. 173.
47. "Даже если бы мы тогда могли заглянуть в будущее..."

Интервью с А. П. Столыпиным / "Посев". Франкфурт-на-Майне, 1983. № 10. С. 41.

48. Цит. по: Мысль и дело. С. 18.

49. Жеребков Ю. Указ. соч. С. 20-21.

50. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 207-209; Поремский В. Долгий путь / "Посев". 1984. № 4. С. 45.

51. Толстой Н. Жертвы Ялты. Париж, 1988. С. 74.

52. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 249.

53. Толстой Н. Указ. соч. С. 415, 438.

54. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 241-242.

55. Фрелих С. Указ. соч. С. 283-291.

56. Кромнади К. За землю, за волю... С. 252.

57. Фрелих С. Указ. соч. С. 294-297.

58. Столыпин А. Еще о жертвах Ялты / "Посев". 1983. № 2. С. 45.

59. Бетелл Н. Последняя тайна. Лондон, 1977 (примерно). С. 45-46, 113, 137, 143, 149, 234.

60. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 252-254.

61. Цит. по: Киселев А., прот. Облик генерала Власова. Нью-Йорк. Б. г. С. 194.

62. Цит. по: Бетелл Н. Указ. соч. С. 128.

63. Толстой Н. Указ. соч. С. 4.

64. Там же. С. 177, 274.

65. Там же. С. 277, 283.

66. Там же. С. 286, 294.

67. Краснов Н. Н. (младший). Незабываемое. 1945-1956. Нью-Йорк. Б. г.

68. "Правда". Москва, 1947. 17 янв.; "Известия". Москва, 1946. 2 авг. / Цит. по: Стеенберг С. Власов. Мельбурн, 1974. С. 240, 249.

69. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 251.

70. К. Р. Трагедия русских в Финляндии / "Часовой". 1947. С. 264. С. 9-10; Толстой Н. Указ. соч. С. 422-423.

71. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 240.

72. Войцеховский С. Эпизоды. Лондон (Канада), 1978. С. 131.

73. Толстой Н. Указ. соч. С. 140-141, 145, 151-152, 204, 206, 239, 338, 343-344, 348; Бетелл Н. Указ. соч. С. 68-69, 71, 179, 181, 188.

74. Бетелл Н. Указ. соч. С. 15, 11, 17.

75. Там же. С. 233-234.

76. Казанцев А. Указ. соч. С. 349.

77. Православная Русская... С. 23.

78. Толстой Н. Указ. соч. С. 9, 59, 380, 389.

79. Бетелл Н. Указ. соч. С. 242-243.

80. Толстой Н. Указ. соч. С. 474-477.

81. Бетелл Н. Указ. соч. С. 64, 225-226.

82. Толстой Н. Указ. соч. С. 5, 198, а также: С. 408, 413, 425-427, 430.

- 83. Там же. С. 425-431.
- 84. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 99-100.
- 85. Толстой Н. Указ. соч. С. 282.
- 86. А. П. Русский корпус в Сербии / "Часовой". 1971. № 543.
ент. С. 10.
- 87. Толстой Н. Указ. соч. С. 279-282, 364-367.
- 88. Там же. С. 343-344.
- 89. Там же. С. 482.
- 90. Казанцев А. Указ. соч. С. 235-236.
- 91. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 240.
- 92. Толстой Н. Указ. соч. С. 453.
- 93. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 241.

Сергей ФЕДОРОВ

Печоры*

"Что ни город, то нор", - говорит забытая русская пословица. Сегодня это утверждение звучит по меньшей мере странно. Мало что вызывает такую отчаянную грусть в душе специалиста-архитектора, да и новоявленного ревнителя "загубленной старины", как облик небольшого провинциального городка.

При въезде практически в любое поселение страны нас равнодушно встречают монотонные кирпичные и панельные дома-близнецы, редко где решающие тяжелые жилищные проблемы. Еще совсем недавно эти строения служили нейтральным фоном для ярких образов "монументальной пропаганды", которая языком плаката и других малых форм социалистического дизайна напоминала о достоинстве КПСС, неизбежности строительства коммунизма и прочих трюизмах отечественного бытия. Пятилетка перестройки заменила этот, казавшийся вечным, марафет на более сдержанные, малообещающие фразы. Обнажившиеся типовые фасады городских окраин стали похожи на своеобразный просцениум, занавес, за которым в последние семьдесят лет разыгрывались во многом типовые же судьбы малых городов. Они мало отличались от судеб человеческих поколений. Набеги жестоких войн, коллективиза-

* Полное авторское название статьи: "Печоры: православный монастырь как центр города периода функционирования. Пропущенные страницы архитектурной биографии города Печоры". - Ред.

ций-индустриализаций, утопии социальных и атеистических преобразований оставили неизгладимые лакуны в городских структурах. Наиболее зримо это ощущается в отсутствии основных градоформирующих доминант - "репрессированных" культовых сооружений и монастырских комплексов. Победенные сословия вынужденно уступали свою собственность - так исчезали характерные районы купеческих особняков, "перепрофилировались" гимназии, реальные училища, церковные школы, развитая инфраструктура провинциальной благотворительности.

Реализация ведущего постулата советской версии социализма - создание новой, "общественной" собственности нанесла окончательный удар по большинству малых и средних городов. Юридическая передача основной недвижимости абстрактному государству привела к формированию уникального феномена собственности, на деле ничейной.

Лишенные финансовых возможностей для собственного муниципального развития, поселковые и городские Районные Советы могли лишь грустно констатировать последовательную амортизацию своего коммунального жилого фонда и прочих строений, небрежно переписанных в районных БТИ (Бюро технической инвентаризации). На место утраченных "привязывались" случайные типовые проекты жилых и общественных зданий, возводившихся по принципу подешевле и попроще с полным игнорированием исторического и архитектурного своеобразия местности.

В итоге за недолгое столетие от многих населенных пунктов практически остались лишь названия. Открывая малотиражную краеведческую литературу или географические карты, мы часто удивляемся неожиданному, завораживающему звучанию таких топонимов, как Андреаполь, Кашин, Козельск, Мышкин, Лальск, Олонец, Опочка, Порхов, Псовец, Рыльск, Сольцы, Тотьма, Чухлома и многие, многие другие. Однако посоветовать тут же отправиться в путь с ностальгией на встречу с чем-то настоящим, увы, будет неискренним.

А ведь в доброй теперь памяти прошлом веке провинциальный город являлся важнейшим элементом сложного российского организма, своеобразным связующим звеном между уходящим дворянским поместным бытом и столичной городской культурой. Непростые социально-экономические процессы - переход крестьян в купечество, формирование мещанских сословий и разночинной интеллигенции, земская и другие реформы активно меняли характер быта и облик посадов, заштатных, уездных городов и пригородов.

При этом сама провинциальная жизнь продолжала сохранять свою особую атмосферу и свежесть. Газеты, книги и новости сюда часто поступали ранее, чем в столицу и вызывали живейший отклик. "Что за прелесть эти провинциальные барышни", - восклицал жизнелюб Пушкин. Ареной сложных человеческих перипетий становилась городская провинция в произведениях Чехова и Куприна. Тем не менее в общественном сознании наших поколений оказался искусственно закреплён "щедринский" пейзаж небольшого русского городка - воплощения "казарменно-крепостнической", "николаевской" России. Гротескно-пародийная стилистика М. Е. Салтыкова-Щедрина в духе соцреализма была трансформирована в идеологический штамп, который, в частности, способствовал дискредитации малого города как во многом бессмысленного общественно-исторического образования.

"Ненужность" такого города была по-своему подчеркнута и всем развитием нашего социалистического государственного строительства. Идеи тотальной урбанизации, форсированной индустриализации, создания новых коллективных форм быта лучше писались на чистых ландшафтах и пространствах, явно спотыкаясь о традиции и самобытность многочисленных поселений. Эта безнадежная борьба, противостояние старого и нового нашли прекрасное отражение в лучшей литературе 20-х годов, от А. Платонова до Л. Добычина.

Сегодня же, попадая, скажем, в такой уникальный и крупный город, как Псков, приходится лишь безответно недоумевать от обиды за растерзание его телес. Сохранившиеся церкви, похожие на белые мумии былой цивилизации, физически утонули в аморфном болоте серого города, точнее не столько города, сколько расползшейся промышленной зоны с комплексами электростанций, высотными трубами, торчащими из-под монастырских стен, территориями заводов и фабрик. "Этот город так обширен, что его окружность обнимает пространство многих городов, и в Германии нет города, равного Пскову", - писал в XIII веке автор немецкой хроники. Увы, подобная оценка сохраняет свой обратный смысл. И в Германии, и во всей Западной Европе уже давно не существует такого равнодушного отношения государства к своим малым историческим городам, какое сложилось в СССР.

В начале 50-х годов один из ведущих современных архитекторов, американец эстонского происхождения Луис Канн (1901-1974) предлагал студентам Йельского университета тему дипломного проекта "Монастырь в Магнитогорске"* . Надо отдать должное известному мэтру. Выдвинутая им как очевидная архитектурная утопия тема сегодня (если абстрагироваться от топографической конкретности Магнитогорска) обретает глубокий идеологический, концептуальный и практический смысл. Спонтанной иллюстрацией к этому сюжету, увы, является и облик многих малых и средних городов России. Старейшее ядро того же Пскова - Кром и Довмонтов город - в панораме берегов реки Великой выглядят не как застывший монумент могучего отечественного средневековья, а скорее как тот же "монастырь в Магнитогорске" - сдавшаяся напор урбанизации крепость.

* Этот интересный факт был сообщен выпускником Йельского университета, ныне вице-президентом Regional Plan Association (New York), доктором Б. С. Пушкиревым.

Проблема современного плачевного состояния "больших проблем" малых российских городов появилась на страницах отечественных изданий недавно*. На них обратили внимание уже после экологических катаклизмов в районах крупных гидроэлектростанций, осознания необратимости ситуаций с "неперспективными" деревнями, тяжелейшим состоянием так называемой государственной охраны памятников истории и архитектуры.

В бесконечном ряду насущных российских проблем трудно расставить их по какому-то ранжиру, степени запущенности, да и вряд ли это чему поможет. Явно теряет остроту и актуальность само по себе обнажение наших бед и ран, абстрактное взывание к помощи. Время поставило окончательный, летальный диагноз коммунистической идеологии. Только после полной перестройки порожденной им государственной и экономической структуры может начаться медленный и тяжелый процесс выздоровления, который со временем, надеемся, затронет и малый российский город.

Помочь этому процессу уже сейчас может восстановление правды о жизни и быте этих городов, их подчас удивительной биографии. Исторический факт и остатки "ка-

* В 1987 г. градостроительные аспекты вопроса начала обсуждать газета "Архитектура". В первом выпуске новой рубрики "Малый город: экспертиза проблемы", в частности, сообщалось, что сегодня в РСФСР существует 714 малых (с населением до 50 тыс. человек) городов. Из них 485 не имеют централизованных общегородских канализационных сетей, в 464 водоснабжение не достигает проектного уровня. За 10 лет в 211 городах в больницах не создано нового коечного фонда, острая нехватка мест типична для дошкольных учреждений. За счет массового оттока молодежи население малых городов быстро стареет. Все показатели обеспеченности в малых городах ниже, чем в больших и средних. 50% улиц таких городов не имеют твердого покрытия, до 30% населения нуждается в улучшении жилищных условий. Средняя мощность одной строительно-монтажной организации малого города не превышает 3 млн. рублей, что вдвое меньше оптимального (Архитектура, 1987, № 23, декабрь, с. 1, 6).

менной летописи" - архитектуры должны стать теми веками, которые помогут воскресить новую городскую жизнь, достойную славных местных традиций.

* * *

Одним из удивительных образцов биографий малого русского города несомненно является история г. Печоры, расположенного в 50 километрах к западу от уже поминавшегося Пскова. Вся жизнь Печор была и остается связана со знаменитым Псково-Печорским монастырем - крупным религиозным центром, в прошлом - мощной крепостью на западных рубежах Руси. "Предреволюционная" история Печор достаточно известна из литературы в основном прошлого - начала нынешнего столетий*. Неожиданный поворот в судьбе города произошел после 1920 г., когда он вошел в состав независимой Эстонии. Почти четверть века (до 1944 г.) Петсери - эстонская транскрипция слова Печоры - развивался как уездный центр молодого европейского государства. Этот период стал не только временем интенсивных урбанистических преобразований в традициях функционализма, но и уникальным, незапланированным социально-историческим экспериментом. В то время как сотни его собратьев, малых российских горо-

* В числе таких публикаций следует выделить: Псково-Печорский монастырь. - Живописное обозрение, 1874, № 36, с. 567-568; Псков и его окрестности. Очерк истории Пскова. Путеводитель и справочная книга. Псков, 1907, с. 77-86; Псково-Печорский монастырь в 1586 г. (Из писцовой книги. Взято из Моск. архива М-ва юстиции). СПб, 1904; Лебедев Евг. Иностранческий вопрос в Псковской губернии в связи с религиозно-политическим значением Псково-Печорского монастыря. Псков, 1891; Аполлос. Первоклассный Псково-Печорский монастырь. Остров, 1893; Рабинович Г. Архитектурный ансамбль Псково-Печорского монастыря. - Архитектурное наследство, 1956, № 6, с. 57-86, и ряд других.

дов, вступили в тяжелую годину непредсказуемых насилий, Петсери сохранялся как реликтовый заповедник русской этнографии и культуры. Ни на день не прерывалась жизнь Успенского мужского монастыря, который превратил город в место паломничества всей диаспоры русской эмиграции. Многие актуальные и острые сегодня процессы развития национальной культуры: ее "выживание" при тесных контактах с европейской цивилизацией, национальное противостояние и сосуществование в условиях открытого демократического общества, включение исторических памятников в контекст быстро растущего современного города и другие, были практически уже пройдены в "эстонский период" существования Печор.

Отмеченные особенности, а также отсутствие публикаций об этом времени в советской литературе делают историю Петсери не только любопытной иллюстрацией к начатому разговору о судьбах малых русских городов, но и важным практическим опытом.

Перед тем как окунуться в динамичные события 20-х-40-х годов, вспомним основные вехи развития Печор - небольшого русского поселения, выросшего у стен Псково-Печорского монастыря. По преданию, первый отшельнический пещерный скит появился здесь в XIV в. Достоверная история монастыря прослеживается с 1472/73 гг., когда священник Иоанн Шесников, в монашестве Иона, после избиения русских в Дерпте нашел пристанище в "Богом зданной пещере" в ложбине ручья Каменец. 15 августа 1473 года была освящена Успенская пещерная церковь, положившая начало обители. Основание монастыря имело важное идеологическое и политическое значение. Он возник как опорный пункт православия у самой границы Псковской земли и владений католического Ливонского ордена.

Первоначально небольшая скромная обитель служила убежищем, укрытием и не выполняла оборонительных функций. Отсюда ее необычное расположение в котловине глубокого оврага. Подъем монастыря наступил в начале XVI в. после присоединения Пскова к Москве. При игумене

Корнилии (1529-1570) монастырь превратился в могучую крепость, крупного феодала и очаг миссионерской деятельности среди этнически разнородного населения.

Укрепления, возведенные в 1558-1565 гг., в начальный период Ливонской войны, защищали не только сам монастырь и население сельской округи, но и прикрывали дальние подступы к Пскову. Этот пограничный щит имел общегосударственное стратегическое значение. Впервые в военных действиях крепость участвовала в 1581 г., отразив штурм и выстояв длительную осаду войск польского короля Стефана Батория. В пору Смутного времени, в 1611-1615 гг., она стойко оборонялась от польских и шведских интервентов.

Печорская крепость выстроена из местного (изборского) камня - светло-серого плитняка. Стены длиной более 750 метров с восемью башнями охватили возвышенные участки берегов оврага, что позволяло господствовать над местностью и вести эффективную круговую оборону. Сильно пересеченная местность определила сложный план укреплений в виде неправильного многоугольника (в это время на Руси уже строились регулярные фортификационные сооружения). Поскольку основные монастырские здания находились в загубленной части рельефа, образ ансамбля формировали сами укрепления и прежде всего башни с высокими шатровыми завершениями. Главной высотной доминантой служила Петровская проездная башня, выстроенная позднее, в 1638 г. В 1701 г. по распоряжению Петра I крепость была усилена дополнительными земляными укреплениями и через два года отразила нападение шведского отряда. После Северной войны она потеряла стратегическое значение.

Первые свидетельства о поселении при монастыре относятся к концу XVI в. Подмонастырская слобода выполняла двоякую функцию: хозяйственного обслуживания обители и охраны крепости. Монастырь-крепость играл ведущую роль в формировании поселения, но не стал его пространственным ядром. Слобода росла асимметрично в

северо-западном направлении преимущественно вдоль Псковской дороги. Начало слободе положил монастырский двор ("дворец"), выросший в XVI в. перед северными Никольскими воротами крепости. На нем стояли конюшенный двор и кельи, в которых жили "работники по службам в монастыре", а также деревянная церковь Сорока мучеников. Этот первый приходский слободской храм был посвящен памяти о дерптском погроме 1472 г. За конюшенным двором размещался торг с лавками.

Таким образом, к концу XVI в. уже складывались основные компоненты традиционной системы древнерусского поселения: "город" (монастырь-крепость), торг и "посад" (хозяйственно-ремесленные дворы), неразрывно связанные с сельской округой. О топографии слободы в следующем столетии дает представление рисованный "Чертеж русского монастыря и крепости Печорска...", составленный в 1674 г. шведским военным агентом Э. Пальмквистом - первый графический документ по истории города*.

Центром слободы становится общественно-торговая зона, включавшая торговые ряды и Рыбную площадь, таможню и постоянный двор. От нее расходились дороги на Псков, Ригу и Дерпт, вдоль которых складывалась жилая застройка. В течение XVIII в. слобода оставалась поселением полусельского типа. В результате секуляризации земель она была отделена от владений монастыря и перешла в ведение казенной конторы экономии. Жители ее состояли на положении экономических крестьян и занимались в основном земледелием. Поселение сохраняло свой средневековый характер - свободную планировку с "силовыми линиями" торговых путей и усадебную деревянную застройку с огородами "по обыкновению крестьянскому".

* Nagre widh Liste Kongl. Ambassadent ill Tzaren Muskou giorde Observatione öfver Rysslandh des wäger, Pasz midis Fästinger, des Gränter. Sammad ragne af Erich Palmawist. Anno 1674. Stokholm, 1898 (1.9.33, оборот - 34).

В 1782 г. при разделении центрального уезда Псковской губернии бывшей слободе присвоили статус уездного города. Его историческое написание - Печеры. В 1785 г. был составлен регулярный генеральный план, наметивший перспективы развития города в русле классицистических градостроительных концепций. Городская территория была значительно увеличена и вписана в форму трапеции, ограниченной земляным валом и небольшим отрезком ручья Каменец. Намечалась кардинальная перепланировка: спрямление старых и прокладка новых улиц, укрупнение кварталов, которым придавались прямоугольные очертания. При этом исторически сложившееся монастырское ядро и каркас проездов преемственно сохраняли свою пространственную организацию.

Однако в условиях Печор механизм российского административно-градостроительного регулирования оказался малоэффективным. Насаждавшаяся сверху жесткая социальная регламентация не учитывала традиционных интересов местного населения. К моменту учреждения города весь контингент его жителей состоял на положении экономических крестьян; между тем, согласно указу 1782 г. крестьянам не разрешалось жить в городах. Большая часть местного населения противилась вступлению в купечество и мещанство, так же как и переселению в окрестные села. В "малолюдном и бедном городе" реальные стимулы для развития и строительства отсутствовали. В результате перепланировка не была осуществлена, а новая городская территория оставалась неосвоенной и использовалась для сельскохозяйственных нужд. В 1797 г. Печорский уезд был ликвидирован, и Печоры стали заштатным городом, а с середины XIX в. - пригородом Пскова.

Таким образом, в отличие от подавляющего большинства старых русских городов Печоры миновали стадию тотальной регулярной регламентации и донесли средневековую планировочную структуру вплоть до 1939 г. (фрагменты ее уцелели до наших дней). Правда, генеральный план 1785 г. не отменялся, но реализация его была крайне

замедленной и фрагментарной. В застройке участков использовались в небольшом объеме "образцовые" планы и фасады серии 1809-1812 гг., разработанные столичными зодчими В. Гесте, Л. Руска, В. П. Стасовым. Главной доминантой города стала каменная церковь Сорока мучеников, возведенная в 1814-1817 гг. у торговой площади на месте одноименного деревянного храма. Центральным звеном западного "фасада" монастыря, обращенного к городу, стал собор св. Михаила - памятник Отечественной войне 1812 г. Этот яркий образец архитектуры высокого классицизма создан в 1815-1827 гг. по проекту петербургского зодчего Л. Руска.

В течение следующего столетия зданий такого значения в Печорах не возводилось. Город жил тихой, не побоясь модного слова - застойной жизнью. Население его почти не увеличивалось (1826 г. - 943 жителя, 1856 г. - 1186, 1887 г. - 1312 и лишь в начале XX в. оно превысило 2 тысячи человек). Практически не возрастало и число жилых строений, которых насчитывалось 200-250. Заселенная площадь города к началу XX в. составляла всего 45 десятин. До второй половины XIX в. все дома оставались деревянными. В 1904 г. из 228 домов 215 были деревянными, 7 - каменными, 6 - смешанными; из них 205 построек имели деревянные кровли. Облик дореволюционного города в целом был характерен для малых городов России и отмечен чертами полусельского поселения.

* * *

Спокойная, провинциальная жизнь Печор была нарушена началом Первой мировой войны. Затем последовали смутные времена двух революций 1917 года. В январе 1918 в Печорах был организован Волостной Совет, но уже в феврале город оккупировали немецкие войска. 2 декабря части Красной армии под командованием Яна Фабрициуса освободили Печору. Но в феврале-марте 1919 г. район был

занят войсками эстонских формирований. В соответствии с условиями Тартусского мира 2 февраля 1920 года город Печоры официально перешел в состав независимой Эстонской республики.

Сегодня, в дни, когда Верховный Совет СССР с особой чуткостью реагирует на возможные в будущем "притеснения" русскоязычного населения в освобождающейся Прибалтике, малоизвестные широкому читателю условия Тартусского договора выглядят весьма показательно. Без референдумов и долгих колебаний молодое Советское государство променяло в том далеком двадцатом году весьма значительный кусок исконной Псковской земли с соответствующим "русскоязычным населением" (в 1914 году в Печорах проживало только 150 эстонцев) на значительные политические выгоды*.

В первые годы существования в составе Эстонии (1920-1922) город Петсери, как стали называть Печоры, не выходил из административных границ, сложившихся на рубеже XIX-XX веков. Изменения в составе населения, связанные с притоком беженцев из России в 1918-1920 гг., привели к строительству новых кварталов деревянных домов. В начале 20-х гг. возобновились работы по перестройке ряда городских сооружений. Первой была восстановлена сгоревшая в 1918 г. водонапорная башня на Торговой (ныне Октябрьской) площади. В перестроенном здании тартуская фирма "К. Сеерзанд и К°" смонтировала электростанцию. С ноября 1920 г. центральная часть города (первоначально до 11 часов вечера) освещалась электричеством. В августе 1920 г. начался ремонт старого и строительство новых зданий Печорской реальной гимназии. На эти работы был выделен правительственный кредит в 25 тыс. марок. Тем же летом состоялось торжественное освящение

* По условиям Тартусского договора эстонское правительство обязалось разоружить армию генерала Н. Н. Юденича, что стало одним из факторов, определившим результаты Гражданской войны.

нового помещения Русского общественного собрания на Вокзальной (впоследствии Тарту) улице. Однако вскоре оно "вместо просветительного учреждения приняло вид кабака", и в городе раздались требования закрыть это учреждение*.

В 1921 г. президиум печорского Культурно-просветительского общества поднял вопрос о необходимости сооружения в городе Народного дома. Одновременно впервые была высказана мысль о необходимости учредить музей для сохранения своеобразной печорской культуры. В августе на Рижской улице открылось отделение Ссудно-сберегательного банка, одного из первых в городе. Через год на улице Выру появилось Уездное общество взаимного страхования, насчитывавшее позднее около 3000 членов.

Об активизации новой общественной жизни города говорит тот факт, что уже в октябре 1921 г. здесь был проведен I Конгресс по изучению этнографии народа сету, на котором присутствовало 200 человек. Представители народности сету (так называемые "полуверцы"), обитавшие на смежных территориях Эстонии и Псковской губернии, вносили своеобразные, колоритные черты в уклад местной жизни. Несмотря на давнюю приверженность православию, они прочно держались этнически самобытных обычаев, родного языка, традиционных искусств и ремесел. Псковский краевед И. И. Василев писал о них еще в 1896 г.: "Они резко отличаются и от русских и соседних эстов своими оригинальными костюмами со множеством у женщин серебряных украшений, а равно и особыми обычаями. Они православные и отличаются особенным усердием к православной церкви, хотя природная речь эстская. Это небольшая сравнительно горсть населения, но полного объяснения происхождения его не имеем. ...Ближе к истине, если считать их коренными эстами, сохранив-

* В общественном собрании. - Печорский вестник, 1921, № 47, с. 4.

шими влияние миссионерской деятельности прежних учителей псковской церкви, может быть, еще до католической пропаганды..."* Конгресс по этнографии сету положил начало планомерному научному изучению особенностей быта всех коренных жителей Петсерийского уезда. В городе в этот период (1921 г.) проживало 2151 человек, из них 57% русских, 29% - сету, 9% - эстонцев и 5% - латышей.

В конце 1920 г. эстонское правительство приняло решение о строительстве железной дороги Петсери - Тарту. Проект разработали русские инженеры С. Шелавин и Р. Села. Вопрос об источниках финансирования (соотношение частных и правительственных средств при сметной стоимости 422 млн. марок) надолго задержал реализацию проекта. Дорога была открыта в 1931 г. и заметно усилила экономические связи Петсери с крупными эстонскими центрами.

Среди первоочередных задач, которые решались органами местного самоуправления, следует выделить административное переустройство Петсерийского уезда и восстановление уничтоженных войной деревень. Выдвинутая аграрная программа основывалась на положении о том, что "общее материальное благополучие наступит лишь после распланировки всех земель на хутора"**. В соответствии с этим при перепланировке сгоревших деревень традиционные "наделы" заменялись хуторами. К 1931 году Петсери стал приграничным уездным центром с 11 сельсоветами. В состав уезда входили Старый и Новый Изборск (с гипсовыми месторождениями), русские селения Броды, Малы, Кряково, латвийское село Лавры и другие населенные пункты.

Одновременно с аграрно-административной реформой

* Василев И. И. Псковская губерния. Псков, 1896, сс. 88-89.

** И. М. О политическом и экономическом положении печорского края. - Печорский вестник № 17, 1921, с. 3.

было восстановлено распространенное в районе Печор в начале века ручное кирпичное производство. Один работник при помощи простейших форм изготавливал за день до 1000 штук кирпича, которые шли в дело без обжига. Так практически полностью удовлетворялись местные потребности в строительном материале.

Первые серьезные градостроительные преобразования г. Петсери начались в 1922-1924 гг. В северной части города, на месте выпасов для скота за внутренними границами участков по Псковской и Вокзальной (ныне Юрьевская) улицам, был разбит обширный район, который вскоре получил устойчивое название "новый город". Его развитие и застройка проводились по инициативе пришедшего к власти в 1924 г. "либерального, состоящего преимущественно из эстонцев городского совета"* . При освоении северной части города оказались реализованы новые для Печор градостроительные приемы, близкие популярным в Европе начала XX века идеям "города-сада". В разных формах они широко использовались и в эстонской архитектуре 20-х гг., например, при планировке города Пярну, новых районов Тарту и Таллинна и ряда других населенных мест.

Направление развития нового Петсери определила динамичная наклонная ось улицы Аиа (Садовая), проложенная по кратчайшему пути к железнодорожному вокзалу. При этом город шагнул в единственно возможном направлении, определенном природной ситуацией. Расширение к востоку ограничивалось средневековым монастырским центром и долиной ручья Каменец, к югу - жилым районом начала XX века ("Бутырка"), к западу - заболоченными территориями.

Строительство любого нового города пронизано особым

* Piipenberg E. Die Stadt Petseri in Estland (Город Петсери в Эстонии. На нем. яз.). Publicationes Instituti Universitatus Tartuenss Geographici № 21. Tartus, 1933, с. 26.

пафосом созидания, отражающим основные нравственно-мировоззренческие принципы конкретного общества. С этой известной точки зрения можно рассматривать и архитектурное содержание Петсери. Не будем забывать, что формировалось оно во второй половине 1920-х гг., когда за закрывшейся "на замок" соседней восточной границей, в том числе в ближайших Петрограде (Ленинграде), Гатчине (Троцке), Царском (Детском селе) и других городах шло форсированное строительство основ тоталитарного социализма. Первым градоформирующим элементом эстонского центра стало здание лютеранской кирхи св. Петра, заложенной в ноябре 1923 г. на Кирочной (ныне Гагарина) улице. Отсутствие ожидаемого финансирования растянуло строительство, которое осуществили ведущие архитекторы Петсери А. А. Подчекаев* и Крюммер.

История эстонского прихода в Печорах началась в 1897 году. В сентябре 1921 г. консистория утвердила самостоятельный приход в Петсери. Одновременно начался сбор средств на строительство кирхи, которое возглавил епископ Кукк. Торжественное освящение церкви состоялось 19 сентября 1926 г., в присутствии министра просвещения Латтика, министра внутренних дел Ларетей, министра обороны генерала Соотса, епископа Кукка и многих деятелей эстонской церкви. В память об этом событии была выпущена небольшая брошюра**.

* Выпускник Рижского политехникума Анатолий Алексеевич Подчекаев с 1905 по 1919 гг. работал в Пскове и уже строил в Печорах (монастырский дом на Торговой пл., 1913). После 1919 г. архитектор переехал в Эстонию в Тарту, где являлся совладельцем строительной конторы "А. Подчекаев и П. Зубченков" - подрядчика основных сооружений Петсери. Умер в 1938 г., похоронен в Тарту.

** E. L. Petseri Eesti koguduse suure ülevaate küber (Е. Л. "Взгляд великих трудов Печорского эстонского прихода"). - *Elu*, 4 mar 1927, № 35, с. 3.

Первая каменная постройка "нового города" стоила 80 тыс. крон. В здании был установлен большой орган, привезенный из мастерской Крийза (г. Выру). Алтарное изображение Христа написала представительница "русской колонии" Оболянова*. В 1928 г. на колокольню подняли колокол, специально изготовленный в г. Бохум в Германии.

В традиционной базиликальной композиции краснокирпичного здания кирхи св. Петра выделяется массивная прямоугольная башня колокольни с восьмигранным завершением и шпилем. Его 41-метровая вертикаль замыкает перспективу улицы Кооли (ныне Школьная) и до наших дней остается главным высотным акцентом "эстонской" части, тактично уравнивающим в пространственной композиции города "русское" культовое ядро у монастырских стен.

Рядом с кирхой к началу 1930-х гг. сложился небольшой комплекс эстонских учебно-благотворительных учреждений. В 1926 г. справа возвели двухэтажное здание 6-летней общеобразовательной школы, ныне 3-я Восьмилетняя русская школа (ул. Гагарина, 12). В начале 30-х гг. слева от кирхи появилось двухэтажное каменное здание пасторского дома - интересный образец регионального варианта архитектуры функционализма. Главный вход в дом выделен эффектной, асимметрично поставленной угловой аркой, сегодня ведущей в помещения Городского военного комиссариата.

Во второй половине 20-х гг. в центре "нового города", на улице Аиа, вырос представительный ансамбль из трех крупных общественных зданий - гимназии, эстонского народного дома и банковского комплекса. Строительство этого ансамбля явилось наиболее значительным этапом формирования нового облика Петсери, а композиционно-стилистические решения самих зданий позволяют считать

* Setumaa ("Земля сету", на эст. яз.). Tartus, 1928, cc. 360-361.

их основными памятниками гражданской архитектуры эстонского периода.

Участок на левой стороне улицы Аиа был отведен для городской Гуманитарной гимназии. Здание стоимостью 21,5 тыс. крон построили в 1926-1927 гг. "г-да Розенберг и Аллас из Тарту"* . На правом углу лицевого корпуса сохранилась памятная доска с датой закладки "Аппо 1926".

Центральная часть лицевого фасада гимназии выполнена в ретроспективных ренессансно-барочных формах, напоминающих дворцовые постройки Таллинна и ряда эстонских усадеб XVIII века. Украшающие фасад лепные детали сложного рисунка выполнил известный в Петсери тех лет скульптор А. М. Денисов, выпускник петербургской Академии художеств, владевший самой большой в городе скульптурной мастерской.

В 14 классах и 20 специальных помещениях гимназии преподавание велось на эстонском и русском языках. Гуманитарная гимназия вскоре стала основным центром подготовки местной интеллигенции. Ее ученики образовали два культурно-просветительных общества: выпускников русского и эстонского отделений. Вокруг последнего сложился литературно-публицистический кружок, издававший в 1930-е гг. свой журнал (*Petseri Gümnasiumi. Pro-gimnasium. Petseri*).

Наиболее выразительное по стилистике, "красивейшее в Петсери", как писали в те годы, здание города позднее, в 60-е годы, оказалось искажено пристройкой нового корпуса. Сегодня в бывшей гимназии находится школа-интернат (ул. Свободы, 27).

Рядом со зданием гимназии практически одновременно (1926-1929) возводился дом, принадлежавший дружине самообороны (кайцелит) "Малев". Представительное обще-

* *Petseri gümnasiumi maja valmis* ("Закончилось строительство Печорской гимназии". На эст. яз.), - *Elu*, 6 aug., 1927, № 61, с. 3; 19 nov., 1927, № 91, с. 1.

ственное здание, выполненное в "столичных" неоклассических формах фактически выполняло роль эстонского народного дома Петсери. Основным ядром постройки служил театральный зал с оборудованной сценой. Примыкающие к залу и вестибюлю помещения отводились для собраний и клубных занятий. В конце периода 20-40-х гг. здание использовалось как главный театрально-концертный зал города, место гастролей и офицерское казино 7-го полка. Сегодня в бывшем доме самообороны работает городской дом культуры (ул. Свободы, 27).

Строительство в центре Петсери народного дома - одного из наиболее распространенных типов новых "просветительских" общественных зданий начала нашего столетия - послужило толчком к возведению аналогичных сооружений в уезде. В 1931 г. в ближайшем селе Паниковичи открылся большой народный дом со светлым театральным залом, построенный на добровольные пожертвования. Вскоре рядом установили гранитный памятник героям "Освободительной войны". К началу 30-х гг. относится выполненный в тех же неоклассических формах проект народного дома для селения Лавры. Наличие подобных предложений говорит об очевидном стимулировании уездной администрацией строительства общественных сооружений в крупных селах. Появление эстонских народных домов заставило русскоязычное население Петсери вернуться к высказанной еще в 1921 г. мысли о возведении собственного аналогичного здания. По свидетельству газеты "Печорский край", к апрелю 1932 г. "на план русского народного дома уже израсходовано 50 тыс. крон, но он так и остался незаконченным". По неизвестным причинам правление Русского общества просвещения отказалось от проекта архитектора А. И. Владовского* и поручило ту

* Александр Игнатьевич Владовский (1876-1950 гг.). Известный петербургский архитектор начала XX века. Выпускник Академии художеств (1903). С 1910 г. работал в Эстонии как архитектор и литератор.

же работу технику Югансену. О судьбе этого проекта, который печоряне хотели обязательно видеть в "русском стиле", ничего не известно.

Самым крупным сооружением нового общественного центра стало здание печорского отделения Эстонского банка. Свою деятельность в Петсери оно начало в 1922 г. Через семь лет банк приобрел у города участок земли в начале улицы Аиа. Проект здания разработал инженер-архитектор Ф. Адофф. Занятый преподаванием и делами в Таллинне он лишь изредка приезжал в Петсери. Все строительные работы, выполненные фирмой "А. Подчекаев и П. Зубченков", были закончены в 1930 г.*.

Оценив тенденции роста города, правление банка решило использовать свой участок для возведения не традиционного финансового здания, а общегородского торгово-административного центра. В его состав вошли банковские помещения, место для городского суда, почты-телеграфа, магазинов, типографии и других учреждений-арендаторов.

Рационалистическое по объемно-пространственной структуре сооружение декорировано масштабными ретроспективными деталями. Центральную часть фасада, обращенного к улице Аиа, украсила стилизованная "готическая" аркада. Аналогичные мотивы использованы в оформлении смежного фасада, обращенного к дому общества самообороны. Наиболее крупное здание Петсери и сегодня сохраняет свою ответственную роль. Здесь работает Исполком местных советов и ряд других административных учреждений районного масштаба (ул. Свободы, 27).

Организация общественного центра в виде пространственно развитой, удаленной от средневекового монастырского ядра композиции "города-сада" окончательно закрепила основной планировочный принцип формирования эс-

* Eesti Pank Petseri osakond 10-ne aastane ("Печорскому отделению Эстонского банка 10 лет". На эст. яз.). - Petseri undiseid, 1932, № 19, с. 20.

тонской части Петсери. Его можно назвать принципом органического дополнения исторически сложившихся жилой, торговой и культовой зон русской части города.

Первый этап крупных градостроительных преобразований сопровождался переименованием практически всех старых и наименованием новых магистралей, начатым в 1923 г. Без изменения остались названия главных - Псковской, Рижской, Смоленской и Церковной улиц. При выборе названий тактично учитывались исторические и этнические предпосылки. Проходившая по монастырской земле улица была названа Успенской. Проезд рядом с монастырем в сторону деревни Новые Бутырки стал Бутырской улицей. Примыкающий к ней извилистый переулок получил название Монастырского. Одновременно появились Подгорная, Пограничная, Кузнечная, Сельская (названия даны в переводе с эстонского) и ряд других улиц. Эти традиционные топонимы оказались дополнены поэтичными названиями проездов "нового города" - Каштановая, Вишневая, Цветочная, Розовая и другие улицы. Рядом с общественным центром вырос престижный жилой район, заселенный эстонской интеллигенцией и чиновниками. Наряду с традиционной постановкой зданий вдоль улиц здесь использовалась и новая - свободная постановка двухэтажных особняков на участках. Размещенные с большими разрывами жилые дома, открытые дворы без хозяйственных построек пространства, переходящие в уличные перспективы и природные ландшафты, создавали новое визуальное восприятие города. Как отмечал изданный в 1931 г. первый и единственный до сих пор путеводитель по городу, "до эстонского времени Печоры представляли собой типично русское село, а теперь вместо прежних хижин и пустырей возникли модные здания, улицы, бульвары"*.

* Petseri. Linn, Klooster, ja umbrus ("Петсери. Город, монастырь и окрестности". На эст. яз.). Eesti Turistide Ühingu Osakonna valjaanne. 1931.

тельности современные строения отнюдь не заменяли старые. Характерные для западных районов Псковской области деревянные рубленые избы по-прежнему составляли основу застройки русской, примонастырской части города. Она мирно сосуществовала с европейским Петсери, в застройке которого доминировали "модные" мотивы архитектуры периода функционализма.

Одновременно с развитием северной была заложена планировочная основа новой западной части города. Относительная удаленность от центра, похожая на остров форма плана и заболоченность почв закрепили за этим районом обиходное название "Сахалин", сохранившееся в устной топонимике и сегодня. Здесь в скромных одноэтажных домах обитало преимущественно эстонское крестьянство и ремесленное население.

Быстрые темпы жилого строительства были тесно связаны с динамикой демографических изменений. За десятилетие существования в составе Эстонии население Петсери удвоилось и составило в 1931 г. 4085 человек. Из них более половины (51,3%) составляли уже эстонцы и сету, 45,1% - русские. Одновременно почти в три раза увеличилась территория самого города - в 1931 г. Петсери занимал площадь 251,46 га, имел 45 улиц и 700 земельных участков. В 1933 г. на этих участках существовало 595 частных построек, из которых 417 оценивались в 4 тыс. крон, 219 - в сумму от 4 до 10 тыс. крон, 25 - 10-15 тыс., 8 - 15-20 тыс., 7 - 20-30 тыс., 6 - 30-50 тыс., 2 - 100-200 тыс., а здание эстонского банка оценивалось в 250 тыс. крон*. Через год количество построек выросло до 629 и в дальнейшем менялось незначительно.

Если первое десятилетие существования Петсери прошло под знаком активного нового строительства, то 30-е

* Kinnisvarade arv ja vaarbus Petseri linnas (Количество недвижимого имущества и его цена в Петсери. На эст. яз.). - Petseri undiseid, 1933, № 10, с. 1.

годы можно считать периодом осмысления результатов этой созидательной деятельности и становления новых форм общественно-культурной жизни, которые проходили на фоне определенной "эстонизации" города. Это сказалось, в частности, во втором крупном переименовании магистралей, проведенном управой в 1935 г. Исчезли Смоленская и Успенская улицы, главная магистраль Аиа получила название Вабадуз (Свобода). Новые архитектурные мотивы стали проникать и в монолитное, архаичное по стилистике ядро "русской" части города. Наиболее ярко эта тенденция сказалась в выборе прототипа для особняка лесопромышленника Г. Т. Русакова (Псковская ул., 32). Основой проекта двухэтажного жилого дома стали специально изготовленные техником Югансоном обмерные чертежи одного из особняков около парка Кадриорг в Таллинне. Построенное в 1932 г. здание отличается неожиданной для "русского" Петсери элегантностью неоклассической фасадной композиции. Рационалистические мотивы функционализма доминируют в облике особняка баронессы С. Н. Бюнтинг, появившегося в конце 1920-х напротив монастырских стен, рядом с основным массивом традиционной деревянной застройки (Подгорная ул., 6).

Отмечая заметное сокращение объемов нового строительства, газеты 30-х гг. писали, что "основное внимание уделяется ремонту и перестройке старых домов, чтобы улучшить вид города". После открытия в 1931 г. железной дороги Петсери - Тарту значительно активизировались торговые связи с крупными эстонскими центрами. По мнению специалистов, Петсери оказался в более выгодном положении, чем его ближайший сосед и конкурент - уездный центр Выру. В городе развернулось широкое строительство магазинов, число которых вскоре достигло 1 на 25 жителей - самый большой показатель в Эстонии. Четыре магазина "по новому проекту" появилось на Торговой площади, которая "постепенно приобретала более солидный, современный вид". В 1935 г. продолжилось строительство двухэтажных каменных лавок в центре деревянных

гостинных рядов - старейшего гражданского здания города. Район Торговой площади стал в эти годы основной зоной совместного проживания и работы эстонского и русского населения, связанного с торгово-коммерческими операциями.

Постепенное улучшение экономического состояния региона способствовало росту благотворительных начинаний и мероприятий по развитию городского хозяйства. В декабре 1931 г. состоялось открытие Городской богадельни, в которой временно разместился пункт питания для бедных детей. На следующий год начались работы по ремонту зданий городских начальных училищ. На работы по переделке 1-го русского училища отпущено 15 тыс. крон, 2-го эстонского - 4 тысячи. Осенью 1935 г. в Петсери открылись строительное и керамическое технические училища. В 1936 году для городских нужд приобрели дом министерства судопроизводства, где открылась публичная библиотека с читальным залом и женское профессиональное училище. В том же году закончилось строительство трехэтажного здания городской больницы. Старая больница из четырех корпусов вмещала 25 коек. Для приобретения хирургического и рентгеновского оборудования министерство здравоохранения выделило 18 тыс. крон.

Очевидное внимание уделялось стимулированию спортивных занятий печорян. В 1926 г. в центре района "Сахалин" уже существовал городской стадион. В июле 1931 г. на месте бывшего катка на улице Ваксали Общество выпускников печорской гимназии открыло площадку для волейбола и других спортивных игр. В те же годы в городе активно работало общество "Русский спортсмен". Летом 1932 г. Городская управа купила участок площадью 1 га на берегу реки Пачковка для устройства городской купальни. Уже в мае следующего года жителей Петсери приглашали в новую купальню-бассейн длиной 100, шириной 25 и максимальной глубиной 2 метра. В 1933 г. городской и уездный инженер Рожанский закончил работу над проектом и сметой нового стадиона, который должен был

заменить ликвидированный стадион на "Сахалине". На средства общества самообороны "кайцелит" в окрестностях Петсери в 1936 г. построили три трека.

Первоначальную планировочную идею развития северной части Петсери как "города-сада" завершила разбивка центральной парковой зоны на улице Вабадуз, напротив ансамбля общественных зданий. Более десяти лет эта территория оставалась незастроенной и использовалась как городской плац и место проведения парадов в день 2 февраля. Начатые садовником Ребане в 1935 г. работы позволили связать в единую садово-парковую композицию старый городской сад, общественные сооружения и близлежащие жилые дома. На треугольном в плане участке в начале улицы Вабадуз был сохранен небольшой пруд, в центре которого установлена декоративная скульптура (ск. А. М. Денисов, не сохранилась). Рядом с прудом появилась мемориальная роща - каждый выпускник гимназии по окончании сажал дерево. По другую сторону улицы предполагалось поставить "памятник погибшим в годы освободительной войны". Сегодня это место занимает цементный памятник В. И. Ленину.

Быстрая урбанизация города отнюдь не препятствовала сохранению элементов его традиционного уклада, уходящего корнями в XVIII-XIX века. К числу таких ярких этнографических особенностей Петсери относились популярные здесь торговые ярмарки. Они проводились два раза в месяц по 1 и 15-м числам. Кроме того, сохранялось семь больших, "годовых" ярмарок - 11 марта (Сборная), 15 апреля (Вербная), 29 апреля (Фомина), 31 мая (Вознесенская), 25 июля (Ивановская), 15 августа (Успенская) и 1 октября (Покровская). Ярмарки служили не только торговым целям, но и средством общения и развлечений, являлись центром распространения новостей. Русское население петсерийского уезда считалось более общительным, чем соседи-эстонцы, поэтому ярмарки в Петсери проходили особенно живо, а все рестораны города оказывались заполнены допоздна. Подготовка начиналась за день, раз-

гар ярмарки падал на время с 9 до 12 часов. Основным видом местной продукции был лен. Весной его заменяли снятки - сорт мелкой рыбы из соседнего Псковского озера. Летом здесь бойко торговали огурцами. Из-за низких цен по всей Эстонии был известен петсерийский свиной рынок и особый способ транспортировки свиней в корзинах*.

Одним из старейших видов народного искусства печорского края являлась хоровая песня. В двадцатые и тридцатые годы даже в Петсери, где жизнь перешла на городской лад, в светлые летние вечера во многих уголках слышалось пение. В 1932 г. по инициативе Союза просветительских обществ была положена традиция ежегодных дней песни. В информационной брошюре организаторы писали: "...Основная задача праздника - объединить все певческие организации Печорского края, чтобы доказать возможность совместной работы всех национальностей, населяющих этот край... Каждый, кто искренне любит свою родину, знает, что только при дружной совместной работе всех народов, населяющих Эстонию, возможно успешное процветание нашего государства"**. Первый певческий праздник успешно прошел 24 июля 1932 года. Подводя его итоги, Союз просветительских обществ отмечал, что культура, на пользу которой работают организации разных национальностей, объединенные в союз, на самом деле - единая, общечеловечная. В последующие годы на песенные праздники приглашались эстонские хоры из Таллинна, Выру, Лепасааре. Шествие хоров через город начиналось у 2-ой гимназии и заканчивалось в Богдановском саду. Праздник песни сопровождался народными гуляньями.

История небольшого Петсери наглядно объясняет при-

* Laid E. Petseri laat etnograafiliselt sei ukohalt. Tartu, 1937.

** Petserimaa I üldlaulupidu. 24 Juulid 1932. Aastal. Vbrus. 1932. (Информационное издание по случаю I Печорского всеобщего дня песни. На эст. и русск. яз.)

чины духовной депрессии и запойной апатии сегодняшних малых городов России. Отсутствие искусственной монополии на идеологию и культуру, возможность свободной самоорганизации и инициативы граждан, экономическая самостоятельность большинства общественных структур - такова простая и, вероятно, вечная формула, создающая органические условия для сохранения и развития местных традиций.

Начиная с 1920 г., в Петсери последовательно выходили более 15 периодических изданий - газет и "листочков" на эстонском и русском языках. Большинство из них издавались в течение одного, максимум трех лет. Среди местных газет следует выделить "Печорские новости" (1923), "Печорский вестник" (1921-1922), "Печорский листок объявлений" (1924), "Голос народа Петсери" (1927-1932), уездная газета "Elu Voru-Petserimaa häälek-aneli" (1926-1939), орган местных скаутов "Eha" (1927-1929), "Печорский край" (1931-1933), "Печорский листок" (1938), "Вестник печерской дружины самообороны" (1936-1940), религиозная газета "Путь жизни" (1935-1940) и другие.

О разнообразии жизни, наполнявшей Петсери в 30-е годы, можно судить по любопытному документу от 15 декабря 1940 г. - списку культурно-просветительских обществ и союзов, закрытых после прихода советской власти*. В числе ненужных оказались около 30 организаций. Эстонские общества: самообороны; памяти воинов, погибших в освободительной войне; песни и танца; прибалтийских земель и др. Русские общества: просвещения, защиты матерей, христианское студенческое, культурное, трезвости, защиты животных и др. Профессиональные союзы: эстонских и русских учителей, торговый, крестьянский, помощи ремесленникам. Тем более вредными выглядели

* Эстонский Государственный архив (г. Таллинн), фонд 4897 (Протоколы петсерийской Городской Думы), опись I, дело 131, лист 182.

доходные общества: домовладельцев, предпринимателей, пчеловодов и огородников, общественный банк и кредитное товарищество.

О реальной деятельности одного из этих союзов - Русского общества просвещения (в 1931 г. оно насчитывало 106 человек) сегодня можно узнать лишь из малотиражных изданий тех лет, хранящихся в Научной библиотеке Тартусского университета. В 1935 г. при обществе был создан кружок любителей изобразительного искусства. Его члены, местные художники и краеведы, старались привлечь общественное внимание к уходящей красоте края. "В жертву времени и ветхости, в угоду людям, а то и просто по необходимости постепенно начинают исчезать: красота церковного зодчества, живописность деревень, красота старинных построек...", - писал в 1936 г. И. Копьев*. При этом автор с горечью отмечал, что рядом с безразличием к своей истории у представителей русского населения существует любовное, бережное отношение к прошлому и природе у эстонцев. Собранные членами кружков предметы старины были выставлены в расписных витринах дома Русского просвещения Петсери. В здании предполагалось разместить полотна картинной галереи, созданной общественными силами. По приглашению кружка в Петсери в 1932 году приезжал из Латвии академик живописи С. А. Виноградов. Пораженный своеобразием монастыря и русской части города, он написал более двадцати больших полотен и ряд рисунков с видами старых уголков Печор.

Отношение к Петсерийскому уезду как к уникальному природно-этнографическому заповеднику оформилось уже в 1920-е годы. Основы этого отношения были заложены не столько общественными инициативами, появившимися позже, сколько планомерным научным изучением "земли

* Копьев Г. И. Храните красоту петсерского края. Издание кружка любителей изобразительных искусств в Петсери. K-ü "Tähe", trükk, Petseris, 1936.

сету", которое проводили эстонские специалисты. Материал многочисленных, практически ежегодных, этнографических экспедиций по селениям уезда сейчас хранятся в фондах Национального музея Эстонии в г. Тарту. Фототека этого музея содержит редкие снимки с изображениями лютеранских и православных праздников, монастырских паломников, предметов ушедшего крестьянского быта, а также видов Печор-Петсери 10-30-х и 50-70-х годов.

Итогом кропотливой работы начала 1920-х годов явилась коллективная монография "Земля сету", до сих пор остающаяся наиболее подробным исследованием по жизни края тех лет*. Раздел книги, посвященный городу, фактически стал первым подробным "путеводителем" по Петсери. В 1931 г. на его основе местным отделением Общества эстонских туристов (существовало, как видно, и такое) была выпущена небольшая отдельная брошюра-путеводитель. Через два года в трудах Тартусского Университета появилась работа эстонского географа Е. Пиипенберга "Город Петсери в Эстонии" - первая попытка создания научного "физиологического портрета" города**. Особенностью книги было обилие графических схем и планов, наглядно показывающих поэтапное градостроительное развитие Печор в период 1890-1930 гг., типы и характер отдельных строений, озеленения, национально-этнического районирования. В 1935 г. специальные исследования по проблемам края были дополнены новой работой, касающейся санитарного состояния Петсерийского уезда***.

* Setumaa (Земля сету. На эст. яз.). Tartus, 1928, 368 сс.

** Piipenberg E. Die Stadt Petseri in Estland (Город Петсери в Эстонии. На нем. яз.). Publicationes instituti Universitatis Tartuens Geographici, № 21. Tartus, 1933, 27 с.

*** Pammul A. Petserimaa terrishoiuline Kirjeldus (Санитарное описание Печорского уезда. На эст., франц., нем. яз.). Tartus, 1935, 82 с.

Появление разносторонних серьезных публикаций не только отражало постоянное внимание к проблемам города (насчитывавшего в 1931 г. всего 4085 жителей) со стороны "центральных" эстонских властей, но и способствовало изменению общественного, национального самосознания. "Государственные программы" исследования истории и быта края стимулировали активность самодеятельных народных университетов и общественных кружков, в частности одного из старейших в Петсери - Просветительского общества, с инициативами которого мы познакомились выше. Пожалуй, этнография как комплексная научная дисциплина выполнила в Петсери свою основную роль (о ней в последние годы начали вспоминать и в советской периодике), показав объективные причины национальной интеграции соседних народов при полном сохранении их самостоятельности. Наиболее ярким откликом на эти процессы можно считать заявление членов правления Союза просветительских обществ Петсерийского уезда, опубликованное в 1932 г. при открытии Первого Всеобщего дня песни: "Мы русские, входим в настоящее время как отдельная национальность в состав Эстонского государства, которое как всякое правовое государство дает нам возможность творить свою собственную культуру и потому... как граждане Эстонии мы остаемся в культурном смысле русскими и считаем себя преемниками всех великих и малых тружеников на ниве русской культуры".

* * *

И все же приведенные слова наших соотечественников будут выглядеть декларативными, если не вспомнить, что основным центром, очагом духовной культуры края все эти годы оставался Псково-Печорский монастырь. Именно монастырь удерживал вокруг себя значительное русское население, определял особый статус Петсери как наиболее "русского" города Эстонии. История монастыря и описа-

ние особого уклада его жизни занимали первые главы всех специальных и популярных изданий по городу Петсери и "земле сету". Понимая значение этого комплекса в культурной и экономической жизни уезда, эстонское правительство старалось оказывать посильную помощь в ремонте "древних храмов Печерского монастыря". Так в 1926 г. по приказу министра народного просвещения было выделено 100 тыс. марок на укрепление Успенского собора*.

Деятельность монастыря в сложный период 1917-1944 годов является предметом особого исследования, для которого у нас нет ни документов, ни подготовки. В контексте выдвинутой темы мы можем лишь завершить разговор о градоформирующем значении Псково-Печорского монастыря в период активных урбанистических преобразований эстонского времени и отметить его особую роль в консолидации и поддержке русского зарубежья.

Интересными документами, позволяющими говорить о монастыре как месте паломничества русской эмиграции и многочисленных туристов, являются "книги регистрации экскурсантов, посетивших монастырь и ризницу с 1921 по 1940 годы"***. В первом томе выделяются автографы архиепископа, впоследствии митрополита Ревельского и всея Эстонии Александра, служившего здесь в начале 20-х годов по праздникам. Монастырь посещали почти все официальные представители зарубежных государств в прибалтийских республиках - секретари американского представительства Н. Тамм и Г. Робинсон, бельгийский консул М. Никэз, военно-морской атташе Франции Лехолл, посланники при посольстве Румынии и Венгрии в Таллинне. Благодарность "народам Эстонии за их отношение к местным жителям и монастырю" оставил в 1921 году К. Луппо,

* Государственный архив Псковской области (ГАПО), фонд 499, опись I, дело 92.

** ГАПО, фонд 499, опись I, дела 730-735.

представитель американского Красного креста, возвращавшийся из России. Рядом с полуофициальными подписями в этих книгах сохранились и прочувствованные развернутые послания. "После 3-х лет беженства с глубокою радостью увидел старый православный монастырь", - писал в 1922 г. некто П. Зубов. "Я датский офицер, проживавший в свое время в этом монастыре и в этой комнате и воевавший напротив бдльшевиков, был тут опять... и показал моим знакомым все помещения монастыря и замечательности обители", - читаем мы в той же книге. О помощи монастыря соотечественникам можно судить по записи кандидата богословия из Петербургской духовной академии, подпоручика Врангелевской армии Виссариона Попеско: ..."бежал после плена из Сов. России - пробыл в обители с 7 по 13 июля 1922 г. Глубокая благодарность и признательность о. Настоятелю и братии за приют беженца! Спасибо! Да воздаст Господь!"

Скауты и члены кружка ревнителей старины из Риги, кружок "Познание России" из Гельсингфорса, старообрядцы из Либавы, иеромонах из Валаамского монастыря, студенты архитектурного факультета Латвийского университета - таков далеко не полный перечень экскурсантов монастыря. Не менее звучно выглядят сегодня и имена многих одиночных визитеров - граф П. Бутурлин и А. Бутурлина, князя П. Волконский и Т. Волконская, В. Оболенский, барон Г. Мейендорф, граф Миллин, баронесса А. Рокасовская, А. Герцен, С. Илловайский, Н. Нарышкина и другие. До монастыря добирались не только "соседи" из Скандинавии и Европы, но и гости из Японии (Каосо Матсумото), Шанхая (Е. и Б. Маклаевские, Н. Потапов и др.), Канады и США, включая Калифорнию.

На этом экзотически пестром фоне практически не встречается подписей советских посетителей. Единственный такой автограф - "агроном-зоотехник из СССР. М. П., IX.34" - свидетельствует о большом мужестве неизвестного нам человека. С июля 1940 г., после провозглашения советской власти в Эстонии, количество гостей из СССР резко возросло и сразу исчезла былая конспирация. В августе того же года целый лист заполнен подписями "Крас-

нофлотцев Балтийского флота" во главе с Н. Максимовым. В сентябре в монастырь заглянул Театр Краснознаменного Балтийского флота. На нем записи в книгах посетителей заканчиваются...

Неожиданным событием в предвоенной судьбе Петсери стал катастрофический пожар, который произошел 24 мая 1939 года и привел к серьезным градостроительным переменам. При пожаре пострадали 265 строений - около половины существовавших в городе. Более 1500 человек остались без крова. При этом огонь не затронул Торговую площадь, монастырь и прилегающий деревянный "русский" город, что было воспринято населением как признак благодати и святости. Во время пожара успели снять уникальный документальный фильм, ныне хранящийся в фондах местного краеведческого музея.

В город незамедлительно прибыли руководящие чиновники министерства путей сообщения и экономики. Через два месяца после пожара был закончен и утвержден новый генеральный план Петсери. Его авторы - архитекторы И. Вендах и Пикков - предложили продуманную концепцию дальнейшей застройки, которая значительно изменяла сложившуюся планировочную структуру. Основные положения утвержденного генерального плана можно свести к трем принципиальным позициям: устройство новой системы площадей, развивающих ансамбль города-сада; дальнейшее урегулирование и расширение уличной сети; включение монастырского ядра в систему визуально-пространственных связей нового центра.

Наиболее крупные мероприятия были связаны с организацией на месте пострадавших кварталов системы площадей неожиданно крупного масштаба, образующих представительную эспланаду. Вытянутое в традиционном для города направлении "Псков - Рига" пространство соединяло "новый город" 1920-х гг. с обширной селитебной зоной, которая закладывалась в западной части Петсери. Значительные размеры ансамбля площадей (длина около 440) можно объяснить расчетом на перспективы дальнейшего роста города. Эспланада в целом выглядела как основное пространственное ядро и планировочный центр возрождаемого Петсери.

Проект разбивки новых центральных площадей Петсери был частично реализован в 1939-1940 гг. и сохранил заметную роль в существующей планировочной структуре (юго-западной частью эспланады является современная площадь Победы). При застройке города было решено придерживаться "современного стиля", под которым в те годы понималась стилистика функционализма. Спроектированные в таких формах двухэтажные кирпичные здания и сегодня стоят вдоль центральных улиц Печор - Мира и Рижской.

Существенной градостроительной новацией стала прокладка через бывший монастырский огород аллеи (ныне начало улицы Мира), которая связала главную доминанту монастыря - собор св. Михаила с ядром нереализованной эспланады - "ратушной" площадью. Пробивка этой оси явилась одним из важных элементов "программы" зрительной увязки средневековой монастырской части города и его нового центра. Аналогичный проезд был ориентирован на Варваринскую приходскую и надвратную Никольскую церкви (не осуществлен). При этом направление к монастырю впервые трактовалось как равноправное с основной городской магистралью - Псковской улицей.

Разработка и частичная реализация нового генерального плана явилась вторым после строительства "нового города" важнейшим этапом градостроительных преобразований эстонского времени. Ряд прогрессивных идей, заложенных в плане 1939 г., к сожалению, не нашел реализации. В их числе - разбивка и укрепление общественными сооружениями северо-восточной части эспланады и урегулирование района Торговой площади. Однако в целом намеченные после пожара принципы развития города определили и советский период его существования.

Знакомство с современными Печорами наглядно показывает, что основу сохранившейся градостроительной и архитектурной среды города составляет наследие эстонского периода. Сложившаяся в эти годы планировочная традиция деления средневековой монастырской и новой эстонской частей позволяла успешно сохранять уникальный этнографический уклад места, его ландшафтно-

экологическую ситуацию, а также историко-культурные особенности двух - эстонской и русской - составляющих городского организма. При этом новая застройка велась на основах, полностью соответствующих действующим отечественным нормам, так называемых "охранных зон" исторических поселений. К таким условиям можно отнести ограничение высоты рядовых строений двумя этажами, сохранение традиционных принципов землепользования, раскрытие новых площадей и проездов на ключевые узлы монастырского комплекса. Эти требования проявились как естественное развитие профессиональной традиции зодчества. Они были закреплены генеральным планом 1939 года и удачно поддержаны относительно нейтральным стилистическим фоном рядовой и общественной застройки периода функционализма, которая по-своему подчеркивала своеобразие архитектурного облика монастырского ансамбля.

* * *

В 1944 г., по указу Верховного Совета, освобожденный от немецких войск Петсерийский уезд был присоединен к Псковской области. Все договоренности Тартусского мира тихо канули в историю. Из уездного центра европейского государства, по-своему повторив историю Золушки, Печоры вновь превратились в небольшой областной городок с явно подпорченной биографией. Долгие годы "пребывания в эмиграции", не во всем понятные периоды двух немецких оккупаций, наличие действующего православного монастыря (который тут же обвинили в коллаборационизме) сказались на отношении к городу и его населению. В послевоенные годы национальный состав жителей резко изменился. Значительное число оставшегося эстонского населения было репрессировано. На их место в город прибывали в основном русские переселенцы из сельских районов Псковской и соседних областей.

Городское регулирование послевоенных лет носило характер грубого произвола, который быстро разрушил

уникальный "пограничный" этнографический уклад Печор. Практически исчезла деревянная русская часть города, где сегодня сохранилось от силы три-четыре характерных дома. Все принадлежавшие монастырю здания за крепостными стенами были реквизированы и использованы для городских нужд. До конца 50-х годов на новое строительство средств почти не выделялось. Появившиеся впоследствии кирпичные жилые дома заняли пустовавшие после пожара 1939 г. участки в центре, создав нейтральные диссонансы с малоэтажной застройкой периода функционализма. Единственным удачным сооружением города можно считать мемориальный комплекс погибшим в Великой Отечественной войне, созданный в начале 80-х годов в лесопарковой зоне.

В настоящее время в Печорах под государственной охраной со статусом "памятник архитектуры республиканского значения" состоят 15 сооружений ансамбля Успенского Псково-Печорского монастыря и ни одного здания эстонского периода в самом городе. В 1960-е годы полуразрушенные с начала века крепостные монастырские стены были восстановлены специалистами Псковских реставрационных мастерских (арх. В. П. Смирнов, М. И. Семенов). Сегодня реставрированный монастырь является одним из наиболее посещаемых туристами объектов Псковской области.

Рядом с монастырскими стенами живет небольшой город с населением семь тысяч человек в центральной части и четыре тысячи - в рабочем пригороде Майский. Большая часть печорян ныне русские (в основном православные) люди. Среди старшего поколения встречаются эстонцы. Практически вся эстонская молодежь выехала на родину. Значительно убывает и коренное население области - сету. Специфический уклад Печор определяют паломники - люди, приезжающие в город, чтобы поселиться рядом с монастырем. Они меняют свои квартиры, снимают углы, покупают дома. Многие из современных паломников - в основном женщины среднего и пожилого возраста - работают на низкооплачиваемых должностях, незаинтересованы в организации собственного хозяйства, часто

ущемляются в правах местными властями. В последнее десятилетие через Печоры прошел новый поток мигрантов - немецкие переселенцы, избравшие город временным пристанищем по пути в Западную Германию. В основном баптисты, они построили собственными силами два маленьких дома.

В июле 1988 г. Совет Министров СССР принял постановление (№ 816) о развитии туризма в Псковской области. Очередная масштабная идея сверху предполагает создание "серебряного кольца" - расположенных на замкнутом маршруте отреставрированных городов и поселков. По аналогии с действующим "золотым кольцом" они смогут принять большие группы туристов, в первую очередь, естественно, иностранных. Начальная реализация проекта поручена тресту Псковреконструкция, который выбрал в качестве проектировщика Ленинградский филиал ВНИИ Теории архитектуры и градостроительства. Эта небольшая организация была создана в том же году по очередному постановлению (на сей раз ЦК КПСС) с целью развития и реконструкции малых городов Северо-Запада РСФСР.

Желая исправить противоестественность ситуации, когда заказчиком проекта реконструкции города является не он сам, а облисполком в лице Псковреконструкции, разработчики решили наладить широкое общение с населением Печор, выяснить их нужды и мнения о своем будущем. Проектирование велось в обычных для современной мировой практики (и редких пока в отечественной) условиях "контактов с потребителем", социологических опросов и "провокационных" импульсов в виде откровенно абсурдных предложений. К сожалению, отработанная в зарубежной практике методика деловых игр и других ухищрений менеджмента в условиях малого русского города явно забуксовала. Город оказался не готов к дружелюбному разговору. Город спал крепким сном. Город не доверял ни одному предложению, исходящему как бы от власть имущих, заранее предполагая, что это либо формальность, либо обман, либо попытка забрать у жителей последнее.

После ряда публикаций о начале работ в единственной

сегодня местной газете "Печорская правда" специалисты ЛенНИИТАГа и НИИКультуры (г. Москва) провели в Печорах недельную выездную игру-семинар. На нее усиленно приглашались все заинтересованные будущим города лица. В вестибюле бывшего дома общества самообороны "Малев" (ныне - доме культуры) экспонировались все материалы предпроектного анализа исторической части Печор. На их основе были предложены диаметрально противоположные варианты дальнейшего развития города. Из более чем 10-тысячного населения в зале присутствовало от 30 до 20 человек в день, в основном сотрудники аппарата исполкома, краеведы-пенсионеры, музейные работники, представители газеты и монастыря.

Результаты проектного семинара показали, что большинство решений по развитию города, принятых местными властями, нанесли Печорам серьезный ущерб. Реализация основных положений выдвинутых программ на сегодня крайне затруднительна. Исполком не может принимать самостоятельных решений, так как его бюджет выделяется из бюджета облисполкома (Псковской области) и все статьи затрат планируются сверху. Также централизовано и расписано на пятилетку вперед распределение мощностей двух печорских строительных организаций, что блокирует освоение дополнительно выделяемых средств. В городе не оказалось экономически самостоятельных хозяйств (кроме монастыря), способных принимать решения и нести ответственность за них. Наиболее мощное производственное предприятие Печор - объединение Псковкерамика на данный момент убыточно. Оно сможет приносить прибыль по достижении полной проектной мощности, но запасов местной глины, на которой производственный процесс построен, хватит только на три года. Кроме того, это предприятие "ведомственного" подчинения, а центральное министерство не заинтересовано вкладывать средства в развитие какого-то, пусть даже симпатичного, городка.

Во время игры-семинара общественность все же сформулировала некоторые позиции, сведенные в модный по названию и ни к чему не обязывающий "протокол о наме-

рениях". В нем было заявлено, что Печоры являются общенациональным достоянием. Большинство жителей хочет видеть свой город экологически чистым, в связи с чем в окрестностях не следует развивать крупных промышленных предприятий. Присутствующие не поддержали идею возведения в городе объектов "Интуриста" как по причине сохранения морально-нравственных устоев (с целью борьбы "с ихним СПИДом"), так и в связи с отсутствием должных инженерных сетей и оборудования. Отмечена насущная необходимость поощрять организацию этнических обществ и деятельность кооперативов, признано целесообразным создать общественный градостроительный совет.

Опрос общественного мнения показал, что современный печорянин ориентируется на традиционный усадебный тип жилья с небольшим участком земли. Фактически от этого участка зависит все благосостояние рядовой семьи, так как он дает основной доход (при очень низких государственных жалованиях на службе). Участки используются для выращивания клубники, огурцов, размещения скота. Строительство домов по современным "европейским" проектам отпугивает многих коренных жителей. Им хочется видеть свое жилище в привычных "русских" формах.

В конце 1989 г. комплекс работ по составлению проекта детальной планировки (ПДП) исторического центра Печор был закончен. Заказчик и общественность приняли работу, отметив ее высокое качество. Более того, на ближайшие десять лет Псковреставрация может выделить более 30 млн. рублей на осуществление части проекта, в первую очередь - прокладку современных инженерных коммуникаций и дорог. Но... возникает очередной вопрос - осваивать эти средства некому. Поиск строительных организаций, квалифицированных специалистов, материалов оказывается следующей проблемой, затягивающей решение первоочередных вопросов.

На 1989 год наиболее надежными партнерами по стимулированию градостроительных инициатив оказались церковь и крупные кооперативы. Монастырь уже решил с исполкомом вопрос об отводе земли для хозяйственного двора. Сделан интересный проект, начато строительство.

На очереди - возведение дома для паломников, богадельни, со временем - иконописной школы. Кооперативы предлагают услуги по реконструкции зданий в городе под небольшие гостиницы. Безынициативными остаются до сих пор формальные хозяева - городские власти.

Сложившаяся в Печорах ситуация при всей уникальности судьбы места типична. Вопрос о том, возможно ли для малого русского города сносное будущее, решается сегодня в рамках всего комплекса перестроечных проблем. Пока общая социально-экономическая и правовая ситуация в стране не обретает определенности, и это будущее отдалается. Отмена принятых решений по развитию кооперативного движения, неясность источников формирования местного бюджета, сложность введения в действие законов о собственности, аренде и местном самоуправлении продолжают сковывать провинциальную жизнь. Слабая социальная активность местного населения и почти полное отсутствие неформальных движений лишь усугубляют ситуацию.

Остается надеяться, что напоминание о российском опыте рубежа XIX-XX столетий, недавнем прошлом эстонского Петсери, современные усилия "мирных революций" в соседней Прибалтике и сквозняки перестройки станут той силой, которая встряхнет спящее, ни во что не верящее население малых городов. Только тогда современные проекты соединятся с архитектурой прошлого и начнут жить полнокровной осмысленной жизнью для реального большого и малого человека малого и большого города нашей заблудшей страны.

Ленинград

Февраль-март 1990 г.

Дорога к храму

ОТ РЕДАКЦИИ "ГРАНЕЙ"

Редакция "Граней" представляет новый независимый журнал "Дорога к храму", начавший выходить в России, а именно в Челябинске. Делает его группа совсем молодых людей, в основном студентов челябинских институтов. Внешнее оформление журнала напоминает доброй памяти продукцию самиздата 60-х годов. Напечатан на машинке, хотя размножен в гораздо большем числе экземпляров, чем это делалось тогда. На обложке – фотография храма и известная эмблема российских солидаристов. Но всё же время изменилось – это уже не совсем самиздат. Не очень высокое внешнее качество отражает состояние экономики, когда ничего нет и всё трудно и безумно дорого. Но, как нам кажется, на качестве содержания это грустное обстоятельство не сказывается.

Нет нужды нам представлять издателей – в этом первом своем номере молодые российские солидаристы достаточно широко представляют себя сами: в подборе материалов, в подходе к самым различным вопросам, в видении главных проблем, и в первую очередь самой, как нам представляется, важной сегодня – проблемы молодежи, той, которой достается большевиками разрушенная страна.

Мы публикуем номер почти полностью, сделав некоторые сокращения. Одно из них принципиальное: статья О. Тошибовой "А. А. Власов", хотя и написанная вроде бы с лучшими намерениями, почти в каждом абзаце нуждалась бы в фактических исправлениях и комментариях, поскольку автор использовал скудные сведения из прежних советских источников. Поэтому мы решили ее не перепечатывать, а написать автору письмо и послать несколько книг о Власове, написанных разными авторами и изданных на Западе. Мы также не стали перепечатывать "Программу ген. Корнилова", поскольку это в свою очередь тоже перепечатка.

Редакция журнала "Грани" приветствует своего младшего собрата и желает ему набираться сил и мудрости.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Декларация I

Национально-освободительное движение и задачи
Союза молодых российских солидаристов (СМРС)

С учредительной конференции РНП

Генерал Власов (*см. предисловие от редакции "Граней"*)

Обращение к солдатам и офицерам Советской армии

Джордж Оруэлл и его произведения на фоне времени

Разрушительная утопия

Александр Башлачев. Стихи

Резолюция НТС от 10.10.1990 года

Об усилении просветительской работы
и работы среди молодежи

Политическая программа генерала Корнилова

Брошюра-листовка генерала Деникина

Рекомендации по отстройке молодежных
организаций солидаристов

Адрес редакции: г. Челябинск
ул. пр. Победы, 165-61
Грибанов Роман
Тел. 33-29-43 Алексей Шапиро

Здравствуйте, уважаемые читатели!

Перед вами - первый номер нашего журнала. Мы - это Союз молодых российских солидаристов. Пусть пока это имя вам ничего не говорит. О целях и задачах СМРС вы можете узнать из декларации. В журнале мы расскажем о наших взглядах на будущее России. "Дорога к храму" - первое самостоятельное издание нашего союза. Мы не претендуем, что эта дорога лежит через нашу организацию. Ищите свою дорогу!..

Разберись, кто ты - трус иль избранник судьбы!
И попробуй на вкус настоящей борьбы...
Если ж руки сложа, наблюдал свысока
И в борьбу не вступил с подлецом, с палачом,
Значит, в жизни ты был ни при чем, ни при чем!..

Мы начали борьбу с тоталитаризмом! Мы не можем сидеть сложа руки и смотреть, как гибнет наша Родина. И мы верим, что мы не одни. Что и для вас Россия - не пустой звук! И не надо скептически относиться к словам. Вспомните Евангелие...

В начале было Слово, и слово было Бог.
В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.
И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

Мы верим, что Господь наш Иисус Христос не даст, чтобы тьма объяла Россию и поможет делу ее возрождения.

Мы начинаем движение в сторону ВЕСНЫ!

Декларация

1. СМРС - это самостоятельная политическая организация, созданная для ненасильственной борьбы с коммунистическим тоталитарным строем СССР, где все (власть, собственность на средства производства, идейная и духовная жизнь каждого) принадлежит государству, а не конкретному человеку.

2. Основной задачей СМРС является возрождение личностного начала как основы свободного общества. Мы считаем, что это может быть достигнуто путем создания массового демократического движения молодежи, борющейся за освобождение России от большевистского ига и создание иного демократического общества, общества, основанного на общечеловеческих ценностях - не убий, не укради и т. п., общества, основанного на гуманизме, общества, где все равны перед

законом независимо от вероисповедания, национальной или партийной принадлежности, класса, занимаемой должности, общества, где свобода и права личности ставятся во главу угла.

3. Мы сознаем, что страна находится в глубоком кризисе по вине преступного и кровавого режима большевиков. Перестройка - это очередная переделка коммунистического режима и приспособление его к новым, изменившимся условиям. Она включает в себя некоторую либерализацию и гласность - регулируемую аппаратом свободу печати, слова, ТВ, радио и т. п. Выход страны из кризиса возможен только через падение существующего коммунистического режима, но через бескровное падение, иначе тоталитаризм не исчезнет, а обретет новое, уже антикоммунистическое обличье. Поэтому основные политические принципы СМРС ориентированы на платформы НТС, на идейное и организационное сотрудничество с ними. СМРС стоит в оппозиции ко всем коммунистическим организациям.

4. Анализируя опыт Восточной Европы, можно сделать вывод, что тоталитарные режимы могут быть сломлены при соблюдении следующих условий:

- А. Наличие массового демократического движения;
- Б. Массового неприятия коммунистической идеологии (убей классового врага, грабь награбленное и т. п.);
- В. Слом системы безопасности режима - КГБ;
- Г. Блокада связей между центром и периферией путем роспуска обкомов, горкомов, райкомов КПСС;
- Д. Создание альтернативных органов власти и новой хозяйственно-политической системы.

5. В национальном вопросе СМРС отстаивает принципы российского солидаризма, считает недопустимым любую национальную нетерпимость. Большевики переносят удар, направленный против режима, на различные российские нации, стравливая их, стремятся тем самым не допустить смены власти. Ни одна нация не может быть счастлива, если в России хоть одна несчастна. Мы будем действовать на благо ВСЕХ народов нашей страны: "Грядущая Россия должна стать СЕМЬЕЙ СВОБОДНЫХ НАРОДОВ".

6. Насущные тактические задачи СМРС следующие: оформить кадры для массового молодежного движения. Для создания такого движения члены организации должны разработать устав и прочие программные документы, начать самостоятельно планировать и проводить политические мероприятия, создавая тем самым вокруг себя политизированные группы единомышленников.

7. Мы (оргкомитет СМРС) призываем:

- всех желающих образовать комитет и актив - организационное ядро Союза;
- всех, признающих данную декларацию за основу создания СМРС, общечеловеческие ценности - как кодекс существова-

ния человека в мире, Всеобщую Декларацию прав человека - как ориентир общественного устройства, всех, желающих помочь своей несчастной родине - России, объединиться в борьбе с тоталитаризмом!!!

8. Вступить в Союз Молодых Российских Солидаристов может любой гражданин СССР.

"Не жди, когда позовут, иди сам!"
"Источник силы найдем только в себе!"

Связаться с комитетом СМРС города Челябинска Вы можете по следующему адресу через Шапиро Алексея: 454000 гор. Челябинск, улица Воровского, дом № 1, квартира № 2, телефон 33-29-43.

Национально-освободительное движение и задачи Союза молодых российских солидаристов (СМРС)

Исторически большевизм, по своей природе, интернационален и ставил своей целью создание всемирной Советской республики. Ленин писал в своих сочинениях: "Наша задача удержаться до того времени, когда восстанет рабочий класс всех стран и воздвигнет великое знамя всемирной советской республики" (т. 23, с. 150). "Наше дело есть дело всемирной советской республики" (т. 25, с. 346). Следуя коммунистической идеологии, утверждая, что у рабочих нет своего отечества и что национальная культура и национальное самосознание навязано буржуазией с целью порабощения рабочего класса (читай, например, "Манифест коммунистической партии"), большевики путем гражданской войны, используя свое влияние на местные коммунистические партии, демагогией и силой создали государство СССР. Где границы - дело десятистепенной важности, начали упорно создавать новую советскую общность, национальную по форме и социалистическую по сути.

Вследствие этой политики разрушена национальная культура, национальный патриотизм заменен суррогатом пролетарского интернационализма (что на практике означало вмешательство во внутреннее устройство стран и насаждение марионеточного режима), также появилось понятие советского патриотизма, что означает преданность идеологии коммунизма. Особенно сильно разрушено национальное самосознание в России. Стремясь превратить русский народ в ударную силу коммунизма, коммунистические власти посылают русских подавлять национальные конфликты, душить народные революции в Венгрии и Чехословакии. На место депортированных эстонцев, латышей, чечен-

цев обманом и силой зазывали русских (читай, например, "Ночевала тучка золотая" Приставкина). Они добились по отношению к русским того, что слова "коммунист" и "русский" стали отождествлять, а значит добились по отношению к ним неприязни и даже ненависти.

Сейчас происходит объективный процесс распада большевистской империи.

После некоторого послабления в идеологии "советские люди" начинают вспоминать свои национальные корни, пробуждаются национальное самосознание и достоинство.

На окраинах империи возникли мощные национально-освободительные движения. С одной стороны, это хорошо, т. к. движения направлены против режима, с другой - это ослабляет и расчленяет освободительные движения в стране, а в особенности в России.

Вследствие низкой политической культуры, умелых провокаций большевистских властей, внедрения в движения агентов КГБ, вследствие существования таких организаций, как "Единство" и "Память" (где, по заявлению сотрудника КГБ, все руководство завербовано), необдуманных заявлений некоторых писателей растет межнациональная напряженность, возникают межнациональные конфликты, и, как я уже говорил, для некоторых слова "коммунист" и "русский" стали синонимами.

Это дает повод властям говорить об ущемлении прав русских, дает право применять силу, ведет к запугиванию обывателей перед освободительным, антикоммунистическим движением.

Самых больших результатов эта политика достигла в России; благодаря национал-большевикам из "Памяти" и им подобным дискредитирована идея национального возрождения в России и слово "русский патриот", а это огромная беда, ведь от русского народа, от его участия в освободительном движении зависит в самой большой степени падение большевистского режима по всей стране.

Человек, который уважает свою нацию, знает и любит свою культуру, свою историю, только такой человек может уважать национальное достоинство других народов. Интернационализм, в своем логическом завершении, ведет к пренебрежительному отношению как к своему народу, так и к другим, ведет к отрицанию национальной самобытности народов.

Поэтому "Памяти" и ей подобным надо противопоставить подлинный российский патриотизм, очищенный от шовинизма и уважающий национальные чувства других народов. Такой патриотизм основан на принципе российского солидаризма. Его основной принцип: "Грядущая Россия... должна стать свободным Союзом - семьей всех народов; ни одна нация не может быть счастлива, если в России хоть одна нация несчастна". Из программы НТС: "Национальная политика Российского государства основывается на началах братства свободных народов России... Конституция Российского государства представляет каждому народу свободу развития самобытной культуры, изучения родного язы-

ка и его употребления... Законом пресекается пропаганда национальной ненависти, дискриминации отдельных народов..."

Мы (СМРС) не хотели бы отделения славянских республик Украины и Белоруссии от России, ведь у нас общие корни, общая культура и история. Крестил Русь Киевский князь (в 988 г.), а чьи богатыри воспеты в былинах - украинские или русские? Древнерусский язык более похож на современный украинский, чем на русский. Раскол российского народа произошел искусственно, в результате междоусобных княжеских войн и вследствие монгольского нашествия...

Мы (СМРС и НТС) выражаем надежду, что после падения большевизма будет создан Российский Союз. Из программы НТС: "Народы, входящие в Российское союзное государство, обладают различной степенью государственной самостоятельности. В зависимости от численности населения, от исторических и культурных предпосылок, от уровня государственного, правового и национального самосознания они создают самоуправляющиеся единицы - от уровня образований государственного характера до автономных образований... Народы России определенным конституционным путем образуют Совет народов, который согласовывает и поддерживает их усилия в национальном и культурном развитии и, в этом плане, соучаствуют в законодательстве".

Мы против сепаратизма и дробления России на удельные княжества, которые не могут быть сильными и полностью экономически независимыми. Вряд ли небольшие государства с разорванными экономическими связями смогут организовать у себя нормальную жизнь. Подниматься лучше сообща, забыв взаимные обиды, поставив целью создание сильного союзного государства, где каждая нация будет свободна и равноправна, где в основу межнациональных отношений положен принцип солидарности. Принцип солидарности не отрицает национальной самобытности народов, напротив - подчеркивает, что национальная самобытность не должна растворяться в будущем Российском Союзе, а должна получить новое развитие. Но высшая ступень национального самосознания народов России - это осознание себя единой российской нацией, объединенной высшей целью. Цель - создание такого государства, где личность является высшей ценностью, где в обществе царит принцип братской общности людей (Н. Бердяев), где каждый человек осознает свою долю ответственности за общее дело.

Поэтому российские народы, во имя своего будущего, должны осознать себя российской нацией. А это невозможно сделать, не вспомнив своей истории. Подлинной истории, а не искаженной коммунистическими историками или лубочной исторической картинкой, которую создают идеологи "Памяти".

Как это сделать? Один из возможных вариантов - создание исторических конспектов. Эти конспекты должны быть тематическими. Например, тема "Учредительное собрание" - материал № 1, "Огонек" № 11 за

1990 г. и краткий конспект; материал № 2 - "А и Ф" № 35 1990 г. - конспект; № 3 - Сергей Пушкарёв "Самоуправление и свобода в России", глава "Гражданская война"; Ленин об учредительном собрании и т. д., по мере накопления материалов. Эти конспекты можно издавать отдельными брошюрами. Так же надо издавать учебники по истории, альтернативные школьные (уже издан такой учебник для 9 класса). В "сам-издате" должно быть как можно больше исторических и экономических, философских статей. Газеты и журналы должны быть с четко выраженными идеологическими позициями (оставим "плюрализм" для советской прессы). Одна из самых важных тем для изучения - это тема "о земстве". Благодаря земским деятелям было создано народное образование и медицина (бесплатная), обустроены города и села. Земство, земская управа - это тот орган власти, который мог бы возродить Россию, в отличие от классовых Советов. Также должны создаваться кружки по изучению истории и культуры, при кружках будут библиотеки.

Одно из направлений работы СМРС будет заключаться в издании исторических конспектов, в выпуске журнала СМРС, в создании кружков и библиотек.

Мы надеемся, что у нас найдутся единомышленники, которые окажут нам помощь в этой работе.

Октябрь 1990 г.

С Учредительной конференции Р. Н. П.

События в странах Восточной Европы, в СССР, в таких республиках, как Литва, Грузия, Украина, показывают, что самое активное участие в борьбе против коммунистического режима принимала молодежь. Молодежь - это передовой отряд в освободительном движении. Но молодежь - это не только "ударная сила", но и будущее страны. Именно от участия молодого поколения в борьбе за свое будущее, от культурного и нравственного его уровня зависит судьба России. Поэтому задача организации, которую логичней и правильней было бы назвать Ассоциация России Нового Поколения (это название наиболее точно передает суть молодежного движения и придает организации философскую окраску), - готовить грамотные и образованные кадры.

Для четкой и согласованной работы организация должна строиться по централизованному принципу. Конечно, хотелось бы этого избежать. Но французские энциклопедисты говорили, что в начале своей жизни человек полностью зависит от своих родителей, лишь потом роль послушания уменьшается и человек начинает жить самостоятель-

но. То же верно и для молодежной организации. Нужно сначала научиться хорошо выполнять поручения, которые даются руководством, а затем уже планировать самостоятельные действия.

О структуре организации: Руководящий орган Ассоциации Координационный Совет (КС). КС - для эффективной работы Р. Н. П. создает рабочие группы:

1. Методический отдел - создает рекомендации, составляет исторические конспекты, участвует в издании журнала или газеты, создает план работ.

2. Информационный отдел - ведет пропагандистскую работу среди населения, собирает информацию, создает дискуссионные клубы.

3. Редакционная группа - занимается изданием журнала или газеты.

4. Библиотека.

5. Финансовая секция - занимается коммерцией, финансирует Р.Н.П.

Могут быть и другие группы, они создаются по мере надобности. Так же можно создать координационные советы рабочих групп - которые координируют их деятельность.

Мы считаем, что организация, построенная по такому принципу, будет работать с максимальной отдачей.

Теперь несколько слов о СМРС. Мы - организация, разделяющая идеологические и организационные идеи НТС-РС. Вот несколько основных тезисов:

1. Строй, к которому мы стремимся - народно-трудовой строй, где труд - основа благополучия общества, где народ участвует в управлении государством через земские органы. Такой строй предполагает соблюдение прав граждан, разделение властей, надпартийную конституцию, автономные от государства общественные организации. Юридическое равноправие всех форм собственности. В основу отношений между людьми положен принцип взаимной солидарности и осознание каждым человеком ответственности за общее дело.

2. В национальном вопросе мы отстаиваем принцип российской соборности. Российская соборность - понятие иерархическое. Первая ступень - полное развитие самобытности народов России, полное самовыражение наций. Высшая ступень - осознание народом себя как единой Российской нации, стремящейся к общей цели - созданию такого государства, где, как сказал Н. Бердяев, "принцип личности как верховной ценности соединен с принципом братской общности людей".

Ноябрь 1990 г.

Шапиро Алексей (СМРС)

Обращение к солдатам и офицерам Советской армии

Братья и друзья наши, наступает решающее время борьбы за Россию. Большевицкая оккупация за время своего существования опустошила нашу землю, разорила российский народ.

Солдат! Посмотри в глаза своим детям! В них ты увидишь будущее России. Ты должен бороться за него, понять, что при большевистском режиме у них нет будущего. Поэтому ты должен подняться на борьбу за нашу святую землю, за святую Россию, за российский народ.

Солдат и офицер, кем бы ты ни был: казаком, русским, башкиром, ты прежде всего Россиянин! Твоя честь и достоинство - это честь и достоинство России! Пусть твоя борьба за Россию начнется в душе твоей. Пусть она будет сначала негласной, наедине с твоей совестью, знай, ты всегда найдешь единомышленников и соратников по борьбе.

Солдат и офицер! Твоя организованная борьба совместно с твоими товарищами за честь и достоинство России - это твое освободительное Белое Движение. Несмотря на все репрессии, за все время большевистской империи, Белое Движение существует и оно неистребимо. Оно в каждом человеке с незамутненной совестью, оно прежде всего в душе твоей, если ты ее сохранил.

Солдат! Борьбу за святую Россию начни с себя.

Комитет СМРС. Сентябрь 1990 г.

Обращаться по адресам НТС - РС.

Джордж Оруэлл и его произведения на фоне времени

Имя Дж. Оруэлла все чаще и чаще привлекает к себе внимание мыслителей разного рода и толка. Произведения его пытаются толковать в совершенно различных, а иногда и полярных смыслах. Одни видят в них (или говорят, что видят) злобный памфлет на социалистическую действительность, ее социальную среду, нравы и мораль. Другие же видят в писателе лишь провидца, констатирующего почти без каких-либо эмоций то, что ожидает планету через несколько десятков лет.

Так или иначе, но уже самой неоднозначностью суждений вызывается более пристальный интерес к фигуре писателя и его произведениям. Все это наталкивает на желание получше разобраться в его жизни и его книгах.

Эрих Блэйр (лишь позже его литературный псевдоним "Джордж Оруэлл", которым он подписывал свои самые удачные вещи, стал известен миру) родился в Бенгалии, в колониальной Индии. Вся его юность, включающая в себя обучение в одном из престижных учебных заведений Индии и полное определение взглядов на мир и политику, прошла именно там. Несмотря на прекрасное образование, старая Англия встретила молодого человека весьма холодно и недоверчиво. Его книга "Дни на Бирме" (1936 г.), основанная целиком на колониальном материале, была встречена в штыки критикой, а затем и сам автор назвал свой роман неудачным. Но зато в этой книге совершенно отсутствуют иллюзии насчет истинной роли англичан в колониях, как, впрочем, и насчет будущего, которое уготовано Британской империи. Его последующие творческие попытки так же не имели большого успеха, особенно на фоне шквала различного рода эмоций, которыми сопровождалась публикация романа "1984".

Каковы же были политические взгляды Джорджа Оруэлла? Во многом помогают разобраться в писателе его многочисленные произведения малого жанра. Хотелось бы выделить одно из таких произведений, а именно "Рецензию на "Майн Кампф" Адольфа Гитлера". Отношение Оруэлла к Гитлеру однозначно: "С тех пор как он пришел к власти, - до этого я, как и почти все, заблуждался, не принимая его всерьез, - я понял, что, конечно, убил бы его, если бы получил такую возможность, но лично к нему вражды не испытываю. В нем явно есть что-то глубоко привлекательное". Писатель видит зло в самой идее, а не в конкретном вдохновителе. Сам Гитлер для него - психологически привлекательная фигура, которая уловила, что "людям нужны не только комфорт, безопасность, короткий рабочий день, контроль рождаемости и вообще здравый смысл; они также хотят, иногда по крайней мере, борьбы и самопожертвования, не говоря уже о барабанах, флагах и парадных изъявлениях преданности... То же самое, видимо, относится и к сталинскому казарменному варианту социализма".

Оруэлл не увидел существенной разницы между этими политическими системами, а потому обе объединились у него под одним названием: "тоталитарная диктатура".

Таким образом, можно отметить, что писатель был сторонником демократической государственной структуры, "демократического социализма", - как говорил он сам. Против чуждой ему идеологии и были направлены выдающиеся произведения. Сказка "Скотский двор" и роман "1984" явились неким целым произведением, в котором части органично дополняют друг друга. Я склонен считать, что роман является прямым продолжением сатирической притчи. Различие лишь в углах зрения писателя. В "Скотском дворе" он изучает путь становления тоталитаризма, условия, социальную среду, приводящие к этому; а в романе "1984" Оруэлл прослеживает последствия такого рода власти на "единице общества", допустившей эту власть. Еще один вопрос, на мой

взгляд очень важный, пытается решить писатель. Его волнует, что власть "тоталитарной диктатуры" неуязвима, а следовательно совершенна и бессмертна. Такая мысль, безусловно, не может не мучать писателя, но в его понимании такого рода власть - именно бессмертна. Тем больше можно восхищаться гражданским мужеством писателя, не боящегося своей позиции, путь гибельный, путь неприемлемый для него.

В "Скотском дворе" свиньи, стоящие у власти, осуществляли такую политику, согласно которой, наряду с "...контролем рождаемости..." была "...борьба и самопожертвование, не говоря уже о барабанах, флагах и парадных изъятиях преданности". Это же, согласимся, то обстоятельство, которое способно поддерживать веру в идею, какой бы она ни была. Но с другой стороны, что мы ждем от любой идеи? Действий, способных заполнить пустоты ее непонимания в нашем сознании. Чем активней действия, тем недостижимее высота, перед которой мы поставлены лицом, тем яростней мы будем достигать ее, пряча в изнуряющем, рабском труде свои бесконечные "почему".

Не менее становления власти писателя интересует вопрос о ее существовании в дальнейшем. Этому и посвящен роман "1984". В центре романа - человек. Берусь предположить, что автор в лице главного героя - Уинстона Смита, видит себя самого. Процесс признания и подчинения себя власти составляет сюжет повествования. "Индивид, способный мыслить - всегда терпит поражение! Но если он сможет подчиниться, если он сможет отказаться от себя, если сможет раствориться в партии так, что он станет партией, тогда он всемогущ и бессмертен". Такова идеология партии в отношении своей единицы. Но почему же партия бессмертна? "Только потому, - объясняет Оруэлл, - только потому, что партия стремится к власти, ради нее самой". Ее не занимает ни богатство, ни роскошь, ни данная жизнь, ни счастье - только власть, чистая власть. Оруэлл объясняет смысл власти следующим образом: "Власть никогда не захватывают для того, чтобы от нее отказаться. Власть не средство, она цель. Диктатуру учреждают не для того, чтобы охранить революцию; революцию совершают для того, чтобы установить диктатуру". Итак, цель власти - власть. Что же может быть опьянительнее, острее в ощущениях, прекраснее в познании - власти. Это чувство было доступно единицам в безбрежном пространстве веков. Но какая же это власть, с оглядкой на соперника?! Человек (уж такова его природа) будет идти к власти всегда, пусть даже не осознавая этого. Власть посредством денег, авторитета, дружбы. Разница лишь в средствах...

"- Уинстон, как человек утверждает свою власть над другими? Уинстон подумал.

- Заставляя его страдать, - сказал он.

- Совершенно верно... Если человек не страдает, как вы можете быть уверены, что он исполняет вашу волю, а не свою собственную?

Власть состоит в том, чтобы причинять боль и унижать. В том, чтобы разорвать сознание людей на куски и составить снова в таком виде, в каком вам угодно..."

Может исчезнуть различие между плохим и хорошим, может исчезнуть всё то, что ценили и ценят люди, может, наконец, исчезнуть любовь, - но всегда останется острота ощущения власти, ее невыразимо прекрасные непреодолимые человеком ощущения победы над беспомощным врагом. И если вам нужен образ будущего, вообразите сапог, топчущий лицо человека - вечно.

Так в чем же секрет, как утверждал Оруэлл, бессмертности "тоталитарной диктатуры"? Дело в умении проникнуть во внутренний тайник человеческой природы - в душу. Устами одного из героев писатель говорит, что власть такого рода никогда не будет довольствоваться негативным послушанием и даже самой униженной покорностью. Эта власть уничтожает еретика не потому, что он ей сопротивляется; покуда он сопротивляется, власть его не уничтожит. Это произойдет лишь тогда, когда он примет ее сторону - не формально, а искренне, умом и сердцем.

"Он станет одним из нас, и только тогда мы его убьем", - говорит О'Брайен, человек - воплощение власти.

Власти как таковой не нужен человек со всеми его хорошими и плохими качествами, разумом, душой, сердцем. Ей нужен Манкурт - человек без памяти, преданный идее, но боящийся ее, а потому прямой и жестокий, циничный и бесстрашный ее защитник.

Такие люди страшны для общества и его будущего. Их много, очень много, намного больше, чем вы думаете. Возможно, что "манкурт" сидит в каждом человеке. Как же распознать это явление в себе?

Оруэлл не дал на этот вопрос ответа, ибо не видел перспектив уничтожения этого явления. Тому подтверждение - роман "1984". Да, он не видел. А мы?

Илья Гофман
студент филфака госуниверситета

Разрушительная утопия

Лабиринтом вырос бред...

В. Блейк

Пусть же сгинут призраки бреда!

Мифы... Мечты... Они неотделимы от жизни человека. Они влияют на его сознание. Во имя мечты человек путешествует, идет на костер, идет на войну... В мечтах есть безусловно положительное начало, они

делают человеческую жизнь осмысленной, под их влиянием развивается наука. Вспомним мечту о философском камне - сколько открытий сделали алхимики! Эта мечта ускорила становление химии как науки.

Но особое место занимает и особое влияние на судьбу человека и человечества оказывала и оказывает мечта-утопия о прекрасном будущем. И здесь наряду с положительным есть и отрицательные моменты. Во имя светлого будущего оправдывались и совершались убийства и войны. Огромное разрушающее действие оказала на человеческое общество коммунистическая утопия.

Домарксистский коммунизм, вобрал в себя многие идеи христианства. Идея о справедливом устройстве общества, где царствует равенство (по христианской морали - перед Богом и законом), братство, справедливость. Христиане убеждены и проповедуют, что прийти в царство Божие можно, лишь соблюдая христианские заповеди. Не убий, не укради, почитай родителей своих... Нарушить заповеди истинному христианину немислимо. Подчеркнем, что христианство и фанатизм несовместимы. Религиозные войны происходили под влиянием средневекового мировоззрения, они были способом самоутверждения народов.

Христианин, чтобы попасть в царство Божие, постоянно работает над собой и самосовершенствуется. Жизнь верующего наполнена смыслом и содержанием. Во имя царства Божьего надо строить, а не разрушать, каждый человек должен заботиться о чистоте своей души. Это одна из заповедей христианства (в моем понимании).

Для коммунистов же главное не душа, а материя. Чтобы прийти в светлое будущее - коммунизм, по их мнению, достаточно достичь материального изобилия. Идея справедливости и равенства у них сводится к одинаковому материальному равенству (но не перед законом у всех все одинаково, и все довольны). А значит, нужно появление, т. е. выведение, "нового человека", которому не свойственна зависть, жажда к соревновательству.

Для этого, по новой коммунистической морали, нужно сначала уничтожить старый мир. Задавить представителей "темного" прошлого. Во имя этого можно грабить "эксплуататоров" ("грабь награбленное"), можно убивать классового врага (уничтожение буржуазии как класса).

Луначарский писал в своей статье "Христианство или коммунизм", что сила коммунистов в том, что они ставят коллектив выше личности. Это значит, что конкретная личность сама по себе не имеет ценности. Во имя коммунизма необходимы новые и новые жертвы. Да здравствуют новые жертвы, положенные на алтарь коммунизма! Такой вывод можно сделать из его слов.

"При коммунизме не будет ни женщин, ни мужчин, - будет одна счастливая масса", - говорит некий большевик в пьесе Н. Эрдмана "Самоубийца". "Да здравствует счастливая масса!" - вот один из главных лозунгов коммунизма. Приоритет массы над личностью - его смысл.

А кто не хочет быть в "счастливой массе", будет уничтожен. Следовательно, коммунизму не нужны яркие личности: личности не хотят быть как все, не хотят входить в "массу". Они (всякие там интеллигенты, изобретатели, философы и другие люди с ярко выраженной индивидуальностью) вечно недовольны, у них разные идеи и мысли. Они философствуют, неправильно воспитывают детей, не в духе преданности коммунизму. Поэтому первейшая задача - уничтожить и подавить личность и получить - как результат - нового человека, будущего гомосоветикуса.

2

Стоит оглянуться вокруг, и мы увидим плоды этой политики.

Первый цех "комбината" по производству "овощей"-гомосоветикусов начинается с детского сада. Придя в построенный по типовому проекту детский садик, ребенок начинает готовиться по единой программе к светлому будущему. Вместо воспитания чувства прекрасного будущего человека заставляют учить пошленькие стишки "о добром дедушке Ленине и родной партии". Вместо любви к России, к народу воспитывают в духе пролетарского интернационализма. Вместо почитания родителей - любовь к социализму, хотя ребенок это слово может еще не выговаривать.

Выйдя из детского садика, ребенок поступает в цех № 2 - школу. Здеськовка нового человека интенсивная и углубленная. Думать в школе не учат - напротив, стараются отучить (а тем, кто не хочет отучаться думать, ставят двойки по поведению и пишут плохие характеристики). Откройте учебники литературы, там всё разложено по полочкам. Подход к изучению литературы классовый, марксистско-ленинский, а не с позиции воспитания эстетического чувства. В нашей школе очень популярны сочинения на тему "О партии хочу я рассказать" - своеобразная проверка на спелость. Цель - проверить, как школьники восприняли идеалы коммунизма.

После школы молодой человек попадает в цех № 3 - армию. Штамповка "овощей"-гомосоветикусов идет вовсю, на полные обороты. Применяются самые изощренные методы. В армии и между солдатами, и между офицерами действуют самые нечеловеческие законы - законы зоны. Человек привыкает к унижению, а это вписывается в коммунистическую идеологию (человек будущего не должен обладать чувством собственного достоинства). Человек, привыкший к унижению, будет унижать других. Покорившийся дедовщине парень в какой-то мере деградировал как личность, в нем уже что-то от зверя. Его не удивит и не возмутит хамство чиновников, скотские бытовые условия.

В Совдепии личность повсеместно подавляется бытом. Посмотрите на наши города! Прimitивная архитектура, однообразие, "мерзость запустения". Ну, а как же, зачем человеку будущего изысканная архи-

тектура! Отличительная черта новых районов - полное отсутствие инфраструктуры, человек, живя там, чувствует, что он никому не нужен.

Вещи в магазинах, одежда, пища в столовых - удивительное однообразие и скудность. У всех, по возможности, должно быть всё одинаково - тогда никто никому не будет завидовать. Вот задача коммунистического быта!

Коллектив (читай, стадо) - любимое слово коммунистических идеологов. Коллективное сознание, коллектив всегда прав - об этом твердят на всех собраниях. В жизни это приводит к личной безответственности, человек ведь не считает себя виновным, за все отвечает коллектив. "А что я мог сделать один?" (единственное право советского человека - это право на обывательство).

Человек, избегающий коллектива, подозрителен. Он должен быть всегда на виду, в "обществе" и не должен оставаться наедине со своими мыслями (а вдруг придут не те мысли?). Вот и переполнены детские сады и школы, чем больше людей, тем лучше!

Так же коммунисты очень любят т. н. "стройки коммунизма", с огромным людским контингентом. Эти стройки позволяют творцам "светлого будущего" уничтожить лишний человеческий материал (пример - Беломорканал). Жертвы необходимы коммунизму - они подкрепляют идеологию. Раз во имя идеи погибают люди - значит она верна! Эти стройки позволяют угробить народные деньги. Советский человек не должен быть богатым. Нищий больше верит в утопии, помянут его "пряником", он и горы своротит. Нищий - хороший человек, человек будущего. Богатый - представитель темного прошлого. В результате этих представлений у нас почти не осталось хороших и рачительных хозяев, деловых людей. Они - кулаки, жмоты, к ним обращена ненависть обывателей. Так действует "автомат" по подрыванию деловых качеств. А зачем человеку будущего деловая хватка, за него всё будут решать чиновники из министерств.

Влияние коммунистической идеологии распространяется и на язык. Коммунистам мало внешней одинаковости, им нужна одинаковость мысли. Человек выражает свою мысль словами. Каков словарный запас, таковы и мысли. Почитайте совдеповские газеты и послушайте партийных лидеров КПСС. Какой примитивный, мертвый язык, сплошной Новояз. "Решающая фаза", "новое мышление", "деструктивные элементы". Они так и сыплют этими словами. Чем больше они употребляют новояз, тем более невнятно выражены мысли. С помощью нового языка, построенного на коммунистической фразеологии, оправдывают любые преступления. Человека достаточно было назвать врагом революции и народа, и он уничтожался! И никто не возмущался. А как же иначе? Ведь он враг народа! Известный пример Павлика Морозова, который добровольно выдал отца (а как же "чи отца своего?") лишь потому, что считал его врагом советской власти.

Мечта у коммунистов - единый, всемирный НОВАЯЗ. Вот тогда бы коммунистическая идея овладела массами и миром...

К истории коммунисты подходят со следующих позиций: хорош тот политический деятель и тот промежуток истории, который способствовал утверждению их идей. В учебниках по истории решающую роль играют "массы". Раз революционные "массы" добровольно поддерживали коммунистическую идеологию и большевиков, то значит, к этому была историческая предопределенность и иного быть не могло. Хитрый прием! Коммунисты прекрасно понимают, что на сознание "масс" можно влиять. Не зря Маркс говорил, что когда идея овладевает массами, она становится материальной силой, не зря Ленин делал ставку на люмпен, не зря большевики разбрасывали "Правду" среди полуграмотных мужиков. Путем бешеной большевистской агитации большевистская идея овладела массами, что из этого получилось, мы видим.

Об экономике я говорить не буду, для этого есть хорошие экономисты. Скажу лишь, что экономика строилась по утопическому принципу коммуны. Всё в общий котел, а потом какой-нибудь чиновник будет распределять, как сочтет нужным. Ленин считал, что вскоре все деньги вообще отомрут и все продукты будут распределять по карточкам. А кто не работает в коммуне - пусть умирает! Какое прекрасное средство контроля над человеком. Кстати, ни одна из многочисленных коммун XIX века не достигла уровня среднего американца. И существовали они сравнительно недолго. Экономика, построенная по котловому принципу, доказала свою неэффективность временем. И время ее истекло.

3

*"Прохожие в стандартных
черепушках
несут домой стандартные
мозги".*

Н. Рябинина

Разрушительное влияние коммунистической утопии на человеческое сознание ужасно! В результате ее претворения в жизнь был выращен советский человек-зомби. Зомби не способны мыслить. Они живут с усвоенными стереотипами. Эти стереотипы являются для них прожекторами, освещающими жизненную дорогу. Без них страшно и неудобно. И поэтому такая агрессия к людям, которые способны мыслить самостоятельно и пытаются сломать стереотипы. Здесь и страх потерять свой "луч", а другой не найти, и чувство собственного ничтожества.

С гомосоветикусами невозможен переход к нормальному обществу. Для этого они абсолютно не пригодны. Но будем надеяться, что закоренелых зомби не так много. И что их заразное влияние со временем

прекратится. А прекратится оно, если только найдутся люди-личности, способные сформировать идеал возрождения России и пробудить на созидание народ. (Гомосоветикусы - не народ, они - масса.)

Без этого нам не подняться с колен! Позволю же себе напомнить слова великого художника Ф. Гойи: "Сон разума рождает чудовищ!"

А. Шапиро (СМРС)

Сентябрь 1990 г.

Палата № 6

В нашем журнале мы открываем и поэтическую рубрику. Надеемся, что она будет постоянной. Мы - молодежный союз, и поэтому решили начать прежде всего с молодых поэтов. Конечно, не возраст будет определять их место, а содержание. Мы будем печатать Константина Кинчева, Юрия Шевчука, Владимира Шахрина - поэтов из "потерянного" поколения. Они на своей шкуре испытали "комиссародержавие". Итак, поэты андерграунда - против тоталитаризма!

Александр Башлачев

ПАЛАТА № 6

Хотел в Алма-Ату - приехал в Воркуту.
Строгал себе лапту, а записали в хор.
Хотелось "Беломор" - в продаже только "ТУ".
Хотелось телескоп, а выдали топор.
Хотелось закурить - но здесь запрещено.
Хотелось закирять - но высохло вино.
Хотелось объяснить - сломали два ребра.
Пытался возразить, но били мастера.
Хотелось одному - приходится втроем.
Надеялся уснуть - командуют: "Подъем!".
Хотел перекусить - закрыли магазин.
С трудом поймал такси, но кончился бензин.
Хотелось полететь - приходится ползти.
Старался доползти - застрял на полпути.
Ворочаюсь в грязи. А если встать, пойти?
За это мне грозит от года до пяти!
Хотелось закричать - приказано молчать.
Попробовал ворчать, но могут настучать.
Хотелось озвереть, кусаться и рычать!

Пытался умереть - успели откачать...
Могли и не успеть. Спасибо главврачу
За то, что ничего теперь хотеть я не хочу.
Психически здоров. Отвык и пить, и есть.
Спасибо. Башлачев. Палата номер шесть!!!

АБСОЛЮТНЫЙ ВАХТЕР

Этот городок скользит и меняет названия.
Этот адрес давно кто-то тщательно стер.
Этой улицы нет, а на ней нету здания,
Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтер.
Он печатает шаг как чеканят монеты,
Он обходит дозором свой архипелаг.
Эхо гипсовых горнов в пустых кабинетах
Вызывает волнение мертвых бумаг.
В каждом гимне - свой долг,
В каждом шаге - порядок.
Механический волк на арене лучей.
Безупречный танцор магаданских площадок,
Часовой диск-жокей бухенвальдских печей.
Лакированный спрут, он приветлив и смазан,
И сегодняшний бал он устроил для вас.
Пожилой патефон, подчиняясь приказу,
Забирает иглой ностальгический вальс.
Бал на все времена! Ах, как сентиментально...
Па-паук-ржавый крест спит в золе наших звезд.
И мелодия вальса так документальна,
Как обычный арест, как банальный донос.
Как бесплатные танцы на каждом допросе,
Как татарин на вышке, рванувший затвор.
Абсолютный Вахтер - и Адольф, и Иосиф,
Дюссельдорфский мясник да псковской живоде-
Полосатые ритмы с синкопой на пропуске,
Блюзы газовых камер и свинги облав.
Тихий плач толстой куклы, разбитой при обыске,
Бесконечная пауза выжженных глав.
Как жестоки романсы патрульных уставов
И канонов концлагерных нар звукоряд.
Вьются в вальсе аккорды хрустящих суставов
И решетки чугунной струною звенят.
Вой гобоев ГБ в саксофонах гестапо
И все тот же калибр, тех же нот на листах.
Эта линия жизни - цепь скорбных этапов.

На незримых и призрачно-жутких фронтах.
Абсолютный Вахтер - лишь стерильная схема.
Боевой механизм, постовое звено.
Хаос солнечных дней ночь приводит в систему
Под названьем... Да, впрочем, не все ли равно.
Ведь этот город скользит и меняет названия,
Этот адрес давно кто-то тщательно стер.
Этой улицы нет, а на ней нету здания,
Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтер.

ЛИХО

Если б не терпели - по сей день бы пели,
А сидели тихо - разбудили лихо.
Вьюга продувает белые палаты.
Головой кивает хвост из-под заплаты.
Клевер да березы. Полевое племя.
Север да морозы. Золотое стремя.
Серебро и слезы в азиатской вазе.
Потом юродивые князи нашей всепогодной грязи.
Босиком ходили по алмазной жиле,
Многих - постреляли, прочих - сторожили.
Траурные ленты, бархатные шторы.
Брань, аплодисменты да стальные шпоры.
Корчились от боли без огня и хлеба.
Вытоптали поле, засевая небо.
Хоровод приказов, петли на осинах.
А поверх алмазов - зябкая трясина.
Позабыв откуда, скачем кто куда.
Ставили на чудо - выпала беда.
По оврагу рыщет бедовая шайка,
Батяка-топорище, мать моя - нагайка.
Ставили артелью - намело метелью.
Водки на неделю, да на год похмелье.
Штопали на теле, к ребрам пришивали,
Ровно год потели - ровно час жевали.
Пососали лапу - поскрипим лаптями.
К счастью - по этапам, к свету - под плетями.
Веселей вагоны! Пляс да перезвоны...
Кто услышит стоны краденой иконы?!
Вдоль стены бетонной ветерки степные.
Мы тоски зеленой племяши родные.
Нищие гурманы, лживые сироты.
Да горе-атаманы из сопливой роты.

А мертвякам припарки, как живым медали
Только и подарков - то, что не отняли.
Нашим или вашим липкие стаканы.
Вслед крестами машут сонные курганы...

Резолюция С.-Петербургской Конференции НТС от 10 ноября 1990 года

ОБ УСИЛЕНИИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ И РАБОТЫ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Моральное крушение идеологических догм в России привело не только к положительным моментам, но и к отрицательным результатам. Более всего стагнация общества ударила по молодежи, по будущему возрождающейся России. В умы подростков хлынула безудержная пропаганда голого потребительства, насилия, не уравновешенная духовными и нравственными началами. Многолетний прессинг пионерской и комсомольской организаций убили в молодых жажду творчества, интерес к истории и духовной жизни.

С другой стороны, разумное и здоровое неприятие критики коммунистической идеологии и системы постепенно сменяется крайним антикоммунизмом, который реально грозит гражданской войной. Необходимо отметить, что со стороны верхов КПСС, КГБ и армии подобные настроения всячески поддерживаются, разжигаются для усиления дестабилизации и хаоса. В последнее время курс на введение в стране власти "сильной руки" достиг своего апогея.

Отсутствие информации и исторической грамотности приводит к формированию групп шовинистической направленности, дискредитирующих Россию, русский народ и христианское движение. Зачастую подобные организации создаются и инспирируются КГБ.

Исходя из вышесказанного, мы считаем необходимым и обязательным:

1. Активизировать работу среди молодежи, особенно студентов ВУЗов. Каждый студент ВУЗа, желающий вступить в НТС, обязан создать в своем ВУЗе информационное представительство по распространению литературы и идей Союза.

2. Создать КСМ из нескольких членов Союза, которые должны распределять литературу, материально-технические средства специально для людей, работающих с молодежью, координировать работу среди студентов и молодежи.

3. Всячески поощрять и помогать развитию скаутского движения в России. Каждая группа НТС, в регионе действия которой появ-

ляется скаутская группа или отряд, должна установить с ними контакт и передать информацию о них в КСМ.

4. Создавать в каждом городе просветительские клубы и центры, ответственность за работу в коих лежит на местных группах.

5. Членам НТС самим необходим высокий уровень политического образования. Поэтому мы считаем необходимым создание ежегодных месячных курсов на территории России для чтения курса лекций по истории философии и иной учебы. Преподавание в таком центре возлагается на образованных, более подготовленных членов Союза.

6. Изыскивать материальные средства для обеспечения просветительской деятельности обязан как российский, так и зарубежный НТС.

[...]

"За что мы боремся?" (из Программы ген. Деникина)

I. ОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

1) Уничтожение большевистской анархии и водворение в стране правового порядка.

2) Восстановление могущественной Единой и Неделимой России.

3) Созыв народного собрания на основе всеобщего избирательного права.

4) Проведение децентрализации власти путем установления областной автономии и широкого местного самоуправления.

5) Гарантия полной гражданской свободы и свободы вероисповедания.

6) Немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения.

7) Немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплуатации их государством и капиталом.

[...]

4) Восстановление права собственности.

5) Восстановление русской армии на началах подлинной военной дисциплины. Армия должна формироваться на добровольных началах (по принципу английской армии), без комитетов, комиссаров и выборных должностей.

6) Полное исполнение всех принятых Россией союзных обязательств, международных договоров. Война должна быть доведена до конца в тесном единении с нашими союзниками. Мир должен быть заключен всеобщий и почетный, на демократических принципах, т. е. с

правом на самоопределение поработанных народов.

7) В России вводится всеобщее обязательное начальное образование с широкой местной автономией школы.

8) Сорванное большевиками Учредительное Собрание должно быть создано вновь. Выборы в Учредительное Собрание должны быть проведены свободно, без давления на народную волю и по всей стране. Личность народных избранников священна и неприкосновенна.

9) Правительство, созданное по программе ген. Корнилова, ответственно в своих действиях только перед Учредительным Собранием, к которому оно и передаст всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное Собрание как единственный хозяин земли русской должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй.

10) Церковь должна получить полную автономию в делах религии. Государственная опека над делами религии устраняется. Свобода вероисповеданий осуществляется в полной мере.

11) Сложный аграрный вопрос представляется на разрешение Учредительного Собрания. До разработки последним в окончательной форме земельного вопроса и издания соответствующих законов - всякого рода захватно-анархические действия граждан признаются недопустимыми.

II. О ЗЕМЕЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Государственная польза России властно требует возрождения и подъема сельского хозяйства.

Полное разрешение земельного вопроса для всей страны и составление общего для всей необъятной России земельного закона будет принадлежать законодательным учреждениям, через которые русский народ выразит свою волю.

Но жизнь не ждет. Необходимо избавить страну от голода и принять неотложные меры, которые должны быть осуществлены незамедлительно [...]

III. О РАБОЧЕМ ВОПРОСЕ

"Русская промышленность разрушена совершенно, чем подорвана государственная мощь России, разорены предприятия и лишены работы и хлеба миллионы рабочего люда.

Предлагаю Особому Совещанию приступить немедленно к обсуждению мер возможного восстановления промышленности и к разработке рабочего законодательства, приняв в основу его следующие положения:

[...]

2) Установление государственного контроля за производством в интересах народного хозяйства.

3) Повышение всеми средствами производительности труда.

[...]

5) Примирение интересов работодателя и рабочего и беспристрастное решение возникающих между ними споров (примирительные камеры, промысловые суды).

6) Дальнейшее развитие страхования рабочих.

7) Организованное представительство рабочих в связи с нормальным развитием профессиональных обществ и союзов.

8) Надежная охрана здоровья трудящихся, охрана женского и детского труда, устройство санитарного надзора на фабриках и заводах и в мастерских, улучшение жилищных и иных условий жизни рабочего класса.

9) Всемерное содействие восстановлению предприятий и созданию новых в целях прекращения безработицы, а также принятие других мер для достижения той же цели (посреднические конторы по найму и пр.).

К обсуждению рабочего законопроекта надлежит привлечь представителей как от предпринимателя, так и от рабочих. Не ожидая окончательной разработки и осуществления рабочего законодательства, во всех случаях текущей жизни и административной практики в мере возможности применять эти основные положения и, в частности, оказать государственное содействие обеспечению рабочих и их семейств предметами первой необходимости за счет части заработка".

Ген. А. И. Деникин

Брошюра-листовка, март-апрель 1919 г.

Рекомендация по отстройке молодежных организаций солидаристов

г. Челябинск

Главное в формировании оппозиции и для ее существования - это четкость идейной установки оппозиционности к большевистскому режиму. Чем конкретнее и строже фиксирован принцип политического антикоммунизма, тем четче осуществляется практика тактических мероприятий, огражденная в этом случае от политической проституции. И тем меньше вред от информаторов противника и внутренних провокаторов.

Анализируя поведение располагаемых кадров и при четкости принципов солидаристской организации, не трудно заметить саботаж политико-тактических решений и мероприятий со стороны внутреннего наблюдения противником.

Опорные формирования реальной оппозиции к большевистскому режиму (мы их называем "друзья НТС"), воспитывают в своем составе и пропагандируют российский солидаризм. Солидаризм - как духовную солидарность каждой суверенной личности в освободительной борьбе за возрождение России. Так и солидаризм всех национальностей России за соборность и возрождение, за единую россиянскую нацию.

Освободительная борьба требует взаимовыручки и жертвенности. Существуют два качества, определяющие основные методы борьбы, структуру организации и нормативный механизм - это внесистемная и внутрисистемная оппозиция; обе линии целесообразны. Разрабатывая и отстраивая обе линии, можно при этом осуществлять оперативное использование и передислокацию сил обоих качеств и политико-тактических возможностей. Иметь силы как в зоне политико-тактических акций, так и за пределами этих зон; формировать силы по качественным направлениям.

Либерализация режима началась из-за длительного отсутствия ротации кадров бюрократии и экономического кризиса. Нельзя исключать формирования третьей силы из "бюрократов-перебежчиков", как один из вариантов внутрисистемной оппозиции.

Организация солидаристов должна иметь живучесть и серьезность работы. Это в немалой степени зависит от начального этапа формирования. С первого момента формирования осуществляется структурная и функциональная определенность организации, этот этап уязвим инфильтрацией агентуры противника в руководство. Какого качества люди войдут в формирования, такие качества внесут в него. Каковы кадры, такова и организация. Самой организации важно существование Движения в поддержку этой организации.

Движение организации формируется: самоприемом; свободной раздачей членских удостоверений Движения; пользование символикой (ношение значков, эмблем, знамен, повязок).

Для самой организации предпочтительно строить работу сеткой, где каждый из основной группы имеет своих сотрудников; здесь подходит название - комитет.

Разумно будет применять гласное и негласное членство в организации. Это позволяет расширять базу организации; эффективно планировать политические инициативы; подбирать целесообразно и оперативно осуществлять различные виды и направления деятельности. К примеру, работа негласных корреспондентов в различных организациях; негласный поиск информации; негласное фиксирование информации или объекта акции техническими средствами.

В деятельности актива организации основные позиции две - это организационная работа и печать. При этом актив должен приобретать и накапливать максимум информации.

Печать: это листовка, информбюллетень, газета, журнал, брошюра; это способы печати, материалы и оборудование.

Организационная работа - это индивидуальный режим работы; кадровая политика; постоянная учебная подготовка кадров; планирование, подготовка и осуществление акций; аналогическая работа; определение и выбор направлений работы; подбор и подготовка для этих направлений кадров.

Очень сложной, но очень важной работой является хозяйственная коммерческая деятельность (коммерческая торговля, видеобизнес и т. п.).

В особых условиях борьбы с большевистским режимом солидаристу необходимо воспитывать в себе твердость духа. Уметь создавать психологическую установку к своей работе. К примеру, психологическая установка:

- Все будет решать моя воля.

- Все решает моя воля.

Каждый, кто себя посвятит освободительной борьбе в России, тот посвятит себя благородному и святому делу - возрождению России.

А. И. Попов, главный представитель
НТС г. Челябинска 454000
Каслинская 17, кв. 96

г. Нижний Новгород
Мазурин Александр
ул. Пескова д. 9А, кв. 27
т. 59-40-86

О книгах Петра Паламарчука

Проза Петра Паламарчука (он автор двенадцати вышедших книг) известна зарубежному читателю еще с самых "застойных" времен - но в основном под псевдонимами. В "Континенте" была опубликована повесть "Краденый Бог", в издательстве ОРІ - книга "Ключ к Гоголю", в УМСА-Press - четырехтомный альбом "Сорок сороков", повесть "Новый московский летописец. От преддверия коммунизма до Тысячелетия Крещения Руси" - в "Вече" (№№ 36-38, 1989). В предыдущем номере "Граней" (№ 161) увидел свет большой отрывок из его нового романа "Векопись".

Обратил на себя внимание и необычный, соединяющий старомодность с современной веселостью, язык писателя (В. Максимов назвал Паламарчука в числе немногих литературных открытий последнего времени), но рецензий в эмиграции практически не было. Сейчас его произведения, наконец, выходят на родине, и кажется уместным, хотя бы с опозданием, отдать должное его таланту. По крайней мере - обратить внимание читателей на вышедшие книги.

*

Уже ранняя повесть "Краденый Бог"* , включенная теперь в сборник рассказов, обращает на себя внимание именно с художественной стороны: свободно льющаяся русская речь, свежие сравнения, игра слов. "...слова у меня сами вскипают на языке, играя, перетасовываясь и поминутно меняя смысл на противоположный", - замечает о себе рассказчик. Автор живет в языке, как в родной стихии, рискуя даже спускаться в длинные стремнины сложных синтаксических конструкций: поначалу они выглядят напряженно-опасными, но каждый раз завершаются в тихих иронических заводях. Ирония у Паламарчука - вообще норма, это основная ткань

* В. Денисов (псевдоним П. Паламарчука) "Краденый Бог". - Париж: "Континент" №№ 48-49, 1986.

повести, на которой вышиты словесные узоры, и даже серьезности странным образом укладываются на эту основу, не теряя своего значения. Кажется, будто автор защищается ею от пафоса, который нынче в России не очень в моде, даже если речь идет о вещах возвышенных и событиях жизненно важных...

Именно таковы события, случившиеся с главным героем повествования, молодым москвичом, от имени которого ведется рассказ. В туристической поездке по русскому Северу, в одном забытом всеми, кроме Бога, городке, он украл в церкви старую икону – так поразила она его чем-то. Даже специально вернулся самолетом за ней с полпути. Привез домой, повесил в угол. И икона – образ Божией Матери Тихвинской – стала вмешиваться в его жизнь. Началось с угрызений совести за совершенную кражу, которая всё больше ощущалась им как святотатство. Однако вскоре он настолько полюбил икону и настолько "...серьезно связался со своим несчастным приобретением, ...что никакие грязные средства, которые он заполучил, совершенно любви этой не касаются, блуждая в непересекающихся с ней плоскостях", – так уже стало ему казаться. Священник, которому он покаялся в краже и спросил, что же теперь делать, тоже почувствовал провиденциальность случившегося и разрешил оставить икону. Он понял, что послана она свыше, для приведения человека к вере.

Но не так-то легко стать верующим: "...тело мое, стоящее на страже собственного покоя, издалека уже почуяло угрозу стеснения, отказа от привычек и склонностей... и, защищаясь насмерть, вонзились шупальцами своих ощущений в душу, стало кромсать ее боязнями, понуждая избавиться от нагрянувшей беды, извергнуть ее вовне и вернуться на старое". "Кто-то чужой" тоже вторгается в мысли, понуждает продать икону... А Бог не торопится помогать в этой борьбе чудесами: "Сами подумайте, в чем же состояла бы наша заслуга, коли необыкновенное... заявилось бы во всеоружии сокрушительной беспрекословной убедительности?"

Очевидно, следуя тому же принципу, и автор повести не насилует воображение читателя четко завершенной концовкой. У каждого свой путь к Богу (или от Бога...). Герой повести вышел на этот путь через святотатственную кражу иконы из храма, но он еще в пути: "в незнаемый я путь иду меж страха и надежды..." – проносятся у него в голове стихи А. К. Толстого. Книгу этих стихов дореволюционного издания он тоже привез с Севера вместе с иконой, спас от "списания" в какой-то захудалой библиотеке, и величественные строфы о

бренности земной жизни сопровождают его размышления во всей повести. Ироническая самооборона от них становится у героя всё слабее и бесполезнее: кажется, вот-вот случится некий прорыв туда, где иронией не защититься от осознания, "каков истинный вопрос философии: это страх смерти". От ответа на него зависит, однако, понимание смысла жизни.

И прорыв, кажется, происходит: в конце повествования строфа Толстого, теряя стихотворную форму, переходит во внутренний монолог-молитву героя: "Господь! В тот день, когда труба вострубит мира преставленья, прими усопшего раба в Твои блаженные селенья"...

*

Большое значение имел (и не потерял его) составленный П. Паламарчуком "Путеводитель"* - своего рода краткий "бедкер" по биографии и творчеству А.Солженицына. В этой книжке сжато изложены содержание и основные идейно-нравственные проблемы романа "В круге первом", рассказов "Один день Ивана Денисовича" и других, повести "Раковый корпус", художественного исследования "Архипелаг ГУЛаг", пьес и киносценариев, публицистики, повествования в десяти томах "Красное колесо", автобиографической книги "Бодался теленок с дубом". В конце концов "путеводитель" со строчной буквы вырастает до открытия Путеводителя с прописной - им оказывается направлявший перо великого писателя сам Христос, сказавший всем, кто последует ему: "Я есть путь и истина и жизнь".

Судьба "Путеводителя" оказалась по-своему замечательной. Он по оплошности цензуры был впервые опубликован в провинциальном альманахе "Кубань" в самом начале 1989 года, когда на само упоминание имени Солженицына в советской печати был опять наложен запрет с самого партийного верха (В. Медведев). Эта публикация как бы пробила брешь в стене официального умолчания, став "спусковым крючком" для возвращения произведений самого героя "Путеводителя" к отечественному читателю. Затем он еще пять раз выходил в различных журналах, сборниках и, наконец, отдельной книгой (почти миллионным тиражом), получив премию за лучшую публикацию в журнале "Москва" за 1989 год.

* П. Паламарчук. Александр Солженицын: путеводитель. - Москва: "Столица", 1991, 96 сс.

"Путеводитель" доныне остается единственной книгой о Солженицыне, вышедшей в Советском Союзе.

*

Книга "Новый московский летописец"* представляет собою совершенно необычную для современной литературы попытку возобновить стиль и дух средневековых хроник-летописей. В ней "с точки зрения вечности" рассмотрено важнейшее в истории десятилетие 1979-1988 гг.: от кануна обещанного Хрущевым коммунизма до Тысячелетия Крещения Руси, когда "коммунистическому упырю всенародно загнали в могилу осиновый кол".

Каждый год представлен кратким описанием важнейших, с точки зрения историософии, событий, переложенных ради увлекательности острыми политическими анекдотами, которыми так богата была в те годы устная российская словесность. Книга как бы подводит итог не только десятилетия конца коммунизма, но и тысячелетия труднейших судеб православия на Руси. В ней также даны сжатые, в духе древнерусских летописей, портреты владевших страной в ту пору четырех "временщиков", Патриарха Пимена, и других видных деятелей. Это как бы взгляд на коммунизм с высоты великой русской истории, откуда он видится во всем своем метафизическом ничтожестве. Оканчивается новая московская летопись молитвой о спасении страны от безбожной власти.

Впервые книга была опубликована в Германии в альманахе "Вече"; в России она печатается в альманахе "Дума" в 1991 г.

*

Трилогия "Русская троица" состоит из трех коротких романов, посвященных попытке скрестить на историософском уровне прошлое и настоящее трех составных частей современной России - Руси Великой, Малой (Украины) и Белой (Белоруссии). Она написана в 1989-90 гг. к тысячелетию Крещения Руси.

* П. Паламарчук. От преддверия коммунизма до Тысячелетия Крещения Руси. Новый московский летописец 1979-1988. - Мюнхен: "Вече" №№ 36-38, 1989.

Первый роман - "Ивановская горка"* - относится к Москве. Здесь действие происходит в течение тысячи лет на небольшом клочке земли в самом центре столицы государства. В нем участвуют деятели тайных средневековых сект хлыстов и скопцов, невероятный авантюрист XVIII века Ванька Каин - одновременно сыщик и вор, таинственная узница княжна Тараканова - претендентка на российский престол и множество других персонажей, объединяемых поиском веры нашего современника, который в итоге возвращается к порогу Православной Церкви.

Второй роман - "Козацкие могилы"** - повествует о поисках смысла жизни и вероисповедания на Украине, начиная со святого князя Владимира - апостола Крещения Руси; затем речь идет об освободительной войне против Польши и о средневековых ересьх антиринатириан и заканчивается повествование близ главной святыни Галицкой Руси - Почаевской Лавры уже в наши дни.

Третий роман - "Векопись Софийского собора..." (то есть летопись) отчасти знаком читателям "Граней". Действие в нем происходит в древнейшем храме Западной России, превращенном большевиками в общежитие, обитатели которого существуют в комнатах, покрытых росписями на темы притч Христовых. Перед нами проходит вереница современных российских чудачков, среди которой главный обитатель собора пишет летопись его в течение опять-таки тысячи лет. В итоге он встречается в день Троицы со своим загубленным коммунистами отцом-священником и сыном, который был изувечен в Афганистане.

Все три части трилогии дают достаточно полную художественно-историческую картину религиозных исканий русской истории, которые в итоге завершаются обретением обновленным всем этим опытом нынешним человеком вечных истин святого Православия.

М. Н.

* П. Паламарчук. Ивановская горка. - Москва: "Молодая гвардия", 1989, 320 сс.

** П. Паламарчук. Козацкие могилы. - Москва: "Современник", 1990, 464 сс.

Коротко об авторах

Б о б р и к о в Владимир. Актер, поэт и бард. Живет в Москве

К а ш н и к о в Владимир Николаевич родился 3. 3. 1923 в Польше; окончил польскую гимназию в Варшаве. В 1941-44 гг. вел работу НТС в России, в конце войны был во Второй дивизии РОА. В 1948 г. из Зальцбурга выехал в Чили, где работал художником в текстильной промышленности. В 1965 г. переехал с женой и двумя сыновьями в США, продолжая ту же работу. Был казначеем группы НТС в Нью Джерси до 1987 года, пока по болезни (рак горла) не пришлось уйти на покой.

К о л к е р Юрий Иосифович. Род. в 1946 году в Ленинграде. Окончил физико-механический факультет Ленинградского политехнического института. Публиковать свои стихи начал с 1972 года. Помимо стихов пишет публицистические, критические, литературоведческие статьи. Эмигрировал в 1984 году. Печатался в журналах "Континент", "Двадцать два", "Стрелец" и др. В газете "Русская мысль"; в антологии "Русские поэты на Западе" (1986). В "Гранях" (№ 156(2), 1990) была опубликована его литературоведческая статья "Изящные науки", вызвавшая полемику в литературных кругах. В поэтической серии "Русское Зарубежье. Поэты Израиля" в 1990 году вышел сборник его стихов "Далека в человечестве". В настоящее время живет в Лондоне.

М а т с о в Марк. Кинокритик, сценарист и прозаик. Живет в Москве. В предыдущем номере "Граней" (№ 161(3),

1991) были опубликованы два его рассказа. Живет в Москве.

Н а з а р о в Михаил. Журналист, публицист, историк и переводчик. Многолетний член редколлегии журнала "Посев". Автор целого ряда статей и исследований в русской зарубежной периодике. Постоянно сотрудничает в журнале "Грани". Живет в Германии.

С а д ч и к о в Георгий. Живет в России, в провинции. Инженер. Стихи пишет с ранней юности. В стихотворную подборку, составленную московским поэтом Виталием Пухановым и опубликованную в "Гранях" (№ 161(3), 1991), вошли и стихи Г. Садчикова.

Ф е д о р о в Сергей Георгиевич. Род. в 1953 году в г. Молотов (ныне снова Пермь). Окончил Ленинградский инженерно-строительный институт. В настоящее время работает старшим научным сотрудником Ленинградского института Теории архитектуры и градостроительства (ЛЕННИИТАГ). Автор многочисленных работ по истории архитектуры, градостроительства и строительной техники, опубликованных на русском и основных европейских языках.

Ф е л ь ш т и н с к и й Юрий Георгиевич. Род. в 1956 году в Москве. В 1978 году эмигрировал в США. Изучал историю в Брандайском университете на кафедре "Сравнительная история". Закончил аспирантуру Ратгерского университета. Последние несколько лет работал в архивах Гуверовского фонда Стенфордского университета, а также в европейских архивах. Специализируется по русской истории 1917-45 гг., новейшей истории дипломатии и по проблемам социализма. Автор целого ряда публикаций, статей и книг, а также составитель и редактор нескольких документально-исторических сборников.

Ш а н г и н Михаил Леонтьевич. Журналист и литератор. По профессии - строитель. Родился в 1928 году в деревне под Курганом. Человек необычайно - даже по нашим трудным временам - трудной судьбы. Совсем ребенком пережил коллективизацию, голод в деревне. И всё же закончил школу и семнадцатилетним парнишкой оказался в ближайшем районном центре. Начал работать в газете. Не прошло и года, как он был арестован по доносу (лучше сказать: поклепу), и началась его почти двадцатилетняя "одиссея" по островам лагерного архипелага. Во второй половине 50-х гг. ангин получил сообщение, что реабилитирован "за отсутствием состава преступления". Его приглашали работать в газету, но лагерная жизнь сделала из его строителя. Он продолжил заниматься этим на воле - строил школы, больницы, дома. Но писал всё время: воспоминания, очерки, репортажи. Уже на склоне лет судьба размахнулась и ударила еще раз, да как! На обратном пути от стариков-родителей домой МАЗ с пьяным шофером сбил легковушку - и оставил стариков сразу без дочки, внуки и зятя, совсем одних. Живет М. Л. Шангин в Кургане.

СОДЕРЖАНИЕ С № 159 ПО № 162 ЗА 1991 ГОД

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

САПОЖНИКОВ Владимир
Моё покаяние, 159

ПРОЗА

БОРОДАЕВСКИЙ Андрей
Пропажа, или альбом моей бабушки, 160
КАПИАНИДЗЕ В.
Машина красного цвета. *Рассказ*, 160
МАТСОВ Марк
Дом на Триумфальной. Лестница воспоминаний.
Два рассказа, 161
МУРАВЬЕВА Ирина
Ляля, Наташа, Тома... *Повесть*, 160
ОКУЛОВ Андрей
Леший камень, 159
ПАЛАМАРЧУК Петр
Векопись. *Главы из романа*, 161
СЕНДЕРОВ Валерий
"В этом времени стихам не место", 161
СТИШОВ Максим
Окончательные итоги. *Повесть*, 159
ШАНГИН Михаил
Загнета. *Главы из повести*, 162

ПОЭЗИЯ

БЕРЛИН Евгений
Прощаться... Прощаться... *9 стихотворений*, 161

БОБРИКОВ Владимир

Я бежал за огнем. *10 стихотворений*, 162

БРАЙНИН-ПАССЕК В.

Предпоследний светлый день. *11 стихотворений*, 160

ВАСИЛЬЕВ Федор

"День прибрал имеющее цену...", 161

ГЕЛЕЙН Алексей

А скрипач играет песенку... *8 стихотворений*, 160

ДИДУРОВ Алексей

Фрагмент любви. *Стихотворение и поэма*, 162

ЕРЕМЕНКО Владимир

"Внезапно станешь..." *2 стихотворения*, 161

ЛИНЬКОВА Людмила

"Под покровом синей ночи..." - Вот и всё, 161

МЕЛАМЕД Игорь

Ангел, 161

ПУХАНОВ Виталий

"У Себастьяна Баха..." *8 стихотворений*, 161

СМАГИНА Елена

Осенний пейзаж. *4 стихотворения*, 159

СУДОВЦЕВ Георгий

На закате. - "Пока ползли сырые мхи по камню..." -

В поисках гармонии. - В зимнем лесу, 161

Узор на розовом окне. *12 стихотворений*, 162

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ГЕССЕН Елена

Вокруг Маканина, 161

КОЛКЕР Юрий

Несколько наблюдений (О стихах И. Бродского), 162

КРЕЙД Вадим

О поэте Александре Кондратьеве, 159

СИНКЕВИЧ Валентина

Ирина Сабурова. Лидия Алексеева. *Фрагменты из книги*, 160

ТОЛСТОЙ Ив.

Рассказ В. Набокова "Лик" - Малая Вселенная, 159

ШНЕЕРСОН Мария

Два романа Василия Гроссмана, 160

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

ГОРБАНЕВСКИЙ Михаил

Трагедия гения при тоталитаризме

(*Е. Д. Поливанов*), 160

КАШНИКОВ Владимир

В России 1941-44 гг., 162

КЛИМЕНКО Ольга

Десять лет. Окончание. (*Начало в № 157*), 159

МАТСОВ Марк

Первые мемуары. *О М. В. Юдиной*, 162

КРАСНЫЙ ТЕРРОР В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Публикация и предисловие Юрия ФЕЛЬШТИНСКОГО,
161

К 50-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВОЙНЫ

НАЗАРОВ Михаил

Эмиграция и война. *Главы из книги. Ч. I*, 161

Эмиграция и война. *Ч. II*, 162

ИСТОРИЯ

ФЕЛЬШТИНСКИЙ Юрий

Разговоры с Бухариным, 159

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОСТИ

КОЛПАКОВ Александр

В ожидании чуда?, 161

ПОПОВ Виталий

Аты-баты, куда идут стройбаты?, 160

ПРОХОРОВ Константин

Фольклор советской армии, 160

ТОЛСТОЙ Ив.

Великодержавный провинциализм, 160

ПУБЛИЦИСТИКА

ЛЕБЕДЕВ О.

Спасемся ли?, 159

РЕДЛИХ Роман

О диалектике трудовых отношений, 159

Этюд дилетанта об экологии, 161

ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ. КУЛЬТУРА

БЫЧКОВ Виктор

Возвышенным земное укрепляя, 159

ФЕДОРОВ Сергей

Печоры, 162

ПУБЛИКАЦИИ

БОРОДИН Леонид

Полюс верности, 159

ДОРОГА К ХРАМУ. *Журнал молодых российских солидаристов. Челябинск, 162*

ПУТЬ К БУДУЩЕЙ РОССИИ

ПУШКАРЕВ Борис

Рынок и план в городской застройке, 160

ШТРОМАС Александр

Приватизация, 161

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

БАТШЕВ Владимир

Четвертая книга. *О поэзии А. Альшутова*, 160

ДУБНОВ Евгений

"И две судьбы, как два завета". *Стихи Лии Владимировой*, 160

ЗУБАРЕВА Вера

Пушкин и наследие диктатуры, 160

КРОХМАЛЬ Евгений

Сталин - это Маркс сегодня. *Ю. Боров "СталиниАДа"*, М., 1990, 159

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий

У истоков освободительной идеологии, 160

И. М.

Грех, который не отмолить. *А. Приставкин "Кукушата"*, 160

М. Н.

О книгах Петра Паламарчука. *"Краденый Бог"*, *"Александр Солженицын: путеводитель"*, *"Новый московский летописец"*, *"Ивановская горка"*, *"Козацкие мотивы"*, *"Векопись"*, 162

СИНКЕВИЧ Валентина

Посмертная книга Леонида Ржевского. *Л. Ржевский "К вершинам творческого слова"*, 159

СЕНДЕРОВ Валерий

Статьи Федотова надо перечитывать, 160

Беспокойство души. *В. А. Оболенский "Моя жизнь"*, 161

Всё-таки рукописи не горят. *И. И. Шитц "Дневник великого перелома"*, 161

Последний генсек? *М. Геллер "Седьмой секретарь"*, 161

Отклонения по качеству обусловлены состоянием оригиналов, представленных для съемки.

Подписано к печати 15.10.91. Формат 84х108 1/32. Бумага офсетная. Печать высокая. Усл.печ.л. 16,8. Усл.кр.-отт. 16,9. Уч.-изд.л. 15,3. Тираж 50 000 экз. Цена 6 руб. Заказ 493.

Ассоциация совместных предприятий, международных объединений и организаций СССР.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.
Государственная ассоциация предприятий, объединений и организаций полиграфической промышленности «АСПОЛ».
Ярославский полиграфкомбинат, 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ЖУРНАЛ "ПОСЕВ"

"Посев" - общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1945 года.

"Посев" участвует во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

С 1976 года журнал "Посев" выходил также в виде ежеквартального издания, предназначенного специально для переправки в страну и распространения среди советских граждан за рубежом. С 1990 года сливаются два издания - ежемесячный "Посев" и его квартальное издание. "Посев" в новой форме будет выходить каждый второй месяц на 160 страницах.

6 р.

Г Р А Н И

**ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

Журнал выходит 4 раза в год.
320 страниц в номере.

Цена отдельного номера:	17,50 нм
Годовая подписка: в издательстве	60 нм
через магазины	70 нм
в СССР	30 руб.
организации:	35 руб.

Московский адрес для подписок:
129010 Москва
Абонентный ящик 72
В. Батшев
тел.: 465-05-05

Расходы по пересылке за счет подписчика

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

(6 выпусков в год)

В розничной продаже:	10 нм
Годовая подписка:	50 нм
В Москве:	3 руб.

Подписную плату следует посылать:
почтовым переводом или чеком (в письме) по адресу

POSSEV-VERLAG
D-6230 Frankfurt/Main 80, Flurscheideweg 15

ISSN 0017-3185